

Вещь

1(5)/2012

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Фестиваль СловоNova

Проза

Юрий Асланьян

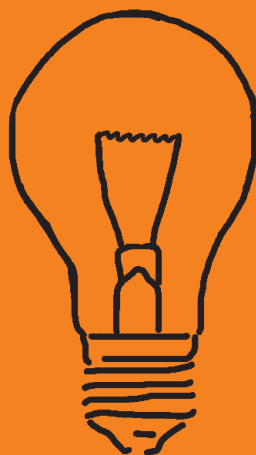
Нина Горланова

Драматургия

Александр Югов

Дата

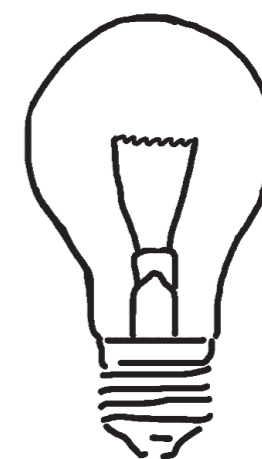
20-летие «ОДЕКАЛа»

Вещь

1(5)/2012

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРМЬ 2012

Содержание

- 3** **Маршалл Маклюэн**
Афоризмы (перевод Сергея Тетерина)
- **Павел Чечеткин**
В медном клюве простуженной галки (стихи)
- **Леонид Юзефович**
Филэллин (отрывок из нового романа)
- **Владимир Лаврентьев**
Где невозможно долго жить (стихи)
- **Владимир Киршин**
Гарибальди Весельчак (рассказ)
- **Екатерина Симонова**
Два цикла из новой книги стихов «Время»
- **Алексей Лукьянов**
Миленький (киносценарий)
- **Сергей Крюков**
Жеанне (повесть)
- **Александра Шилева**
Праздник (стихи)
- **Ян Кунтур**
Бер блет (путеводитель по пермской «системе»)
- **Владислав Дрожащих**
Маятник на бреющем полете над Камой (история литературных разборок)
- **Иван Козлов**
Рифмы с пространством (визуальная поэзия)
- **Сергей Сигерсон**
Опыт построения арт-коммуны на отдельно взятом болоте (полемика)
- **Екатерина Симонова**
Способы хранения сновидений (о книге Аркадия Застырца «Онейрокритикон»)
- **Ольга Роленгоф, Ольга Ловцова, Семен Ваксман, Марта Шарлай, Юрий Асланьян, Светлана Ворошилова**
Рецензии («Genius loci», «Поэты Урала», «Антология. Современная уральская поэзия», «Были съёмка и поиски», «В кварталах дальних и печальных», «Фоторамка на забытой стене», «Черемуха и церковь»)

Коротко

Маршалл Маклюэн
Афоризмы

Российская библиотечная ассоциация объявила город Пермь «Библиотечной столицей России-2012». Из пресс-релиза: «Это событие является значимым не только для библиотек Прикамья, но и для всех жителей Пермского края, чей профессиональный, творческий и личностный рост неразрывно связан с книгой и миром информации».

«Вещь» решила отметить событие публикацией афоризмов Маршалла Маклюэна – выдающегося канадского культуролога, теоретика и философа новых медиа, открывшего принципиально новый взгляд на природу и сущность влияния технологий.

Афоризмы публикуются в переводе пермского медиахудожника Сергея Тетерина, организовавшего сайт <http://www.mcluhan.ru/>, посвященный одному из самых харизматичных, спорных и оригинальных мыслителей нашего времени, который признан как «отец медиакоммуникаций» и «пророк информационного века».

Способ передачи сообщения уже сам по себе является сообщением.

В эти электрические времена мы одеваемся в человечество как в нашу кожу.

Истинная правда: нас делает то, что мы сами делаем в столкновениях с миром.

На Космическом Корабле «Земля» нет пассажиров — есть только члены команды.

Изобилие порождает нищету.

Образование — это самозащита общества против вреда, который приносят медиа.

Моральная точка зрения — это суррогат, заменитель для понимания сути технологических перемен. Кто не может понять, начинает морализировать.

Язык, речь, слова делают для ума то же самое, что колеса делают для ног.

Только маловажные секреты нуждаются в сокрытии. Главные достижения мысли прекрасно защищены общественным недопониманием.

Быстрота и решительность помогают вовремя признать виновного виновным — но по-настоящему справедливое правосудие нуждается в медлительности.

По телефону и телевизору передают не столько сообщения, сколько тех, кто их «отправляет».

Наличные деньги — это кредитная карта бедняка.

Мы видим сегодняшний день через зеркало заднего вида. Мы пятимся назад в будущее.

Изобретение своим появлением порождает необходимость в себе.

Автомобиль стал защитным панцирем для каждого — кто живет в городе, и в пригородах.

На самом деле люди не читают газет. Они залезают в них каждое утро как в горячую ванну.

Дорога — это наша главная архитектурная форма.

Сегодня каждый из нас проживает несколько веков за десять лет.

В наше время бизнесом бизнесов становится непрерывное изобретение новых бизнесов.

Цена за нашу вечную бдительность — безразличие.

Любая реклама рекламирует рекламирование.

Специалист — это тот, кто не делает ни малейшей ошибки во время движения к огромным заблуждениям.

Политика всегда предлагает нам вчерашние ответы на вопросы дня сегодняшнего.

Оказавшись на границе чего-то, неважно, во времени или в пространстве, люди неизбежно отказываются от своих предыдущих идентичностей. Идентичность формируется при наличии соседей. Границы вырывают идентичности из людей и отбрасывают прочь.

В будущем книга полностью редуцируется до краткой аннотации на обложке.

Политики и политические партии уступают место харизматичным картинкам и имиджам — и это происходит на скорости света.

Я могу быть не прав, но я никогда не сомневаюсь.

Пища для ума в точности как пища для тела: на выходе получается нечто совсем иное.

Перевод Сергея Тетерина

Поэзия

Павел Чечеткин

В медном клюве простуженной галки

Майские яблони

Ради двух этих майских недель,
 Когда яблони в алом и белом
 Затевают свою канитель
 Над земли неразделанным телом,
 И борясь с притяженьем руки,
 Заготовки для зимней шарлотки
 Гордо держат свои лепестки,
 Будто парус рыбацкие лодки.
 Там при взгляде с любой высоты
 Белогрудые кроны под вами
 Затопляют с шипеньем сады,
 Как распластанный гребень цунами;
 Обрывая цветки по пути,
 Тут же девушки в платьях и блузах,
 Словно гейши идут посреди
 Белых сакур в окрестностях Фудзи.

Ради двух этих майских недель
 Можно жить в этом городе грустном,
 Представляя, что вечный апрель
 Дал хлопушечный залп ему в гузно,
 Можно жить и дышать;

а затем

Расстреляв свои белые хлопья,
 Этот буйный заезжий эдем
 Выйдет сморщенной яблочной дробью.
 И средь мокрой осенней тиши
 Ты увидишь, как мелки и жалки,

Исчезают рябые пыжи
В медном клюве простуженной галки.

Линия судьбы

С моей ладони линия
Ведёт за горизонт.
Над нею — бездна синяя,
Под ней — грошовый понт.

И снова под раздачу я
Попавший,

так и сяк
Дразню судьбу незрячую,
Вертя ладонь горячую,
Не сжатую в кулак.

Представь себе: мы стали словно боги,
Познавшие добро и зло,
В терновый куст сплетая руки, ноги
И всё, что кромеросло.

Лежим во тьме.
Как тихо и взаимно!
Но вот уже очнувшаяся власть
В глухих раскатах утреннего гимна
Адама гонит сеять,
Еву — прясть.

Чудеса

Из дальних стран приехавший факир
Крутил на сцене жалом чёрной трости.
Он кролика запихивал в цилиндр
И высыпал обглоданные кости.

Он выпускал синицу, делал взмах —
И в воздухе шуршало оригами.
А части тел распиленных девах
К антракту громоздились штабелями.

А полный зал поддатых заводчан,
Подъевших все банкетные тефтели,
Томился, выразительно молча
О тёмных планах праздничной недели.

Лишь впереди заботливый отец
Всё утешал испуганного крошку,
Что каждый раз — хоть с магией,
хоть без —
Но всяко был игрушечный разрез,
И мама умирала понарошку.

Мышь

Малютка-мышь вошла в наш дымный быт
И быстро носит тельце по конторе,
Как Одиссей промежду трёх Харибд,
Скрывающих тела в бумажном море.

И расчихлив двустволки красных глаз,
Мы со столов, как будто с гнёзд орлиных,
Глядим, как мышь свершает свой намаз
Перед оградкой мусорной корзины.

Теперь, её добро снося во двор
И в бак переворачивая донце,
Я чувствую в душе своей укор,
Достойный од отзывчивого Бёрнса.

С тех пор уже распаханы века,
Но плуг людской всё также остр и тяжек
И беспокоит нищего зверька
В клубках его промасленных бумажек.

Наивный живчик, что он потерял
В глухой норе, где распушив вибриссы,
Едят рокфор и льют коньяк в бокал
Три жадных канцелярских крысы?

Те смотрят вслед, не чувствуя стыда,
И вторя стуку маленьких подковок,
Твердят под нос, что надо бы kota
Да сальца прикупить для мышеловок.

Но мышь глядит на всё как на игру,
Перебирая лапками в мажоре.
...Наш слесарь Митрич нынче поутру

В кладовке раскопал её нору
И разглядел песок,
лазурь и море.

Порою такая приснится фигня
Среди беспробудных морозов:
Я в тесной ложбине купаю коня,
И конь восхитительно розов!

Хочу оседлать набегающий вал,
Но быстро теряю поводья
И падаю в пустошь сухих одеял
Из теплого половежья.

А после наутро, глотая слюну,
Верчу телефонную миску,
Ища то свою, то чужую жену,
То дальше и дальше по списку....

Переезд

В этом доме прошли мои лучшие годы.
Посидеть бы чуток, да не стоит труда.
То ли дело, когда выселяли народы,
И в теплушках на пустошь везли города.

Под солёные байки соседа напротив,
Что так скрадывал будни всему этажу;
Без полночных звонков,
без пробежек в исподнем, —
Нет, я правда счастливчик, что так ухажу.

Хорошо, что вокруг так доступно и близко
Есть вокзалы, где рвут под уздцы поезда.
Может, в сказочных окнах
«Очёр–Сан-Франциско»
Отразится моя путевая звезда.

Поседевший жокей телеграмм и открыток
Ранним утром, у нижних дверей семени,
Будет дёргать пучок электрических ниток,
Но уже никогда не разбудит меня.

Может, это и есть путь
с колдовской чужбины
Под бессонное солнце всех дальних Итак?
Ни занудных речей,
ни плевка тебе в спину, —
Я и правда счастливчик, что можно вот так.

Находка

В сухом леске, где пижма и полынь
Дурманят дух, как вскрытая аптека,
Я встретил жарким вечером, прикинь,
В траве лежащий череп человека.

Нет, ты прикинь, теперь, когда экран,
Со смаком скаля ровненькие зубки,
Без остановки жарит свой канкан
Привычной до зевоты мясорубки —

И этот череп, строгий и простой,
Стократ страшней любого киношока,
В тени деревьев, вставших на постой
У бьющего в ложбине водотока.

Откуда он? И где его скелет,
Лежащий где-то высохшей коростой
Тех страшных девяностых?
Даже нет —
Всех наших бесконечных девяностых?..

За что его отправили в распыл?
Какою ложью мент замазал графы?
И кто родня?
Иль кто роднёю был,
Пока читалась надпись кенотафа?

И что теперь?.. Ментовку? Журналюг?
Зарыть его в песок воспоминаний,
Чтоб бедолаге муза, как паук,
Соткала плат из стихотворной ткани?

А может, даже новое лицо?..
Тот чует мои жалкие уловки
И цедит желчь расколотых резцов
В гримасе не шекспировской издёвки.

Рассвет

Я руки свои раздуваю как трут.
О, как нам наскучила пьянка!
И шуточки подмокли,
и рыбы всё врут,
Лениво мусоля овсянку.

В наломанных ветках костёр у земли,
Трепещет как раненый заяц.
«Рассвет» — написал бы какой-нибудь Ли,
Простой лаконичный китаец.

А нам надо горы держать на слуху
В надрыв болевого порога;
Садиться на кортки и портить уху
Цитатой из позднего Блока.

У Босха что ни персонаж —
То харя между ног.
Я с детских лет его — шабаш! —
Смотреть уже не мог.

Но в жизни стоит шаг шагнуть —
Знакомый колорит:
И чёрт не скажет, что за муть
С тобою говорит.

Порою хочется вскричать:
– Ты ваньку не валяй!
Сними штаны, ядрёна мать,
Откройся, Гюльчатай!

А то так портят твой анфас,
Коптя твою труху,
Сухие свечки злющих глаз
В той тывке наверху!

Пошутили неудачно —
Неужели с этого

Рыцарь Ваш сегодня мрачный,
Ультра-фиолетовый?

В щели стёкол бесполезных
В эпилоге повести
Он с ослёнка смотрит в бездну
Дьявольской серьёзности.

Памятник Кудым-Ошу

Тяжкий образ Кудым-Оша,
Ты продавишь переплёт,
И растянется под ношей
Твой подрубленный народ!

Посреди базарной свалки
Подскочил и встал штырём
С этой неподъёмной палкой,
Да с медведицей-весталкой,
Да с совой-поводырём!

Всё стоит, глядит, насупясь,
Сжав рукой железный дрын,
Как течёт людская супесь
На позор его седин;

Как под хрупким небом Пармы,
Бодро выстроившись в ряд,
Пятьэтажные казармы
По-турецки говорят;

И упёрши локти в сальник,
Без стеснения делят мир
Неподъёмных прав казначейник
И качалок командир;

Как, рисуясь перед бабой,
Круглолицый сорванец
Лезет с мордой виноватой
По царевне косолапой
На святой её крестец.

Поэзия

Елена Сунцова

Полечка с морошкой

в мире нет другой

планиды лишь **ПЛЫВЁТ** луна-хурма улетают Леонидыначинается **ЗИМА**

Елене Баянгуловой

... И он выходит. У крыльца
ложится заморозок. Сам,
как ни старайся, не найдёт:
Нева, Москва — один лишь лёд.

И просыпаются мосты,
не покупать уже цветы —
вчерашний обморок во рту —
сто первой жизни полноту.

Не говорю: поверь, услышь.
И без меня поверх глядишь
и веришь влаге зеркальца,
когда истаяла пыльца.

Или море за окошком,
или поле за окном —
лишь бы полечка с морошкой,
воля ноне и потом.

Это эта ли разлука
или всё ещё не та,
«позови меня, подруга»,

оскопи меня, мечта.
Дразнит утро воскресенья,
вечер радует, багров,
или радугой осенней,
или — снежный лёг покров.

В своей квартире доживать,
журналы старые читать,
где в гнёздах раковин лежат
жемчужин яйца — камень сжат

и расплён, как часовой
на петроградской мостовой,
где распускаются мосты,
любви невянущей цветы.

В своей квартире, где рассвет,
где за тебя картавит снег,
в своей квартире, где закат,
где гости розные лежат —

журналов скромная пыльца,
и не черты — чертёж лица,
«где этот вечер длится год
и вечно тёплый снег идёт».

Пролетают Персеиды
над Землёй который раз,
в мире нет такой обиды,
что б не связывала нас.

В мире нет такой измены —
проще рыба запоёт
и земля Святой Елены
не лишаем порастёт.

В мире нет другой планиды,
лишь плывёт луна-хурма,
улетают Леониды,
начинается зима.

Вся смерть проходит перед ним —
остывшим оловом храним
и той, что не перевозмогла
ту, для которой — несть числа.

С которой ты маршировал,
с которой первый горек бал,
и тень ложилась, как ладонь
на темя девственниц: не тронь.

Плывут два белых корабля,
в одном гармония твоя,
в другом — да, юнги чистота,
а вот и третьего звезда.

И всё в тебе, и никого
не досчитаешься — его
ведут на площадь босиком
под русским ласковым снежком.

...Пусть И. М. сыграет Вам «Размахайчиков» и «Мы объелись ветчины».
Ирина Одоевцева — Роману Гулю, 3 сентября 1954, Париж

Мало прошлого душе,
вовсе высохло саше:

капли из весёлых глаз
увлажняли, и не раз,

но, назло незлой зиме,
весь истаял пар фюме.

Мы объелись ветчины
вот такой величины,

лучший способ надоеть —
неминувшее проесть

на далёкой стороне,
где никто не скажет мне:

на ночь сладкого лишу,
дяде Фиге напишу.

Нина Горланова

Что-то и его противоположное

(три рассказа)

Авоналрог

Юра Власенко назвал меня «Авоналрог» — Горланова наоборот. И вдруг я целый день все видела так — рядом что-то и его противоположное...

Подчеркнутая классика — всегда модерн.

Мне Юра Беликов рассказал, что он Каму переплывал, читая то Бродского, то Рубцова: «Дыхание сразу налаживается, забываешь о времени!» (противоположности встретились: Бродский и Рубцов).

Она не могла выговорить «внучатая племянница» и говорила: научная племянница.

Рассказ монаха:

— Молодой я был, пришел домой пьяный, сказал: «Бес, сними с меня сапог!» Как рванулся сапог, как ударился о печь!..

Агния думала в детстве, что «скрепя сердце» — это «скрипя сердцем» (как скрипя зубами).

Я знала два типа самородков.

1. Всегда угрюм, говорит по-русопетски: ну чё, почё, дык. А выпил: светский, ручки дамам целует, читает стихи.

2. Пока трезв — все хорошо. Говорит комплименты, ручки у дам целует, а выпил — всех оскорбляет, никому слова не дает сказать.

Поскольку оба половину жизни пьяны, то разницы никакой!

У дочки в классе девочки говорят: «Я так люблю — скрывать не стану»... Он весь внимание, а она дальше: «Да не тебя, дурак, сметану!»

Тост, произнесенный 23 февраля (в день защитника родины):

— Чтoб отчизна так была счастлива, что ей не понадобилось бы ополчение в виде нас!

Видела по ТВ документальные кадры: идет Лев Николаевич Толстой, старенький очень (в конце жизни). А за ним вдруг — сбоку — бежит маленький беленький козленочек! Зачем козленочек? Откуда он? Слово из сказки, словно братец Иванушка, который превратился в козленочка. Слово хочет сказать: да будь ты, Лев Николаевич, добрее к своим родным-домашним! Не говори жене: «Где ты, там грязь, там дьявол!»

Листья у фиалок зеленые, корни коричневые, поливаю прозрачной водой, солнца свет — желтый, земля — черная, откуда берется этот розовый цветок?

— Как духовность сквозь дряхлость у него просовывается? (О Лихачеве).

Он пил 20 лет и вот бросил. На презентации книги его стихов все просили поцеловаться с издателем. Поцеловались. Поэт-трезвенник закричал испуганно:

— Блин! Я у него со слюной каплю портвейна слизнул! Так и спиться можно!

По телефону я пожаловалась С. на отсутствие зимнего пальто. Она сразу:

— Нина! Я ли не знаю, что такое бедность — у меня муж профессор (а еще лет 20 назад профессора считались людьми обеспеченными).

Слышала на рынке: «Пошутить — умрешь, и не пошутить — умрешь. Так лучше — пошутить».

Один мальчик выговаривал слово «мотоцикл» так: «си-си-тыка-цыка-тыкал». Так и в жизни: хотели мы взять девочку на воспитание, написать гениальную повесть или провести вечер Флоренского, а все получается не то и не так... что же получается — а вот примерно то же самое, что у мальчика: си-си-тыка-цыка-тыкал...

Когда мой двухлетний внук заговорил, он стал называть меня «Ни». Мне понравилось: не потому, что есть здесь какой-то японский звук, а потому что молодит (по сравнению с «ба»). Но дочь недовольна, что все слова у него — мини.

— Ты, мама, в два года рассказывала 8 способов варки самогона, а он всего лишь «Ни»!

И тут вдруг вся моя жизнь полетела назад — через все рассказывания.

Вчера я дала своему другу Сене много советов, как снять давление, а он в ответ:

— Нина, пора сесть и написать лечебник «Как жить дальше».

И я вспомнила: на конгрессе «Пен-клуба» в Москве Толя Гаврилов пожаловался на боли в колене. Я сразу принялась диктовать рецепты: «Берете 4 лавровых листка, кипятите в кружке 1 минуту...» Он воскликнул:

— Чем хороши все эти конгрессы — столько ценных медицинских советов получаешь от Горлановой!

А сама-то болею-болею...

А раньше мои советы вообще оборачивались потерей друзей.

Вот в 1986 году я советую друзьям-физикам не ездить в отпуск на Черное море, потому что после аварии в Чернобыле в этом году радиационный фон опасен для жизни. В ответ, разозлившись, они швырнули в меня... отчизной! Стали говорить, что страна для меня столько сделала (вырастила-выучила), а я все не верю газетам, которые пишут, что радиационный фон нормальный.

– Ребята, вы же физики — сами понимаете, что он не может быть нормальным!

Что тут началось! Они кричали: «Лежа на диване, так легко поливать грязью родину... а что ты для нее сделала!» Все понятно: они были кандидаты наук и не хотели рисковать — поддерживать со мной разговор о плохой власти нашей (тогда, первые месяцы, в самом деле власти держали в секрете всю информацию).

С тех пор они со мной не общаются.

Вот я..., а Лина мне:

– Только от тебя я могу подробно узнать все, а Слава в ответ на все мои вопросы дует в трубку.

– Самое лучшее, что есть в жизни — это рыбалка!

– А у рыбы на этот счет другое мнение.

– Апостолы ловили рыбу, и нам можно.

Когда пишу рассказ о любви, мне нужно, чтоб перед глазами букет цветов стоял. И сначала так и было. Но годы шли, цветы все дорожали, а мы все беднели. Со временем и без букета научилась обходиться. И вот вдруг Слава получил гонорар, очень маленький, и предложил: «Нина, я могу на него купить хотя бы цветы — какие, скажи!» — «Дорогой! Мне так нужен эссенциале форте, что вместо цветов купи мне его! Пожалуйста!».

Я была на телевидении («Голубой огонек»), там рядом сидели актриса М., 75 лет, звезда нашей драмы. Ей сказали про К., что он — самый богатый человек в Перми. Актриса сразу:

– Это хорошо, я с такими дружу, — положила ему руку на колено и минуты две не убирала.

Когда я это рассказала Сарре Яковлевне, которой в то время было тоже 75 лет, она мне ответила:

– Нина, это не то, что вы думаете! Знаете, как нелегко в 75 лет быстро убрать руку ревматическую! Пока она собралась ее отдернуть, уже прошло две минуты...

С. работает в гильдии добросовестных предпринимателей. Шепотом нам сказал, что в гильдии — разгильдяи.

Е. о клизмах (чистка организма): после них такая легкость и ПОЛЕТНОСТЬ...

– Меня в школе били за то, что я — еврей. И вот сижу в кабинете дежурного стоматолога, я уже стоматолог! Входит человек, который меня бил. Он меня не узнал — я же в маске. И я стал сверлить, ему больно — он подпрыгнул в кресле! Тогда я ему на свои деньги вколол обезболивающее, и сделал чистку, даже более тщательно, чем нужно.

Агния: Такой странный психолог — весь дергается!

Даша: А ты помнишь: зубы нам исправлял врач с такими кривыми зубами — просто лианы?!

Агния: А та, которая звала меня в ее косметический салон — обещала омолодить — сама вся в морщинах, шея — как стиральная доска советской эпохи! Буквально в громадных кривых морщинах, которые стихами идут, в рифму, зигзаги в рифму...

Она упала и сломала ногу, пришла за зарплатой на костылях. Начальник сказал:

– Надо морально падать — лучше ко мне в постель, а ты натурально падаешь — на асфальт! Разве так нужно падать красивой женщине!

– Если бя упала к вам в постель, у меня бы случился непоправимый перелом в жизни, а так — поправимый перелом ноги...

Наша кошка Мурка невзлюбила Зевса, когда мы его взяли. Но на старости лет она ударилась в толстовство — непотворение злу насилем. Раньше она лупила его лапой, когда он покушался на ее еду, а нынче терпит смиренно.

У Лины гадали, а я не гадаю. Но Таня уговорила: «Тут нет ничего плохого — в этой книге». Я назвала стр. 21. Выпало: «Не люблю, когда шлюха играет невинность». Получила, Ниночка? Не гадаешь, так уж не гадай ты никогда!

– У деда ноль классов образования, а работал главным механиком в совхозе.

В поезде со мной ехала женщина лет 60 — носки штопаные-перештопаные, то есть поверх штопки нитками еще и заплатки сидят. Но рассказала, что зятю дала сто тысяч на машину! На врушку не похожа. Но ведь пенсионерка! Откуда такие тысячи? На носках сэкономила? Но столько не сэкономишь! А если она на всем так экономит, как на носках? Тогда да, могла накопить на машину.

Всю ночь наш пьяный сосед по кухне нас материл. Утром встать не могу, глаза открыла, в них — видимо — тоска. Муж:

– Поздравляю с праздником примирения и согласия! (это было на 7 ноября).

Рассказ С.:

– На рыбалке напился и есть захотели. Сварили рисовую кашу. Утром: где остатки той вкусной каши? Но оказалось, что вместо риса высыпали и сварили червей! Пальцы в рот, но... не идет! Усвоились уже буби. Утешились пословицей: «Не те черви, которых мы едим, а те черви, которые нас едят»...

– Он красавец, как Ален Делон из «Рокко и его братьев» — это фильм про любовь.

– Нет, это фильм про бокс, там драки все!

– Про любовь!

– Ну, хорошо, тогда давайте — я дам по морде вам, а вы считайте: это любовь!

Солженицына на ТВ спросили: «Что бы вы сказали Богу через пять минут после смерти?» (западные журналисты). А у меня привычка отвечать самой на разные вопросы. И я быстро думаю: «Благодарю Тебя, Господи!». А Солженицын-то ответил гениально: «Прости меня, Господи!»

Сны эпохи перестройки

В годы застоя снились нормальные сны безвременья: война, убийцы, пропасти...

Во время перестройки — другие сны.

1. Я погибла и читаю с небес Солженицына. Кто-то оставил журнал на скамейке

в саду. Он раскрыт. Там о том, как уголовники захватили мою дочь Соню, я заменяю ее собой, чтоб они съели меня... и моя душа во сне с удивлением думает: как Солж узнал об этой моей истории?

2. Сон К. «Ехал в купе, рассказывал попутчикам, что мой отец сидел трижды в Гулаге... Теперь, мол, когда газеты напечатали его портрет, нашлась какая-то женщина, пишет, что она — наша мать...» (отец С. был вертухом в лагере, где сидели политические, он никогда не был в качестве заключенного! — НГ).

3. Сон моего мужа. «Будто бы я пробивал стихи Высоцкого в пермском изд-ве, меня за это выгнали с работы, о чем поведала пермякам Марина Влади, когда приехала с выступлением» (он работал в изд-ве, пробивал хорошие стихи Маркова, сатиру Климова и т.п. — получал выговоры и был выгнан с работы, но снится вместо них — Высоцкий).

4. Мой сон в мае 1990 (в апреле?). Идет гражданская война между сторонниками социализма и капитализма. Соню мою и ее подругу захватили «капиталисты». Слышны крики. Я кружу вокруг дома, где девочки, и не знаю, как спасти их. Вдруг Соня вышла. «А где твоя подруга?» — «Мама, там задают вопрос: хотим ли мы, чтоб к 30 годам у нас стали потухшие глаза, как у матерей?» Она ответила: да. А я сказала: нет. И меня отпустили... (это сон до 16 мая 1990 года).

5. Сон дочери Даши в 7 лет. «Идем мы с Антоном, а сугроб раскрылся — в нем камень с глазами и ртом. «Идите домой». Только мы вошли в квартиру — в форточку влетели 2 голубя: «Согрейте нас». Мы согрели и дали им молока. Они вылетели, но через 5 минут вернулись и принесли камень. В этом камне — травки от любой болезни, даже от СПИДа». (Камень с глазами — это влияние Босха, у которого земля с глазами — Босха Даша с детства обожала... а я в детстве мечтала изобрести лекарство от всех болезней, но вряд ли Даша об этом знала в 7 лет... «Хмельной да сонный не свою думу думают» — пословица. НГ).

6. Будто бы я еду жить в Израиль. Со мной — мой сын. На границе нас проверяют. В комнату запускают 3 котят. И вот мои 3 сразу идут ко мне. Обхватили мои ступни и заснули. «А теперь проверка биополя на лошадях» — говорят мне. И я отказываюсь ехать в Израиль... (боюсь лошадей — НГ).

7. Сон мой от 16 мая 1990 г. Ельцина избрали президентом, и он говорит:

— Миряне! Берите ручки! Запишите рецепт приготовления конфет в домашних условиях! Геркулес смешиваете с сахарным песком и жарите на сковородке... не давайте детям, не остудив! (Конфет не было в стране так давно, что на майскую демонстрацию 1990 года студенты вышли с плакатом: «Хотим конфет!» — НГ).

Сегодня, 16 мая 1990 года, открывается съезд России — может, она воспрянет ото сна?

Пишу постскрипtum из 2011 года: Россия чуть проснулась... но все еще не окончательно...

Во дворе

«Раиса Горбачева скоро станет богатой наследницей» — с таким заголовком на первой полосе вышла газета «Местное время» в четверг, а уже в субботу пенсионерки с обеда бурно обсуждали эту новость. Первой вышла во двор Арапова-Пашенко с внуком, трехлетним Женечкой. Пока внук лопаткой копал сугроб, она постучала в окно первого этажа:

— Я, нах, читаю, нах: завещала квартиру! Приватизированную! Наша Долорес! — возмущалась грубая Арапова-Пашенко. — Ну и Долорес!

— Головорез? — переспросили из окна.

— Долорес! Доля! Густокашина Доля.

— Поля?

— Долорес Петровна, тебе говорят! Просто Петровна которая. Назвали-то ее в честь Долорес Ибарури, написано вот в газете...

Вышли две молодые пенсионерки, недавно отработавшие свое во вредном цехе: Война и Столица. Такие у них были фамилии.

— Свою квартиру Горбачевой? — удивилась Война. — Да уж с детства Раиса-то была введена в богатство-то... Зачем ей квартира из двух комнат!

— Племянник есть у Петровны, сегодня приходил к ней, я видела — добавила Столица. — Впятером живет в однокомнатной квартире-то он.

— Племянник, нах, есть, нах, у нее, а она! — Арапова-Пашенко вытащила из сугроба внука, отряхнула его, высморкала и попросила: — Ня, скажи: шука!

— Сюка! — весело повторил внук.

— Который занимается «укушу» или «удушу» с молодежью, внучатый племянник-то, не совсем родной уж...

Во двор вышла Прасковья Николаевна, по прозвищу «Женщина-тонна»

— Вчера видела сороконожку! Или позавчера? Она из-под сапога выползла. К письму. А ничего пока нет. Сороконожку, говорю. Ну, считается, что к известию.

— Есть тут одно известие, упадешь — ты сядь! — ответила Война. — Петровна-то квартиру свою завещала Раисе Горбачевой.

— Главное, нах, позвонила, нах, в газету! Сообщила! Прославиться захотела.

Тут вышла старуха Дуранова. У нее был дар к трагедийным рассказам. Дикторским голосом она то и дело сообщала: «Это было семь лет тому назад. Утонул в Каме пароход...» или: «Это было всего три года тому назад: вышла Маруся вот так же с внуком, зазевалась, а он височком о дерево, и конец». Сегодня она выслушала новость про Петровну, завещавшую квартиру Раисе Горбачевой, и прокомментировала так:

— Месяцев семь тому назад...да шесть даже!.. заставили одну женщину подписать завещание на квартиру, а потом она умерла вдруг. Якобы спирта перепила. Но ясно, что спирт этот ей просто влили, два литра.

Дуранова говорила все это таким бодрым голосом, словно на ходу подкачивалась оптимизмом — ведь на фоне этих ужасов ее-то жизнь казалась просто счастливейшей.

Появилась Таня, у которой с руки (с бородавки или родинки) свисал на длинной ниточке такой красный мешочек мяса,

как с картины Дали. Таня выслушала новость и бесстрастно заявила:

— А старухи говорят: в молодости мать Петровны была похожа на эту Раю Горбачеву, вот!

— А ты их больше слушай — старух, они тебе много чего еще расскажут, эти старухи! — ответила Столица.

(Тут я подумала: «Нотабене! Есть еще — значит — где-то старухи — какие-то. А эти пенсионерки — не старухи! Во как».)

Тут-то и вышла из своей квартиры сама Петровна.

— Здравствуйте, бабоньки!

— Ты, нах, зачем, нах, квартиру-то завещала Раисе Горбачевой?

— А куда ее? В моей жизни это первый раз...собственность! На миллионы ведь! Цена-то. Достойно как-то хочется...распорядиться. И даже, даже, даже — благородно.

— Продала бы, купила себе маленькую, разницу — пропили бы! А, Петровна?

— Да радость от водки, она какая-то неестественная, СЛОВНО ПРИШИТАЯ СНАРУЖИ...

— Ну, деньги есть деньги!

— А что деньги — деньги в постель не положишь, если нет мужика — не купишь. И всю жизнь прожила я ВПОЛСЕРДЦА, бабоньки! В молодости, конечно, за мной много ухлестывали, да мало приставали. А зачем мне такой, который плохо пристает?... На деньги счастья не купишь. Но что-то и купишь. Чувство как будто своего достоинства (Петровна проработала всю жизнь завхозом в техникуме и умела иной раз завернуть по-умному!). Когда есть собственность — уважают. Племянник внучатый...коврик подарил! Сестра его на диване держала, а я завидовала. Она умерла давно, а племянница послала только сегодня ковер-то...подарок!

— Вот и по завещанию племяннице бы квартиру записала! Ты, Петровна, все это со злости, да! Мне дочка говорила: к старости процессы тормозные, что ли, плохие. От склероза сосудов. Перед смертью все старики злые стают... Если ты свою квартиру Раисе, склероз сосудов!

Петровна в гневе встала, ушла домой. Обидно ей стало: намекают, что пора умирать.

А ей так хотелось, чтобы Раиса Горбачева узнала про ее завещание. И в гости бы приехала. На часок только! На наследство взглянуть. Тогда бы во дворе подружки через силу, но заулыбались Петровне. Еще хотелось Петровне, чтобы Раиса Максимовна привезла какой-нибудь ЧУДЕСНЫЙ подарок. Вроде того, что сын привез из Англии Дурановой. А привез он матери спичечный коробок, обтянутый розовой лентой со всех сторон. Из концов ленты еще сделана розочка. И написано по-английски «Я тебя люблю и дарю свою любовь в этой коробочке». Коробочка любви. Дуранова когда показала, ее умолили: давайте развернем! И развернули. А там пусто — внутри. Одна любовь в воздухе разлилась. Это они почувствовали тогда. Зря — может — развернули. Петровна бы уж не дала развернуть. Есть вещи, о которых нельзя говорить вслух... Без слов понятно хорошо...

Между тем, лежа на диване, на подаренном коврике покойной сестры, Петровна чувствовала, что по спине некий холод идет. Мерзнет позвоночник сам. Покойница любила Петровну, в чем же дело? Откуда этот мороз по спине, с того света, что ли, она его шлет сюда, чем-то недовольная?! Леденящий холод буквально! В чем дело? Жалко сестре коврик. Ну, вряд ли... Петровна решила перетерпеть. Пройдет же это. В доме жара. Но кошка Муся тоже кого-то чувствует словно, прыгает, как бы беспокойно ей, кошке!.. В чем тут тайна? Лед по спине, кошка... И мистику не любила Петровна, но и налицо все ощущения... Терпела-терпела, да не тут-то было. Спина заболела от льда этого по ковру... Может, сестра рассердилась из-за квартиры? Что завещала Раисе Горбачевой? Точно: сестра осуждает ее, Петровну! Всю жизнь она, хоть и сводная сестра, но Петровне помогала. И отца похоронить, потом памятник из мраморной крошки, и мать похоронить помогла, тоже памятник... А Петровна выкинула номер: квартиру чужому человеку!.. Господи, да прости меня! — взмолилась горячо

Петровна и даже вспотела. Да я завтра же, нет, в понедельник, я перепишу завещание! Чем хороша собственность — что она всегда своя. Что хочу, то и делаю с нею. Завещаю племяннице, и все! Тут Петровна решительно встала с дивана, потому что спина сильно ныла, и лежать на этом ледяном покрывале не было сил. Наверное, когда переоформлю завещание, покрывало потеплеет, ковер этот! — думала Петровна.

Каково же было ее удивление, когда она увидела, что лежала спиной прямо на ледяном куске рыбы, который дала кошке. А та принесла его котяткам на диван, видимо! Вот и вся мистика!.. Ну, ладно, может кошку сюда принести рыбу все же сестра застави-

ла, вот что. Чтобы Петровна поклялась изменить завещание.

...Через неделю вышла «Звезда», а на первой полосе, в рубрике «Звонки в редакцию», крупным шрифтом было напечатано:

«ПУСТЬ ЕЛЬЦИН ОТДАСТ МНЕ ЯДЕРНУЮ КНОПКУ НА ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ — Я ЕЕ ТАК СПРЯЧУ, НИКТО НЕ НАЙДЕТ». Арапова-Пашенко, пенсионерка.

— Кнопку ядерную ей, — смеялась во дворе Петровна. — И никто не найдет, это точно, но сама по пьянке запнется, не заметит!

Подруги выхватили газету и до вечера обсуждали эту обжигающую сердце новость.

Превью / Пермский поэтический фестиваль СловоNova

Уральская антология: место, время, лица

Центральным событием третьего поэтического фестиваля «СловоNova» (Пермь, 9-11 декабря) станет презентация книги «Антология. Современная уральская поэзия. 2004-2011 гг.». Ее составитель — челябинский поэт и культуртрегер Виталий Кальпиди — на протяжении вот уже двух десятилетий делает раз в семь лет срезы уральского поэтического ландшафта.

Первый том Антологии был выпущен в 1996 году (30 поэтов и 3 поэтических группы за период 1976-1996 гг.), второй — в 2003 (60 поэтов, стихи 1996-2003 гг.). Третий включает поэтические подборки 75 авторов из 17 населенных пунктов Урала. Особенность очередного тома: помимо стихов и биографических справок в книге опубликованы критические очерки о каждом поэте.

Еще одна хорошая новость — уральская Антология обзавелась собственным интернет-сайтом. На ресурсе www.marginaly.ru выложены ее первый и второй выпуски. Здесь же можно послушать голоса поэтов, посмотреть поэтические видеоклипы и познакомиться с другими сопутствующими материалами. Электронная версия третьего тома Антологии, созданная при поддержке краевого Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций, будет размещена на информационном портале о культуре Пермского края (<http://www.kulturaperm.ru>) в рамках проекта «Пермская библиотека».

Журнал представляет десять поэтов (подчеркнем: выбор был случайным и отражает только возрастную линейку участников) третьего тома Антологии с небольшими фрагментами критических очерков об авторах.

Николай Болдырев (Челябинск)

Городок детства

Как одиноко здесь плыли
жизни, которыми слыли.
О, одино-одиноко,
дальнее Ориноко.

Улицей Льва Толстого
нёс я домой Льва Шестова.
И замирал над рекою,
словно распятый тоскою.
О, Орино-Ориноко,
солнце стояло высоко.

Вечером тихие ели
прямо мне в душу смотрели.
А над рекою стояли
непостижимые дали.

Тьма укрывала наш домик,
и закрывался мой томик.
И уходил я в молчанье,
в смертное снов нескончанье.

И Ориноко летело:
жизнью меж звезд шелестело.
О, Орино-Ориноко,
как мы тонули глубоко!

На полях книги Бродского

О, растерянный беглец из города с серой водой,
тоскательщик по мировой культуре с когтями тигра!
За тобою лишь девочка с непрожитой с тобою судьбой,
и потому ты бессмыслен повсюду — от Миссисипи до Тибра.

И потому-то ты в перечислениях истаиваешь вновь и вновь,
извлекая из вечности памятники в истекающем этом тумане,
где единственная достоверность — запертая в твоих жилах кровь —
наворачивает круги тоски, словно в каменном истукане.

Растерянность всё больше, чем дальше в клеткуходишь ты.
Ты думал, что ты — не зверь; но это была ошибка.

Бездонно перечисление человеческой наготы.
Что жизнь? Всего лишь сверкнувшая над волной серебристая рыбка.

* * *

На голой ветке
Басё сидит одиноко.
Осень мира.

Леонид Костюков (Москва): *Первое, что замечаешь, листая подборку Николая Болдырева, — это непохожесть одного стихотворения на другие, многообразие. Причём не многообразие вариаций, не парад костюмов, а сущностное, глубокое. Лично мне это очень симпатично: я с трудом понимаю, зачем поэту писать похоже на себя, повторяться. В повторениях сквозит неуверенность в том, что тебя расслышали. С другой стороны, многообразие вряд ли может стать целью творчества; оно скорее — побочный эффект. Конечной целью является всё же создания некоторого единства, но не конструируемого автором, а возникающего вопреки его усилиям. Многообразие придаёт этому единству объём. Добавим — уже возвращаясь к конкретной подборке Николая Болдырева, что здесь объём возникает из культурного и человеческого опыта автора, а не из эксперимента, что опять же ценно.*

Вадим Балабан (Троицк)

Мушинная элегия

*

Муха пробовала лыжу,
хоботком, её мусоля
шестернёй в своём рассоле...
Как тебя я ненавижу,
лупоглазая мусоля!..
Что сказать ещё Парижу,
и кому, когда не вижу
ни в очках, ни в антресолях?

*

Сейф распилен на кусочки
и рассажен мило в клумбы.
Лучше бы рожали тумбы
хлорвинила лепесточки
в ритмах мыслебегой румбы,
как умеют это точки
с запятыми на цветочке,
впрочем... выключена лампа.

*

– Бас-пилою не владеет,
на гупёшке не играет,
всю дорогу умирает —
так любой дурак умеет!
(Лысобрюхая не знает —
и поэтому лелеет
то, что безвозвратно тлеет.
Пусть немного полетает).

*

– Утка жареная с мясом...
Это ли, мой друг, не счастье
на обломках сладовластья
с недоточенною лясой?
Утка — жаренная в страсти...
(На гвозде повисла ряса,
а внизу пищалки пляса).
... Всё покроем чёрной мастью.

*

(Вот король сидит на стуле:
треть личины отвалилось;
всё жужжит глухая милость,
будто с лакомого сдули.
Сатана и муха — слилось
воедино).
– Обманули,
наш мушиный род надули!
Нам такое и не снилось!

*

(Часовая гиря свисла
и повесилась отважно).
– Это, братцы, очень важно:
жить бесчувственно-без-смысла;
жить кучнее и гаражно,
чтобы муха муху грызла;
жить, пылясь, как коромысло;
жить дерьмом — многоэтажно!

*

(Отлетала пол-линейки —
вертикаль-горизонтально).
– Мы на всё глядим смеяльно
из содом-садовой лейки.

По оценке пятибальной —
промежуток из лазейки,
с расстановкой колизейки, —
в общем, уровень нормальный.

*

Стынет стынущая лужа,
или море. Море? Море!
Кто сказал «memento mori»,
уж не помню — съела стужа.
Кто стоит, отдёргнув шторы,
наблюдая танец кружев,
с неба падающих?.. Хуже
смерти только светофоры.

Лев Оборин (Москва): Балабан размещает вокруг тематического стержня стихотворения облако образов, частично сопряженных с движением. Их быстрое чередование делает тематику стихотворения не очевидной, но ощутимой именно благодаря тем траекториям, которые прочерчены движущимися образами. Тем интереснее, что эволюция поэтики выводит Балабана к прямому высказыванию, которое звучит более убедительно... Поэт начинает напоминать детектива, который расследует загадку, но его работа наблюдателям тоже кажется загадочной.

Сергей Борисов (Шадринск)

* * *

На крышах шадринских лежит столетий снег,
На лицах шадринцев — печать вселенской скуки.
Так продолжается уже четвёртый век
По точным данным краеведческой науки.

Здесь летом весело — паши, пляши и сей,
Зато декабрьский сплин здесь тянется полгода...
У знаменитых прежде шадринских гусей
За триста долгих лет утратилась порода.

Народ спивается, поэты пишут чушь,
Тысячелетье головешкой догорает.
Всё устремляется в Саратов, к тётке, в глушь,
И духовой оркестр на паперти играет.

* * *

Когда-нибудь, ты погоди! —
Я прикоснусь к твоей груди,

Я положу когда-нибудь
Свою ладонь тебе на грудь,

И, как отвёрткой болт в висок,
Я в грудь вкручу тебе сосок.

Когда-нибудь... Ты погоди!
Не уходи... Не уходи...

* * *

Идёт домой народволок,
В её руках блестит двустволка.

Она шагает вдоль канала,
Она бледна, она устала, —

В толпе парфеток-институток
Она скрывалась трое суток,

Чтоб встретить пулю царя.
И — понапрасну. Даром. Зря.

Народволок-террористка
В недавнем прошлом — гимназистка,

А муж её — не знавший школ,
Сыздетства был народволок (к).

И потому три дня и ночи
Он прятался в толпе рабочих,

Чтоб бросить бомбою в царя.
И — понапрасну. Даром. Зря.

Он матерится зло и тупо.
Он голоден. Он хочет супа.

Звенят уныло колокольцы.
Идут домой народволокцы...

Ольга Машинец (Ярославль): В стихах Борисова — сырой ветер переходной эпохи, неуёмно прорывающееся, сырое, тёмно-блестящее время. Здесь советская история становится легендой, песней, нацарапанной в подъезде, но поскольку песни поются именно эти, то легендарное окружает с кристаллизованной и, кажется, неизменной силой. Это свойство провинции — состав воздуха изменился, и цветной телевизор показывает Америку, но скатерть, пудель, жена — те же. И даже ещё более узнаваемые, очерченные возможностью сравнения скатерть, пудель, жена.

Подборка стихотворений Борисова ветвится жанрами и авторскими масками при общем поэтическом голосе. Стихотворения об акселератках, рабфаковке и народном вожде, народволокцах — это народно-отборная история, вылившаяся в народную балладу, песню...

Евгения Вотина (Екатеринбург)

* * *

Тело, тело не хочет быть незамеченным,
Тело, тело не хочет быть испорченным,
Изувеченным,
Точёным водой,
Камнем леченым...

Тело, тело, руки-ветви истлеют и сложаются,
Эндорфины множатся,
Плесневевает шкурка-кожица,
Листья. Глаза. Тожество.
Холодеет ёлкино рождество!
А родился-то кто?
Уродец-корпускулка, треснула скорлупка.
Хрупкая бабочка-куколка,
Мама целует: лапочка,
Кусочек от дерева, палочка...

* * *

Продала
И замыла как за мёртвой
На улице людно, словно в колядки
Снежно
Он тебя потрошит
Такой по-отечески нежный
Шипром пахнет
Ахнет, какая ты внутри красавица
И что-то нравится
Да и не может не нравиться

* * *

Она прочитала два и одно попугайское крылышко, которое можно и не считать...
 Целовать цветами в метафизическую статью не уместно...
 Как смешивать грязь и тесто в каравай для любимого.
 Отдавай, выстрачивайся,
 собирай куски глиняного!
 Волчье в человеечьё лицо оборачивается,
 на улице на меня оборачивается
 дождевая стена.
 И стенать бы и выть, и вы-
 пить и вы-
 ложить кругом себя по ковру,
 втянуться в его ворсянистую траву,
 и кричать, что не буду
 лепить из овсянки чужого косноязычного идола — Будду,
 кормить его вчерашней оладушкой,
 запивая рыбьей рекой,
 заедая мной.
 От безумья спасает лишь Аве бабушка,
 пригладив бешеную голову своей бумажной рукой.

Игорь Постников (Челябинск): В подборке Евгении Вотиной шестнадцать небольших стихотворений. Их можно проглотить одним махом, даже не запивая чаем. У меня, во всяком случае, так и получилось. Этих шестнадцати текстов хватило для осознания ещё на середине, что передо мной — «Энциклопедия сиротства». Компактная такая энциклопедия, составленная молодой девушкой по мотивам только что ею прожитой и ощущаемой к прожитию жизни. Современная «свободная поэзия», как правило, похожа на перевод с иноземного на иностранный при помощи инородного. В результате получается вполне усвояемая масса нашинкованного алфавита, который рекомендуется употреблять не в целлофановой упаковке слова, а отдельными буквами, что вызывает вполне себе изысканное эстетическое несварение, называемое в простонародье «классно», «жесть», «круто», «супер», «прикольно» и т.д. Вотина — это не «классно», не «жесть», не «круто», не «супер», не «прикольно», а «тихо-тихо», потому что «больно-больно»...

Антип Одов (Екатеринбург)

Я и оно

Кто в пьяном виде себе адекватен
 Драться не лезет, не порет х.ни,
 Мирно уляжется спать на кровати,
 Словно исправный живой механизм?

Кто все тупые от вас оскорбления
 Стерпит, как добрый запойный отец,
 И не ползет народу в скопления,
 Пуля, мол, дура, да я — молодец?

Кто вашу мать не покроем по матери,
 Водки детишкам в стакан не нальёт,
 Кто хоть и пьяный, но очень внимательный,
 Помнит всегда, где ваш зад, где перёд?

Я! — вам ответит герой в дальнем космосе,
 Я! — говорит боевой офицер,
 Скажет рабочий и скажет колхозница,
 Этим и славился СССР.

Кто же тогда матерится на улицах,
 Курит у школ и мешает всем жить?
 Из морозилки крадёт вашу курицу
 И на полу, обоссавшись, лежит?

Иль в коммунизм к нам случайно прокрался
 Злобно-вонючий злодей-олигарх?
 Иль на шпионском пропеллере Карлсон
 Вновь обманул все заставы в горах?

И покраснеет герой в дальнем космосе,
 Орден срывает с груди офицер,
 Плачет рабочий, рыдает колхозница,
 Так и закончился СССР.

Смерть — поэтам

Поэзия — та же добыча радия
 Выпали волосы, х.й не стоит.
 Всё, чем могу я поэтов порадовать:
 Рак, белокровие и гепатит.

Может, давно, уже нужно поставить
 Точками пули в ихних концах,
 Может — поэтов пора обезглавить
 Или хотя бы сжигать на кострах.

Нет — им наскучили казни публичные:
 Бросят курвиметр, раздавят часы.
 Пьяные, грязные и неприличные,
 Сдохнут они под забором, как псы.

Ода грязи

Я пасынка посыплю перхотью
И пол пол-вековой пылью,
Да я и жопу мою нехотя
Над унитазом оттопырю!

Водопровод ещё этрусками
Ведь не для баловства построен!
И пьяницы с глазами тусклыми
Сойдутся молча надо мною.

Любите кирзачи, писатели —
Лишь им единственным подвластно,
Столкнувшись с грязью, по касательной
Её разнесть единогласно.

Не верю в коммунизмы книжные
И все заветы мойдодырские!
С себя бельё отбросив нижнее,
Вонючие деревья тискаю!

Алексей Котельников (Екатеринбург): *Прошло слишком много времени, чтобы писать очередной некролог, и слишком мало, чтобы полно говорить о поэте.*

Во-первых, стихи поэта посмертно преобразуются — все. Предложенная же подборка — монотемна и даёт представление скорее о восприятии смерти поэта извне и о его последних шагах в поэзии (поэзии с его точки зрения, а не поэзии вообще), нежели о самых знаковых его стихах.

Во-вторых, пропадает грань между поэтом и автором, творцом и сочинителем.

В-третьих, у мёртвых никогда не следует отнимать. Поэты должны быть оценены, пока живы. А Владимир Болотов (псевдоним Антип Одов, — прим. редакции) не успел авторски завершиться, и это важно. Отличить пик и спад творения, кризис или расцвет — ещё невозможно: слишком много недописанного и ненаписанного придёт на ум любому, кто когда-либо имел представление о том, что есть планы поэта на жизнь его поэзии. Сейчас стихи Болотова живее, чем когда-либо потом. Первые посмертные публикации всегда таковы. Искушение «читать, пока цепляет» — должно пройти, и это не подход и не память. И ещё не любовь.

Ольга Исаченко (Красноурьинск)

* * *

Зачем воевать за места
Земные, минутные эти?
Мы все — с полугода до ста —
У вечности вечные дети.

На скаредной грани ухода
Нам поровну видеть дано.
Распах наградной небосвода
И почвы гончарное дно.

И поровну мы не узнаем,
А может, узнаем — Бог весть,
Какие потёмки за краем,
Какие сияния есть.

* * *

Восславим, гении предместья,
Таланта вашего размах —
Любой роман блатная песня
Пересказала в двух словах.

К страстям равнодушна лира,
И в антологии вошли
Все уголовники Шекспира
С кликухой общей «Короли».

«Убив на поединке друга»,
Онегин Е. наверняка
Имел бы с десять лет досуга
Согласно мнению УК.

А лучший друг старушек Родя —
Полустудент, полуманьяк?
Каков тогда герой в народе,
Коль киллер классика напряг?

Когда поэт сюжет не сыщет,
Ему толпа спешит помочь —
На Митрофаньевском кладбище
Отец убил родную дочь.

Исправный чтец, не умилюся
Мотивам, старым, как вино,
Но, Кармен — Климова Маруся,
Тебя мне жалко всё равно.

Года текут, сливаясь по сто,
Страстями дышит ремесло.
Всё криминально, всё не просто
И просто, как добро и зло.

* * *

Кто-то просит будущего крох,
Кто-то от прошедшего окурка.
Время — комбинация из трёх
Виртуальных пальцев демиурга.

Евгений Степанов (Москва): *В современной отечественной поэзии есть, как мне кажется, два типа авторов. Одни хотят запутать читателя, шифруют свои нехитрые мысли, усложняют простое, апеллируют к вечности. Другие — наоборот, упрощают сложное, говорят предельно простым (зачастую неграмотно) языком, размышляют о дне сегодняшнем.*

И получается следующая картина: одни поэты пишут так, что никто их сочинения, кроме них самих и нескольких критиков, понять не может, другие пишут так просто и примитивно, что читателю это неинтересно. В итоге с читателем говорят очень немногие поэты, те, которые филигранно владеют версификационным мастерством и, вместе с тем, не стесняются выражать своим мысли доступным, понятным языком.

Среди таких немногих поэтов — Ольга Исаченко, которая высказывается о времени, в котором живет, честно и безапелляционно, показывает нас сегодняшних такими, какие мы есть. Корыстными, тщеславными, суетными, бегущими за внешними атрибутами успеха...

Ирина Каренина (Нижний Тагил/Минск)

* * *

Поймай мне сверчка, Кавабата,
Вот просто — в руках подержать!
Поймай насекомого брата,
Поэта — и лапки дрожат.

Не бойся, я мучить не стану,
Не стану тиранить его —
Хочу я понять, как предстану
Пред ликом Творца моего,

В ладонях Его осторожных
И бережных тихо замру...
Потом — затрещу бестревожно.
Потом — никогда не умру.

* * *

всё закончится к утру,
детки выбегут из клетки,
будет день — и я умру,
сгасну пламенем сигаретки.

будет много разных дней,
время сумрака и страха,
боль, топимая в вине,
красно-рваная рубаха.

будет, будет, будет день —
губ ко лбу не прижимайте.
как ходила по воде —
только это вспоминайте.

* * *

Вокзальность бытия. Бельканто тепловоза.
На сутки задремать. В отключку — телефон.
Паршивые стихи. Наверно, лучше прозой.
«Не лги себе». Не лгу. Включите микрофон!

Я вам ещё прочту, я вам ещё посмею!..
«Не лги себе». Не лгу. Мне нечего прочесть.
По-старому — нельзя, а лучше — не умею.
«Виновна, ваша честь». Согласна, ваша честь.

Мы валимся во тьму. Как дурни, мы похожи.
Кому приспичит знать всех нас наперечёт?
Колеблемый светиль... нет, всё-таки треножник.
И что-нибудь ещё. Да, что-нибудь ещё.

Марина Загидуллина (Челябинск): *Для героини Ирины Карениной не безразлично, как сложится судьба её поэзии. Ей может быть безразлична собственная судьба (во всяком случае, большинство стихов посвящены прошлому и выдержаны в духе горькой рефлексии — всё как-то не так, не туда, не с теми...), но ей не наплевать на собственную поэзию — которая одна остается гарантом её собственного бытия, тем самым смыслом жизни, который так трудно обрести в «бренности житухи». Лирическая героиня не видит вокруг себя ничего ровного — её мир полон какой-то потрясающей смеси адского и райского, высокого и низкого...*

Майя Никулина (Екатеринбург)

* * *

Всё обернулось к лучшему,
к сроку сбылось, сошлось,
вызрело, перемучалось,
во-че-ло-ве-чи-лось...

и никому не хочется
плакать и падать ниц
в молодость, в одиночество,
в проводы синих птиц.

Вынеся из чистилища
право на прочный дом,
снова в силки, в узилище,
в птичий базар, в содом,

в пере-полёты свальные,
в ломкие этажи,
в чайки многострадальные,
в ласточки и стрижи?

В гибельную, подспудную
жажду: не уходи,
в селезня с изумрудными
звёздами на груди?..

* * *

По козьей тропинке, цепляясь за корни и камни,
подняться на берег и сверху, со стенки отвесной,
смотреть, как они веселятся и машут руками,
приветствуя парус, летящий над лакомой бездной.

И долго идти, доверяясь дороге колёсной
и силясь не помнить про то, как они, отплывая, —
минойцы мои, финикийцы, — налягут на вёсла
и выбросят пену на берег ненужного рая.

Поднявшийся ветер закрутит небесные розы;
уже с перевала, уже поглядев через спину,
глота сухие слова и бессольные слёзы,
увидеть вокруг только камень и верную глину...

Прощание с морем прощания с жизнью не проще —
затихнешь в автобусном чреве, в людском коридоре —
оно просияет в окне над оливковой рощей,
над крышей, над белой горой, и останется морем.

Алексей Котельников (Екатеринбург): *О Майе Никулиной в той же степени уместно не говорить «уральский поэт», как о Решетове — «пермский». Это нонсенс вроде, словами Никулиной же, Пушкина, уходящего на малую родину, и кроме того, в высшей степени оскорбительный для России вообще. Русский поэт — это в том числе поэт непереводаемый: не физически, ибо переводят многих ещё при жизни, но метафизически...*

... Никто, впрочем, не отнимет у Майи Никулиной права избывать именно уральское слово: нигде больше нет такой меры неразличения (мифотворящего, но и вовсе по-страшному растраченного) земли, любви, времени и души...

Наталия Санникова (Каменск-Уральский)

* * *

Бабушка, когда тебя не станет,
кто меня научит ставить тесто?
Вот пойду опару утром ставить,
а она — ни с места.
А опара — дело непростое,
дело поважней, чем тешить тело,
чем родить детишек от мальчишек,
а потом лежать белее мела
на простынках, начисто отмытых.
Помнишь, ты стирать меня учила?
Наперво бельишко замочила
в ледяной воде в большом корыте,
после мыла мылом, полоскала,
кипятком поющим обдавала,
синьку в плошке развела немножко —
я во все глаза тогда глядела.
А синичка малая без дела
поклевать слетела на окошко.

Бабушка, когда тебя не станет,
кто мне на ночь почитает книжки?
Жили-были в доме кошки-мышки,
утасили в норку наши плюшки,
вылакали супчик на сметане.
Жили-были, ели-пили люди,

говорили страшными словами,
что однажды будущее будет
(а оно потом случилось с нами).
Ты глаза проплакала в подушку
за того, с огромными усами:
продали Россию за полушку,
потому что он теперь не с нами,
а когда бы с нами — фигу с маслом,
расстрелял бы всех врагов жестоко,
потому что око бы за око,
да не в срок звезда его погасла.

Бабушка, твои худые руки
столько чёрных грядок пропололи,
столько зла и горя побороли,
а одной не вынесли разлуки.
Ты любила дедушку, как мамка,
дом держала, пироги варила,
огурцы закатывала в банки,
дочку с сыном в строгости растила,
покупала галстуки, сорочки,
запонки, ботиночки и брючки,
научила внучку чиркать строчки,
дочку — экономить до полочки,
зятя — печь блины по воскресеньям.
У тебя по праздникам — веселье,
стол ломился, скатерти хрустели.
Бабушка, а птички — улетели,
кошки съели мышек с пирогами,
внуки подросли и стали сами —
дочкам-сыновьям читают книжки,
как на свете жили кошки-мышки.

Бабушка, когда ты станешь небом,
кто накормит нас горячим хлебом?
Что я стану говорить детишкам,
птичкам-невеличкам, кошкам-мышкам?
Я скажу, что ты на небе синем,
чистом, белом, тёплом, голубом,
я скажу, что небо над Россией —
это ты. И дедушка с тобой.

Марина Загидуллина (Челябинск): Подборка Натальи Санниковой погружает читателя в мир лирического повествования. Это эпика (хотя, разумеется, и лирика тоже) — здесь очень много внутреннего и изнаночного. Но все же, по сути, перед нами эпическое повествование о судьбе, даже о бытийствовании, разматывающееся, как клубок, как бесконечная нить — мы попадаем в постоянные ретардации сюжета, возвраты в прошлое (нена-роком), но лирическая доминанта тоски помечает все эти реверсы как однозначно ушедшие, невозвратные...

... И за всей прихотливой поэтической работой Натальи Санниковой, так тщательно подбирающей неожиданности и ловушки для читателя-собеседника, кроется тоска, тоска, тоска — такая страшная, полновесная, когда даже серебро луны — смертельно...

Марина Чешева (Ревда)

* * *

снег падает по вогнутой груди
не города но сломанного шара

зернистый ветер дует в позвонки
огромного солёного вокзала
где поезда ведут проводники

лежат на верхних полках двойники
шершавыми бормочут языками
и пассажиры мокрыми руками
детей своих несут за плавники

туда где рыбий голос именами
их обратит в течение реки

* * *

неслышный мой город созрела его скорлупа
из плоти и пыли и если страница легка

то ты её вспомнишь и будешь читать из горсти
прозрачного летнего утра где после шести

я так и стояла в ладонях стеклянной травы
и лопасти неба кружились внутри головы.

* * *

съедая воздух волосы офелий
вода идёт по выпуклым коленям
к своим ещё не выросшим рукам

трава насквозь в аквариумном парке
не видит женщин мёртвые с изнанки
они шагают строго по камням

не понимая: свет не разбинтован
так и сутулясь падает и снова
зевая наблюдает из реки

как в тёплых окнах города протяжно
я выдыхаю: Господи не важно
не уходи
сырая речь вода идёт комками
подвешенная к небу вверх ногами
по коже но как будто по ножу

деревья ходят рядом невозможно
в морщинах ветра слышится тревожно
не ухожу

вот так и стой переставляя звуки
вода вернётся в медленные руки
такое тут

что ангелы смертельные с изнанки
блуждая в перевёрнутом но парке
меня поймут

Сергей Сумин (Тольятти): У города Ревда женское лицо. Теперь я знаю это точно, хотя никогда там не был. Облик города ведь не есть нечто изначальное — лицо и само выражение лица достаётся городу от его жителей. Челябинск для меня — тёмен и неулыбчив, Уфа — неприметна и старомодна, Казань — надменна и вычурна. Ревда для меня теперь — загадочный город, в котором пишет удивительный автор — Марина Чешева. Автора этого в городе, может быть, и не знают, но от этого ничего не меняется — поэт пишет за всех своих земляков, за всех «тревожных жителей земли».

Что же это за стихи? Попробую описать. Мир в поэзии Чешевой дрожит, переливается, мерцает. Он не ирреален, но и конкретных признаков почти не имеет. Это мир, как бы увиденный во сне...

Юрий Асланьян

Дети победителей

(фрагмент романа)

В субботу ровно в
восемь часов утра я был
в офисе бизнесмена по
имени Паша Алохин
президент финансово-
промышленной компании
запаздывал богатым
человек МОЖЕТ себе
ЭТО позволить он может
совершать ошибки

От автора

Действие романа происходит в середине девяностых годов минувшего столетия, когда на Северном Кавказе начинается Чеченская война. Журналисту, герою книги, который носит имя автора романа, становится известно, что в городе нелегально появляется представитель генерала Дудаева. Он добивается встречи с «чеченским авторитетом». С этого начинаются события книги, которые происходят в течение пяти лет. Это и война, и выборы в Госдуму, и приезд в Пермь армянского поэта Сурена Григора, воевавшего в Нагорном Карабахе. Далекий Кавказ становится близким, постоянно присутствуя в жизни героев. В романе много сюжетных линий и идей, одна из которых — личная ответственность за мир, в котором живешь и умираешь, поэтому не надо удивляться, когда находишь в почтовом ящике счета, присланные оттуда.

Вчера пермский отряд милиции особо назначения — ОМОН, похожий на древнего египетского бога по имени Амон, захватил большую группу людей из чеченской диаспоры: «руки на торпеду!», «где оружие?», «почем наркотики?»

В большом пригородном доме земляка, прожившего в Перми, собрал своих горцев прилетевший на Урал представитель генерала Джохара Дудаева.

Об этом мне рассказал молодой репортер Слава Кандалов, получивший информацию от одного друга, работавшего рядовым опером в городском управлении внутренних дел.

Мы со Славой и Андреем выпивали в редакционном кабинете, поскольку почему-то были уверены, что новогодние праздники еще не закончились. И когда выпили достаточно для того, чтобы решить двухсотлетнюю кавказскую проблему, у меня появилась идея найти «представителя» генерала Дудаева.

Слава пил мало, а Андрей Матлин, чтоб не пропустить жизнь по пьянке, решил позвонить в областной спортивный комитет. Это он хотел взять информацию, кто там из наших едет на чемпионат мира по классической борьбе. А там тоже все пьяные. Мы слышали, что говорил отвечавший, который пытался объяснить Матлину — почему пьяные: «У нас тут один соревнования выиграл...» — Пауза. — «А другой проиграл...» — Пауза. — «... Неделю назад». Точка. Гудок.

Помнится, мне тогда показалось, что все началось неожиданно — тогда, когда в моей комнате взорвался телевизор. Точнее, вспыхнул экран, покрытый пылью новостей и дешевой халтуры ТВ. Еще точнее — загорелись на экране, засветились в черном чеченском небе сопла стремительных ракет, под смертельным углом летевших к земле — одна за другой, в темпе обратного фейерверка. Ракеты направлялись туда, где в деревенских домах сидели женщины и дети, может быть, ужинали, готовились ко сну. За несколько секунд на глазах телезрителей в небытие ушли сотни людей. Римский Колизей по сравнению

с этим зрелищем конца второго тысячелетия нашей эры — детская песочница. Патриции и плебеи, смотрите: вот оно — реали-шоу, гладиаторские бои, массовое убийство, которому позавидовали бы Сулла и Сталин. Иосиф Виссарионович все старался сделать тихо и подло, в подвале. А нынче с улыбкой душат чеченских младенцев, напряженно глядя в телекамеру главной канализационной трубы страны.

Я, оцепеневший, смотрел на экран, пытаюсь понять, что происходит, кому это нужно и за сколько продано. Конечно, мы все видели, как чеченцы передергивали затворы АКМ, как наглые горцы захватывали наши вертолеты и горели в них под пулями спецназа, как абреки грабили поезда и вскрывали вены нефтепроводов. Но при чем тут дети, убитые в первый же день войны? Мне вдруг и до конца стало ясно, что страну опять оккупировали душевнобольные, которые успешно прошли электрошок, фронтальную лоботомию, лечение галоперидолом и аминазином, но не изменили своим нелегальным идеалам.

— Друг сказал, что он остановился в гостинице «Урал», — добавил Слава Кандалов.

Гостиница была по диагонали от редакции, метрах в двухста. Но я никак не мог понять, почему «представитель» сепаратистов свободно разъезжает по стране и проводит собрания своих земляков — возможно, для сбора средств боевикам.

Мы договорились со Славой встретиться завтра в одиннадцать часов и нанести «представителю» Дудаева официальный визит.

Слава в одиннадцать не пришел. Ну-у, я заварил чай, попил, подготовил варианты вопросов чеченцу. В 11.30 Славы по-прежнему не было. Я вышел на лестничную площадку, покурил, разглядывая белый семиэтажный айсберг новой гостиницы, стоявший за поворотом трамвайных путей и полем заснеженных газонов. В двенадцать Славы все еще не было, а его домашний телефон отвечал длинными гудками. «Может быть, в пробку попал», — с надеждой подумал я. Но уже в 13.00 понял, что ошибся —

пробка была другой, хотя Слава, повторяю, к профессионально пьющим журналистам не относился. Поскольку был молод и чрезвычайно эгоцентричен.

Я стоял на лестничной площадке в эркере, перед стеклом, и в который раз пытался предугадать ход событий. Поэтому скрупулезно разглядывал мерцающий лед гостиницы. Я пытался разгадать код личной судьбы. Потом представлял себя глазами человека, который будет жить не через двести, а через пятьсот лет после меня. Бесплезно. Начинать мысленно писать книгу с детективным сюжетом. Бессмысленно. Воображал, что выпил бутылку водки и стал бессмертным магом древности. И это не помогло. Через полчаса я решил никуда не ходить. Еще через полчаса передумал, натянул шубу, надвинул на брови кроличью шапку и двинул в сторону мраморного айсберга. Я зашел в вестибюль первого этажа, подумал и направился к стеклянным просторам администратора.

— Извините, я журналист, у меня такой вопрос — добрые люди сказали, что в вашей гостинице остановился представитель генерала Дудаева. Вы ничего об этом не знаете?

— Представитель генерала Дудаева? — было такое ощущение, что администратор начинает падать — назад, вместе со стулом, гладкой спиной на пол.

Потом она отдышалась — и стала внимательно разглядывать меня сквозь стекло.

— Нет, у нас пред-ста-ви-тель генерала не останавливался, — наконец ответила женщина, одновременно что-то соображая.

— Еще раз извините.

Я пересек вестибюль, прошел мимо дежурного в сторону стеклянных киосков, зашел в один из них, через минуту вышел с газетой в руке и вернулся к дежурному в мертвом секторе — так, чтобы администратор не смогла меня увидеть.

— Извините, я журналист, — обратился я к парню в пиджаке с бейджиком на лацкане, раскрывая удостоверение, — скажите, у вас в гостинице чеченцы есть?

— Чеченцы? — удивился дежурный. — Есть, но утром они все ушли. А в чем дело?

— Вы можете передать им мою записку?

— Могу, — кивнул он головой.

Я достал блокнот, написал несколько слов и оставил дежурному.

— Спасибо, — поблагодарил я парня и направился в редакцию — пришел, обошел всю, но моего репортера по-прежнему не было. Может быть, Слава затаился у какой-нибудь подружки?

Я еще раз заварил черный индийский чай, сел за свой аэродромный стол и начал писать короткий и злой материал об общественном сознании моих сограждан.

В 16.00 раздался телефонный звонок.

— Мне нужен Юрий Иванович, — медленно произнес голос с ярко выраженным кавказским акцентом.

— Слушаю вас, — ответил я.

— Мне передали записку — о том, что вы хотели бы встретиться с чеченцами... Вы корреспондент?

— Да, а вы представитель генерала Дудаева?

— Кто я — скажу при встрече, — ответил, как я уже понял, скромный потомок легендарного Шамиля.

— Хорошо, когда и где мы сможем встретиться?

— Хоть сейчас...

— Приду через десять минут.

— Я буду ждать вас на первом этаже гостиницы.

Три минуты ушло у меня на то, чтобы найти начальника отдела социально-экономических проблем Андрея Матлина и предупредить его, что ухожу на встречу с чеченцами:

— Если не вернусь, считайте меня бараном.

— Диктофон взял? — спросил меня Андрей. — Будут убивать, пленку сохрани...

Я сразу узнал чеченца. Потому что в вестибюле больше никого не было: у квадратной зеркальной колонны стоял невысокий человек в черных блестящих ботинках, черном костюме, черном галстуке и белой рубашке.

— Ахмед Магомедович, — представился он, пожимая мою руку, — Дадаев.

Я тоже назвался, разглядывая мужественное лицо со слегка горбатым носом, аккуратно постриженными густыми черными волосами и небольшой бородой.

– Пройдем наверх, поьем чаю, — пригласил он.

Мы поднялись на четвертый этаж — пустынный, как заснеженная вершина Казбека. «Тебе, Казбек, о страж Востока, принес я, странник, свой поклон...»

Сели за столик в углу холла, я достал диктофон, блокнот и авторучку. Ахмед подошел к двум женщинам у стола дежурной по этажу и попросил заварить чаю.

Когда он вернулся к столику, я показал ему свое удостоверение, чтобы иметь моральное право задавать вопросы.

Ни разу в жизни я не разговаривал ни с одним чеченцем...

Дежурная принесла чаю.

– Это правда, что вы являетесь представителем генерала Дудаева?

Ахмед Магомедович Дадаев молчал, опустив руки к чашке, стоявшей на низком столике. Я обратил внимание на созвучие фамилий: Дадаев и Дудаев. Случайно ли это?

Ахмед Магомедович сделал глоток, второй и поставил чашку на блюдце.

– Я был заместителем министра госбезопасности Чечни, — медленно и ясно произнес он.

Я замер от неожиданности... Я понял: в руки шла та самая удача — профессиональная, журналистская.

Сама шла, без конвоя.

Я сидел и думал о том, как назвать свой материал — для меня это имело первостепенное значение. И я придумал — уже после третьей сигареты. Но я не догадывался, что придумал на свою голову.

Утро выдалось морозным. Как и договаривались, мы встретились с Ахмедом Магомедовичем Дадаевым на городской эспланаде, напротив редакции, там, где начинался подъем по улице Осинской — к мечети и ракетному институту. Рядом с чеченцем стоял еще один мусульманин, немного выше

Дадаева — тоже в белой рубашке, галстук и норковой шапке. Конечно, мусульманин — тоже чернородый, с лицом, одухотворенным величием мировой религии.

– Познакомьтесь, это Равиль Юсупов, — представил Дадаев спутника, — о котором я вам вчера говорил, — представитель Верховного Муфтията России.

Мы пожали друг другу руки и направились в сторону храма, зеленый минарет которого напоминал взлетающую ракету. И через перекресток, по диагонали, началось самое большое по площади здание Перми, в котором находился Высший военно-командный инженерный Краснознаменный институт ракетных войск — пятьдесят тысяч квадратных метров. До революции здесь была духовная семинария.

В молодые годы я проходил как-то мимо мечети и, движимый бессмертной потребностью познания, подошел ко входу, открыл дверь — и нарвался на встречный взгляд милиционера, стоявшего в синей форме с кожаным ремнем и пистолетной кобурой на поясе. Он молча смотрел на меня, пока я не закрыл дверь снаружи. Никаких вывесок. И только через три дня, после расспросов, я узнал, что в стенах мечети находится областной архив коммунистической партии СССР.

Вспомнив про того мента, я несколько раз оглянулся, но, как мне показалось, за нами никто не следил. Впрочем, шел какой-то человек в серой куртке с капюшоном, но я только посмеялся над собой.

По дороге Равиль начал рассказывать мне о благотворительных делах фонда и необходимости восстановить истинный образ мусульманской религии, которому нанесен «подлый удар» — очередной чеченской войной.

Вход в двухэтажный купольный храм, понятно, был с восточной стороны, и над храмом сиял полумесяц, символ ислама.

Мы зашли в мечеть — и не встретили того милиционера, чему я был особенно рад.

В прихожей храма стояли ботинки, рядами. Мы тоже сняли обувь. Ахмед Магомедович тихо объяснил мне, что немусуль-

манам разрешается присутствовать здесь во время молитвы, но только на балконе второго этажа. Как и женщинам, для которых там есть специальный молельный зал. Тут я удивился — перед входом в православные храмы мне вообще никто и никогда ничего не говорил, кому и где быть во время молитвы. Впрочем, женщинам вспомнил я, тоже запрещается — входить в алтарь.

По узкой лестнице мы поднялись на второй этаж. Да, я не был знатоком религий, хотя всегда относился к верующим с уважением, если, конечно, не считать зверского пионерского детства.

Слова «немусульманам» и «женщинам» настолько поразили меня, что, глядя сверху на шерстяные носки молящихся, я только о них и думал. Эта загадка казалась сложнее бивалентности, которую мне так и не удалось преодолеть в средней школе.

Когда вышли из храма, я был поражен снова — невысоким человеком, который внимательно рассматривал образец мусульманского зодчества XIX века. Любопытный ты наш, в капюшоне...

А в это время в казарменных условиях института, стоявшего напротив мечети, разрабатывались автоматизированные системы управления стратегическими ракетами с ядерными боеголовками и отказоустойчивые вычислительные системы; велись голографические исследования электронных приборов, изучались возможности увеличения эффективности двигателей внутреннего сгорания и совершенствовался стенд по утилизации твердотопливных ракетных двигателей. Кроме того, рассматривалось явление социальной напряженности в закрытых оборонных городках, чтобы позднее можно было успешно экстраполировать методики психологического расслабления на миллионные мегаполисы России.

На обратном пути мы зашли в редакцию, где фотокор снял Дадаева, а через три дня в «ПН» под рубрикой «Человек из «горячей точки» вышел мой материал.

Чеченский авторитет

Человека, фотографию которого вы видите на этой странице, в конце декабря 1994 года задержала милиция.

На следующий день в редакцию позвонили и сообщили, что в Пермь с подозрительной миссией прибыл представитель генерала Джохара Дудаева, племянник крупного уголовного авторитета. Он был задержан сразу после того, как провел в нашем городе встречу представителей чеченской диаспоры. Через двенадцать часов его отпустили.

Я не знал ни фамилии, ни внешности этого человека. Не знал, с кем говорю по телефону, когда поиски все же увенчались успехом. Мы встретились с ним в холле одной из пермских гостиниц. Аккуратный, сдержанный человек не очень высокого роста, уверенный в себе и чрезвычайно спокойный.

Мы сидели с ним за столиком, пили чай, курили и разговаривали.

– Я слышал, что в Пермь прибыл представитель генерала Дудаева. Вы можете подтвердить или опровергнуть эту информацию?

– Прибыл, — осторожно ответил мой собеседник, — только не генерала Дудаева, а Чеченской республики — так будет точнее.

Он хорошо владеет русским языком. А может быть, не только русским (и чеченским, разумеется). Может быть, еще какими-то языками владеет. Через несколько минут он сказал мне, что последняя его должность — заместитель министра безопасности Чеченской республики.

Я не проверял его документы — это бесполезно. Я слышал, что чеченцы могут изготовить не только фальшивые авизо или доллары. Можно все подделать, кроме ума, который светится в каждой произнесенной человеком фразе.

– Если вы будете писать статью, то у меня к вам просьба, — сказал Ахмед Магомедович, — передайте, пожалуйста, что мы благодарны лично генералу Полковнико-

ву, который возглавляет Управление внутренних дел области, за то, что в последнее время не было допущено ни одного серьезного инцидента, ни одной провокации по отношению к представителям чеченской диаспоры в Прикамье. Со своей стороны я обещаю, что отдам приказ о физическом наказании того чеченца, который позволит себе грубый выпад против россиянина. Я приехал из Чечни четыре дня назад...

И только тут до меня дошло, что я разговариваю с тем самым «представителем генерала Дудаева».

Ахмед Магомедович Дадаев провел в Чечне десять жестоких дней: стоял у своего разрушенного до основания дома в центре Грозного, считал трупы погибших... В подъезде, где было 33 квартиры, жили четыре чеченские семьи, остальные — русские, грузины, евреи...

Потом Ахмед Магомедович ездил по чеченским селам и разговаривал с родственниками тех, кто в настоящее время живет в Прикамье. Позднее шел с колонной беженцев из Грозного до Моздока. Шел с чужими документами — свои были приклеены пластырем к ноге, под брюками.

— Как видите, я бородатый, и шел в такой одежде, что был похож на старика.

Внешность человека, который был заместителем министра госбезопасности и не раз выступал по грозненскому телевидению, известна в республике. И врагов хватает.

В Моздоке беженцы проходили фильтрацию — досмотр, проверку документов, вопросы: а как вы относитесь к генералу Дудаеву? Не хотите ли записаться в отряд Временного совета?

— Не помню, чтобы кто-то записался...

Мне вспомнились два четверостишия русского поэта Александра Еременко: «Конечно, если б парни всей земли — с хорошеньким фургоном автоматов, да с газаватом, ой да с айгешатом, то русские сюда бы не прошли... Толстой — он что, простой артиллерист, прицел, наводка, бац — и попадание: Шамиль — тиран, кошмарное содание, шпион английский и авантюрист».

А кто вы, Ахмед Магомедович? Чей вы родственник, брат, сын, с кем вы связаны? С какой миссией прибыли в Пермь? Чтобы устроить теракт на оборонном заводе? Если бы так, то, наверное, ни журналисты, ни тем более милиционеры о вас не услышали бы. Правоохранительные органы всегда узнают «после» — всех и всего. Оперативность — как у компьютера первого поколения.

Ахмеду Магомедовичу Дадаеву 34 года. Он окончил Московский финансово-экономический институт. Служил в ракетных войсках. Работал экономистом в пермском строительном тресте. Два года учился в Исламском институте в Бухаре. В 1991 году вернулся на родину, в Чечню, и уже через два месяца занял высокий пост.

— Как вы объясните свой стремительный взлет в Грозном? И почему вы пользуетесь авторитетом здесь, в Прикамье? — задавал я вопросы.

— На востоке есть такая притча. Великому человеку задают вопрос: «Ахмед, как ты достиг того, что тебя все нации уважают?» На что герой Ахмед ответил так: «Меня уважала жена. Глядя на нее — уважали дети. Потом стали уважать соседи, затем вся улица, село и, в конце концов, все остальные люди... А больше я ничего не сделал, чтобы заслужить уважение».

Когда в 1991 году я приехал на родину, из зоны строго режима на свободу выпустили две тысячи человек. Тогда я выступил по телевидению с протестом против этой необдуманной акции. Потому что преступник должен сидеть в тюрьме, какой бы национальности он ни был. После этого меня вызвали в аппарат президента и предложили должность. Я не юрист — я находился в министерстве в качестве наблюдателя за соблюдением справедливости — как представитель народа. Но когда в 1992 году Дудаев решил припугнуть оппозицию танками, я подал в отставку. Большую часть последнего времени я проживаю в Перми, иногда езжу на родину или в Среднюю Азию.

Ахмед Магомедович Дадаев является президентом Фонда религиозного возрождения «Евразия», который создан по предложению представителя Верховного Муфтията России Равиля Юсупова. Для возрождения религий — мусульманской, православной, римско-католической. Для защиты малоимущих, обездоленных, для создания благотворительных столовых. Фонд имеет свои филиалы в Екатеринбурге, Челябинске, Новосибирске, Красноярске и Омске. В руководстве Фонда Дудаев — единственный чеченец. «Я никогда не вру. Я приобщаю своих земляков к религии. Если человек полюбит Бога, то в душе его появится святое...»

Перед новогодними праздниками Фонд проводил свои акции в мечети и в церкви с раздачей благотворительных подарков.

— Пусть российские женщины, старики, верующие увидят, что мы, чеченцы, нормальные люди, а не бандиты, как утверждают кремлевские руководители. Я со всей ответственностью заявляю, что в Перми нет ни одной преступной чеченской группы. Нет ни мин, ни взрывчатки. И не будет никаких терактов — я за этим строго слежу. В области живут триста чеченцев. Занимаются торговлей и посредничеством. Здесь наш хлеб! Вы представляете, что будет, если сегодня чеченец или человек другой национальности — провокатор — устроит взрыв? Поднимется такая волна гнева, что нас просто сметут. И, конечно, появится моральное оправдание действий в Чечне. Там сейчас гибнут молодые русские ребята, гибнут чеченцы. Кому нужна эта война? Ради чего мы стреляем друг в друга?

По словам Дадаева, боевиков в Грозном осталось мало — многие уже ушли в горы. Скоро начнется жестокая и затяжная партизанская война. В Моздоке Ахмед Магомедович подошел к БМП и спросил солдата: «Друг, как же так получилось, что мы убиваем друг друга?» И солдат ответил: «Земляк, мне эта БМП на хрен не нужна!» А в Грозном, во время штурма города Временным советом, у дома родственников Дадаева остановился танк, и молодые солдаты

полчаса стояли на месте, не зная, куда двигаться, не имея ни приказа, ни плана действий. Воины зашли в дом и попросили воды. Такая вот она — чудовищная, бездарная война, в которую бросают восемнадцатилетних ребят, у которых шапки на ушах висят.

— Рядом с моим селом, Закан-Юртом, стоял танковый полк. И мы, школьники тогда, частенько бегали в эту часть — солдаты то звездочку подарят, то на танке покатают. Мы связаны с Россией годами совместной жизни. Двадцать процентов чеченской молодежи работает здесь. Да, я уважаю Дудаева как мужчину, как личность. Но сегодня мало стать национальным героем! Президенту надо быть политиком, чтобы находить общий язык с людьми, проявлять гибкость, не допускать пролития крови. Не поторопись Москва с войной, совет старейшин Чечни уже нашел бы замену Дудаеву. В настоящее время пропаганда президента утверждает, что здесь, в России, уничтожаются чеченские диаспоры. Я ездил по селам и убеждал людей, что это не так. Что уральцы сочувствуют нам. И мы благодарны людям, которые солидарны с нашим народом. Эта бойня должна прекратиться. Пусть российская армия стоит в Чечне, она всегда там стояла — и никогда никому не мешала, наоборот, помогала на сельхозработках. У Дудаева, конечно, много сторонников, и он останется национальным героем, но не президентом. Власть, скорее всего, перейдет к совету старейшин. Ставленника Москвы Грозный не примет, поэтому никто разоружаться не будет. Пока не пройдут годы, не затянутся сегодняшние смертельные раны, боевики оружия из рук не выпустят. А ситуация, когда автоматы скупаются властью у населения за большие деньги, опасна тем, что провоцирует убийства ради овладения стволом. В 1991 году Завгаев, тогдашний руководитель Верховного Совета Чечено-Ингушской республики, сам ушел со своего поста, когда понял, что дело может дойти до крови. Нынешним политикам ни в Москве, ни в Грозном не хватило ума, чтобы вов-

ремя остановиться. Поэтому мы, народы, должны решить этот вопрос сами. Немедленно остановить кровопролитие.

На той встрече представителей чеченской диаспоры, что состоялась в конце декабря, Ахмед Дадаев выступил с обращением к своим землякам. Он сказал, что родственники в Чечне убедительно просят их не возвращаться на родину и не принимать участия в военных действиях. Ахмед Магомедович просил земляков не допускать каких-либо терактов и не поддаваться на возможные провокации: «Сегодня, в это тяжелейшее время, наше поведение здесь должно быть подчеркнуто безукоризненным, элитным, чтоб у российских людей складывалось только хорошее мнение о нас. Необходимо во что бы то ни стало остановить войну и начать экономическое возрождение республики».

Действительно, в этом веке чеченцам придется возводить свои дома в четвертый раз. Первый раз — после генерала Деникина, второй раз — в Казахстане, куда их выслал Сталин, третий раз — после возвращения на родину. И теперь снова — после генерала Грачева.

— Пусть политики на коленях друг перед другом ползают, но договариваются о мире, — сказал Дадаев. — Чеченская интеллигенция поднимет республику. У нашего народа есть талантливые люди, вспомните писателя Авторханова, артиста Эсамбаева, экономиста Хасбулатова. А на нас поставили клеймо мафиозного народа!

Я горжусь тем, что я чеченец. Но если раньше я говорил о своей национальности открыто, то сегодня не всегда решаю на это, потому что чувствую предвзятое отношение...

— Но ведь среди чеченцев действительно немало преступников?

— Преступники есть, но с ними надо бороться с помощью закона. А война — это самое страшное преступление. И кто тогда больший преступник? В Советском Союзе Чечено-Ингушетия занимала 74 место по уровню материального обеспечения. А после 1991 года он стал еще ниже. Поэтому часть

молодежи становилась на преступную дорожку. Были нападения на поезда, захват вертолетов, но не в таком количестве, как сейчас об этом говорят. Много приписывают. Однажды сотрудники нашего министерства арестовали в поезде четырех грабителей, которые оказались жителями соседнего Дагестана, не чеченцами. И это был не единственный случай. Повторяю, что с преступниками надо бороться законно. Преступник — это не народный посланник! Не надо судить по нему о целом народе. И я не являюсь родственником преступного авторитета, как обо мне, видимо, уже говорят в Перми. И я не получал от генерала Дудаева никаких заданий. Я занимаюсь возрождением религий. Наш фонд уже оказал помощь 380 семьям, в том числе — беженцам. Мы устанавливаем контакты с другими странами, готовимся возрождать республику. Чтобы жить, наши люди должны иметь возможность зарабатывать, получать пенсии и пособия. А война эта никем выиграна не будет, но крови прольется много.

На следующий день мы стояли с Ахмедом Магомедовичем на балконе пермской мечети. Внизу, на коврах, молились старики и молодые — за всех погибших, умерших в Грозном от ран.

— Обратите внимание вон на того русского, — указал мне кивком Дадаев, — еще недавно это был юноша с преступными наклонностями. Но вот — принял мусульманскую веру — и успокоился... И эта вера спасет наш многострадальный народ.

В конце дня позвонил Ахмед Магомедович и предложил встретиться в холле гостиницы.

— Есть новости, — объяснил он.

«Наверно, мой телефон уже поставлен на «прослушку», — подумал я — и отправился на встречу с чеченцем, который, возможно, был «заместителем министра госбезопасности республики».

Дадаев ждал меня на первом этаже айсберга — как и первый раз, в черном костюме, галстуке и белоснежной, будто вершины Кавказских гор, рубашке. Поздоровались

за руку. В левой руке он держал свернутые трубкой газеты.

Публикация очерка объединила нас. Или война?

Спустились по мраморной лестнице вниз, куда чеченец вел меня молча и не спеша. В вестибюле бара я обратил внимание на пятерых парней — явно какой-то кавказской национальности. Они сидели в ряд у стенки — угрюмые, молчаливые, закостеневшие — похоже, только что с мороза. Я догадался, кто они: пять человек — я никогда не видел столько чеченцев сразу, чтобы не на телеэкране, да еще живыми...

А в баре играла музыка, посетителей было немного — еще бы, тут, наверное, такие цены, что я сразу вспомнил все убожество своей налоговой декларации. От воспоминаний мысли стали черными, как тот самый нал, которого у меня никогда не было.

— Что будете пить? — спросил Ахмед, усаживаясь и приглашая меня.

Я вопросительно посмотрел на него — он улыбнулся в ответ.

— Пиво, — ответил я.

Дадаев жестом подозвал какого-то мужика от стойки, что-то сказал ему на родном языке. Через минуту на столе появилась упаковка баночного пива и три пакета с фисташками. А еще через минуту Ахмеду Магомедовичу принесли чашку чая.

— Вчера я весь день провел в управлении внутренних дел области, — сказал он.

И я понял, что это та самая новость, о которой он предупредил по телефону.

— Вас задержали? Или арестовали? — оживился я.

— Ну-у, пригласили на беседу — скажем так.

— И чем интересовались?

— В основном тем, почему журналист «Новостей» назвал меня в публикации «авторитетом»... — Дадаев аккуратно взял чашечку и сделал пару глотков.

— А вы? — я взялся за пиво.

— А я объяснил сотрудникам управления по борьбе с организованной преступностью, что у нас в горах «авторитетами» называют самых уважаемых людей...

— А они?

— Они сказали, что здесь, на равнине, «авторитетами» называют уважаемых преступников, а Асланьян — пермский, не чеченский журналист.

— Да они просто языковеды! — удивился я. — Лингвисты... Не на одном ли факультете я с ними учился?

Ахмед достал пачку американских сигарет, зажег, предложил мне и закурил сам.

Он хорошо сидел, а мог бы плохо — например, на нарах в камере местного СИЗО. Мог, но не сидел.

— Они спрашивали о том, как я вышел на вас?

— Да, и я сказал, как было на самом деле... Это правильно?

— Конечно... В нашей милиции надо быть как в храме на исповеди...

— Слава Аллаху, я не православный, — засмеялся Ахмед.

— Я тоже, — кивнул я и тут же добавил: — Я хотел сказать, что еще не крещеный...

— У каждого свой Бог, — согласился Ахмед, — или Дьявол...

— Что вы хотите этим сказать?

— Что? А разве вертолетчик, стреляющий с неба по детям, это не Дьявол?

— Пожалуй, да... Даже если у него крестик на шее...

— Или в прицеле, — добавил Ахмед.

Я извинился — и вышел в туалет. Возвращаясь, увидел, что напротив чеченцев в вестибюле стоит высокий русский парень блатного вида и что-то резко выговаривает им, с явной претензией на правду. Чеченцы, не вставая, угрюмо смотрели на оратора и что-то цедили в ответ сквозь зубы. Я понял: это еще одна мелкая разборка между крупными этническими группировками.

Ахмед был спокоен, как восточный вельможа. На столе стояли два салата и горячие блюда с тушеным мясом и зеленью.

— Обстановка в городе накаляется, — заметил он, дымя сигаретой, — может быть, выделить вам двух человек для охраны?

— Что, так все серьезно? — удивился я.

— Война, деньги — дело серьезное.

– Спасибо, — ответил я, — пока не надо...

– Мне звонил человек с телевидения — хотел встретиться... Что вы думаете по этому поводу?

– Он читал мою статью?

– Да...

– Как звать?

Ахмед Магомедович достал из кармана маленькую записную книжку, полистал...

– Сергей Берестов... Что за человек, не знаете?

– Я думаю, нужно воспользоваться случаем. Знаю — хороший парень.

– Тогда я завтра позвоню ему.

Мы посидели еще с полчаса. Ахмед Магомедович рассказал, что передавали его друзья по телефону из Грозного и Москвы. Убийства мирного населения в Чечне принимали масштабный характер.

И когда я вышел на улицу, как-то сразу вспомнил об охране, от которой легкомысленно отказался.

О, я понимал, что любой мой текст — это всего лишь катализатор времени. Конечно, я не делаю судьбу, но значительно ускоряю процесс личностной реализации.

Поэтому меня прозвали черным пиарщиком. Наверное, за мою необыкновенную человечность — я хотел сказать, за людоедскую тягу к человеку, ближнему моему. Что поделаешь: трудолюбие, талант и нравственность — вещи друг от друга не зависимые. Как слова «Малевич» и «малевать».

А дело было так. Я попил чайку — и вспомнил, что редактор газеты полчаса назад пригласил меня в кабинет. Ну, я пошел, пришел, он сказал: надо написать заказной очерк об одном пермском бизнесмене, который с детства мечтает стать депутатом Законодательного собрания области. Со своего далекого, сиротского детства...

– Кстати, — заметил редактор, — он твой тезка... Я хотел сказать, что откликается на то имя, которым ты подписываешь свои материалы — Паша. Я имею в виду псевдоним... У вас есть что-то общее.

– Плевать, — ответил я, — если бы у нас бизнес общий был, доход одинаковый...или хотя бы мировоззрение.

– Будешь писать — изменишь доход и мировоззрение.

– Ну, это вряд ли... А написать? За какое время? — спросил я, что-то подозревая — и не зря.

– За два дня, — ответил он.

Понятно, я, как человек разумный, отказался, но редактор пообещал заплатить по двойному тарифу.

– По тройному, — поставил условие я.

Деньги, все деньги — жадность журналиста погубит, а не фраера. Деньги так дорого стоят.

– Он дает интервью? — спросил я, открывая блокнот.

– Он все дает, — ответил редактор, — у него ориентация такая. А главное — он дает нашей редакции деньги.

В субботу, ровно в восемь часов утра, минута в минуту, я был в офисе бизнесмена по имени Паша Алохин. Президент финансово-промышленной компании запаздывал.

«Богатый человек может себе это позволить, он может совершать ошибки, — с завистью подумал я, — может — подлости... Он может! Но резать это священное животное нельзя...»

В аквариуме, будто гипертрофированные рыбы Босха, сидели охранники в униформе, с пистолетами Макарова. Возможно — с автоматами и гранатометами — РПГ-7. Я искал взглядом БТР-60ПБ, но не нашел — куда они могли спрятать такую большую машину? На ней же стоит крупнокалиберный пулемет Владимирова... Охрана должна быть хорошо вооружена!

Я пошарил своими шарами вокруг — и вдруг увидел БМП! Она улыбалась мне ровным боевым оскалом. Боевая машина пехоты, референт делового человека, с которой мне довелось учиться на одном курсе университета.

– Здравствуй, Оксана Шамильевна, — легко выдавил я из груди — и содрогнулся собственной неприятельности. Ну и ра-

бота — с кем только не приходится общаться...

Мы поднялись на второй этаж: мягкая мебель, тонированное стекло, белая оргтехника. Передо мной сидел человек, примерно, тридцати пяти лет, с большой и голой головой, подвижными, скользкими глазами. Внешность бизнесмена вызвала симпатию — кроме одной детали, которую я уловил не сразу... Точнее, не сразу смог определить эту деталь осязаемым словом.

Мы сели в кресла, за длинный лакированный стол для оперативок — человек на пятнадцать-двадцать.

Я поставил на стол диктофон и спросил:

– Сколько у нас времени?

– Пятьдесят минут, — ответил он энергичным голосом, похожим на хруст свежей капусты.

«Какая точность!» — вспомнил я, что Паша только что опоздал на встречу с журналистом на пятнадцать минут.

Оксана Шамильевна поставила на стол чашки с напитком зеленоватого цвета. Я попробовал, но не смог определить сорт отравы и подумал, что в чашке какой-то уникальный чай, доставленный на Урал чартерным рейсом из района Золотого треугольника, где выращивается продукция, удовлетворяющая необычные, экзотические прихоти русских миллионеров. Вообще-то мне все равно, что Магадан, что Мадагаскар, но чай — святой напиток. А за такой чай принято в хороших домах душить веревкой в чулане. Или в люльке, чтоб никого не успели угостить, напоить или отравить.

– Ты что принесла такое? — возмутился, к моему удивлению, бизнесмен.

И я, конечно, обрадовался, что человек не извращенец какой-нибудь...

Мы начали разговор, который очень скоро стал душевным. Павел Владимирович рассказал мне, как в шестилетнем возрасте очнулся в коммунальной комнате один, после тяжелого гриппа, как увидел ведро апельсинов — и съел все, до самого последнего. Апельсины в доме были редкостью. Отец ушел, мать воспитывала троих детей одна. Потом я представил себе, как он стоит

на коленках у ведра и торопится, с усилием сдирая желтую кожуру... Так вот запомнилось ему начало этой жизни, полной болезнетворных бактерий, смертельных опасностей и политического риска.

Я еще раз обрадовался: человек знает, что такое коммунальная квартира.

Мы проговорили полтора часа. Я, как опытный пиарщик, пропустил мимо ушей фразу олигарха: «Я, как и десятки других умных людей, считаю...»

После чего Павел Владимирович вышел проводить меня. В холле появилось несколько хорошо одетых в кожу парней — похоже, из охраны и шоферов. Они весело и преданно смотрели на своего хозяина, который стоял над ними в черном, как у бандита, костюме и черных блестящих туфлях.

Охранники хором начали рассказывать ему, что внизу, в гараже, как я понял, стоит автомобиль, капот и стекла которого покрыты губной помадой — от поцелуев, оставленных фанатками «Иванушек Интернэшнл», музыкального ансамбля, привезенного на этой машине из Кунгура, с концерта, видимо, организованного финансово-промышленной компанией «ДАНАЯ», президентом которой был Павел Владимирович Алохин. Бизнесмен повернулся ко мне — в глазах его сияло счастье, религиозное восхищение чудом.

– Павел Владимирович! Пойдемте смотреть!.. — начали звать его темпераментные водители — и вся компания устремилась по коридору вглубь офиса.

Ну, я подивился забавам олигарха — и пошел-поехал в свою коммунальную квартиру пахать и ваять биографический очерк о смелом интеллектуале, покорившем вершины бизнеса.

Я потом долго пытался ответить на вопрос: почему он так любит артистов, особенно эстрадных? И классических, впрочем.... Ответ оказался не таким сложным.

Я вернулся домой, сел за стол и за двое суток написал очерк на целую полосу. В названии вспомнил любимый фильм Андрея Тарковского.

Через несколько дней я нашел на своем столе конверт с приглашением на презентацию общественно-политического движения «Наше дело» в театре оперы и балета. При чем тут оперный? — подумал. Правда, я помнил, что олигарх равнодушен к балету. Но это не наше дело — не мое, точнее.

Театр имени Чайковского сиял на двести процентов.

Две вещи совершенно поразили меня внутри оперного. Первая: можно было открыть любую дверь, даже с буквой «М» — и напороться на наряд милиции, с дубинками между колен. На всякий случай я заглянул в туалетную кабинку и вздрогнул — там тоже стоял милиционер. Правда, он уже застегивал ширинку. Кабинка, дубинка, ширинка — поэзия органов. Казалось, оперный зал оцеплен спецбатальоном телохранителей. Или — дело... Делохранителей! Хорошо звучит. Вторая вещь: из оперного зала вынесли все кресла! И поставили там ресторанные столы и стулья. Столы накрыли белыми скатертями, как снегом, по залу передвигались гарсоны в белых перчатках, с подносами.

Я сидел в ложе и аккуратно разрезал ножичком ананас. Ну, конечно, думал я, какая свадьба без баяна, какой банкет без Асланьяна... На столах стояли бутылки с шампанским, водкой, виноградом, мясными блюдами. И, конечно, с красными, белыми винами.

Да, господа, все было белым — это вам не черные отвалы Кизеловского угольного бассейна, рядом с которыми живут безработные шахтеры, ворующие по ночам цветной металл с железной дороги. Такое дело, господа, наше дело... Белое, как халаты ректора Пермской медицинской академии, главных врачей и других высокопоставленных медиков, входивших в Координационный совет движения «Наше дело». Белые дела — символ чистоты! Не уголовные, по которым идут голодные кизеловские шахтеры.

Я представил себе, что все кресла надо было вынести, внести столы, стулья, вынести, внести кресла обратно и расставить по рядам и номерам. Сколько же денег можно было передать на питание и одеж-

ду для пермских пацанов, нюхающих клей «Момент» в районе Центрального рынка?

Плюс плата за аренду, охрану, продукты, эстраду... Представьте, знаменитый Пермский театр оперы и балета имени Петра Чайковского на четыре часа был превращен в элитный кабак. А за спиной жрущего зала пел сам Газманов!

Жлобская идея... Вышел еще какой-то певец в футболке, на которой хорошо прочитывалась крупная надпись: LONDON. Я подумал: если первую букву перевернуть вверх ногами, то получится точнее.

— Он похож на Жириновского, — кивнула на сцену молодая особа, сидевшая напротив.

— Не оскорбляйте Жириновского, моего любимого артиста... Эх, поросеночек с чесноком.

Наш столик стоял прямо в ложе — ну что, вы поняли?.. Что это такое — дело нашей жизни? Нашей сладкой, как виноград, соленой, как черная икра... Конечно, меня хватило на один час. Но я успел выпить несколько бокалов сухого красного — назло врагам народа. Пью только красное, как старый революционер. Правда, потом надоело — налил водки, нормальной — пермской, не кавказской, не казанской какой-нибудь.

— Ваша профессия — журналист? — спросила сидевшая напротив меня молодая женщина со знакомым лицом.

— Нет, я — поэт! — гордо ответил я и высоко поднял голову, чтобы вертикально вбить в себя стопку прозрачной водки.

— Вы? Поэт? — она даже привстала.

— Да, — скромно ответил я, — небрежно наливая себе еще, — я — автор сентиментальных и других похабных стихотворений.

— Почему же вы так пьете? — изумилась она. — От тоски?

— Нет, от ее предчувствия...

Да вспомнил: встречал я эту женщину в редакции сельской газеты «Нива». Коллеги по-доброму называли ее «несжатой полоской».

— Меня звать Татьяной, — представилась она, — а вы, я вспомнила, Юрий Иванович — поэт-метафорист!

— Нет! — отверг я предположение неопытной женщины. — Я — карьерист и тайный маньерист!

— Ха-ха, — весело покачала она головой, — а что вы думаете о том, какой след оставила Пермь в великой русской литературе XX века? Вы же помните, здесь происходило действие романа Пастернака «Доктор Живаго»... Вам нравится «Мелодия Лары» Мориса Жарра? Великолепный фильм, неправда ли?

— Великая русская литература была не в двадцатом, а в девятнадцатом веке, — вежливо поправил я ее, — в двадцатом — не великая, но оставившая свой дактилоскопический след... С каждым веком все меньше великих русских имен!

Ну, девушка опять сказала свое «ха-ха». Казалось, она была не в себе, но по сравнению со мной столь молода, что я не стал считаться с этическим правилом.

— А сколько вам лет? — спросил я так, будто поинтересовался, который час.

— Мои лучшие годы уже прошли, — печально произнесла Татьяна, — на солдатских кроватях...

— Что-о? — откинулся я к спинке стула.

— Да, — подтвердила она кивком головы, — мой папа командовал ротой, поэтому детство прошло в казарме.

И тут мой взгляд упал вниз — в партер, где за одним из столиков я увидел представителя Президента России Сергея Николаевича Зайкова. Чиновник сидел и аккуратно хлопал своими белыми длинными ладошками только что отзвучавшему певцу. Я вспомнил эти ладошки, разведенные в стороны, а потом сведенные в замок: «Ничего не поделаешь — война...»

Мое терпение было похоже на сон. Оно кончилось, когда Паша Алохин начал реализовывать мечту о сцене и всенародной любви. После его косноязычной речи я решил покинуть благородное собрание. А может быть, меня тронула темная вера Алохина в правое дело и левые деньги. Конечно, я не знал точно, но предполагал, что где-то существует та самая граница, ниже которой человеку опускаться нельзя. Я искал ее на ощупь, де-

ржался зубами за воздух, а руками — за отлакированные локти перил.

Надо бы пережить это, а кто переживет? Если даже большие деньги не гарантируют безопасности настолько, что приходится ставить милицейские наряды за портьерами и в туалетных кабинках.

И только бесконечность Вселенной все еще дает нам какую-то сумрачную надежду.

Перед выходом первого номера газеты «Наше дело» состоялся мой второй разговор с Алохиным. Между нами опять стоял диктофон, а видеокамера находилась справа — на плече Валентины Севруг, которая снимала встречу, поднимая факт до уровня исторического события. Похоже, девушка собралась быть летописцем государственной звезды первой величины.

Правда, девушкой ее можно было назвать только из пиаровских соображений.

«Лучшее, что тебя может ожидать, — мелькнуло у меня, разозленного навязчивым контролем, — это интернат для престарелых».

Эта морковка, похоже, жестко взялась за контроль всего процесса жизнедеятельности олигарха. Всего психофизиологического процесса — интервью, мочеиспускания, семейизвержения, ну и других оправлений.

В конце беседы я спросил Алохина, есть ли у него идея — предложение для слогана, который мы поставим на первую полосу газеты. Вроде лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и это я, недоумок, сказал живому представителю современной российской буржуазии. Еще живому.

— Есть! — уверенно ответил еще живой олигарх. — Недавно мне делали операцию — вырезали аппендицит. Случай, врачи утверждали, был тяжелый, а в бреду, дескать, я произнес: «Все равно мы всех победим!»

— Замечательно, — обрадовался я тому, что ничего не надо выдумывать.

Правда, позднее у меня появились сомнения, связанные с этой революционной фразой, вернее, с одним словом, еще точнее — со значением местоимения для само-

го Алохина — «мы»... Может быть, все-таки «я»? По-бе-дю... Или по-бе-жу? Ну, и куда он побежит, Господи...

Из обзора Бородулина Второй век

«Летом 1922 года частями Красной армии была проведена первая крупная операция по усмирению Чечни. В марте 1925 года в операции по разоружению участвовал 6-тысячный отряд Красной Армии с бомбардировкой и артиллерийскими обстрелами...

«АиФ»

Во время коллективизации началось восстание под руководством Шиты Истамулова. Осенью 1931 года он был застрелен, и его брат организовал новый отряд, действовавший до 1935 года. Восстание в Ножай-Юртовском районе, массовые аресты. В 1933-м НКВД провоцирует восстание в Шалинском районе. В августе 1937 года — операция по изъятию «антисоветских элементов», арестовано 10 тысяч человек. Восстание 1940 года под руководством Хасана Исраилова, и после окончания Финской войны часть горной Чечни осталась за временным народно-революционным правительством. В феврале 1942 года восстание поднял бывший прокурор Чечено-Ингушетии Майрбек Шерипов, брат известного большевистского руководителя Чечни в 1917 году. Шерипов и Исраилов соединились. Их правительство выпустило воззвание к чечено-ингушскому народу, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство только при полном признании независимости Кавказа. Весной 1942 года советская авиация дважды бомбила Чечено-Ингушетию. В некоторых аулах живых было меньше, чем убитых авиацией. При этом во время немецкой оккупации немцы не сумели захватить Чечено-Ингушетию.

Во время переселения те аулы, которые находились в горах и были недоступны,

просто уничтожались. Жителей топили в озере Кезеной-Ам, сжигали в зданиях, забрасывали гранатами. Вспыхнуло новое восстание — абречество. Для подавления направлены несколько дивизий НКВД. К середине 50-х восстание подавлено. Но только после воссоздания в 1957 году ЧИ АССР партизаны постепенно прекратили террористическую деятельность. Вместо районов, отошедших Грузии, Дагестану, Ставрополью и Северной Осетии, были из Ставрополя выделены для ЧИ АССР Каргалинский, Наурский и Шелковский районы с терскими казаками и ногайцами. Казаки постепенно уехали. С 1957 до 1980 крупных выступлений не было. Массовые выступления начались в 1988 году, как экологические, против строительства биохимического завода в Гудермесе.

«Независимая газета», 1991 год.

Вообще-то меня смущало немного — только то, что газета «Наше дело» напоминает известную итальянскую мафию «Коза ностра», что в переводе означает то же самое — «Наше дело». Если номер на первой полосе поставить каким-нибудь крупным кеглем, то наша газета будет похожа на корочку уголовного дела.

Так мрачно пошутил наш верстальщик Слава.

Мне нужен был удачный снимок на первую полосу первого номера — для коллажа. Из пачки, принесенной фотокором, я выбрал одну фотографию: Паша сидел в кабине истребителя МИГ-31 во время проведения военно-воздушного праздника. На компьютере мы нарисовали облака. Поставили логотип «ДНАИ». Написали сверхзвуковой текст.

Послали первую полосу на утверждение в офис компании. Посыльный вернулся и передал, что Паша недоволен формой своего носа. Я подумал, что вообще эту претензию надо бы предъявлять не нам, а папе с мамой. Я представил себе, как он разглядывает свой нос в профиль — с помощью двух зеркал... Господи, где Николай Васильевич Гоголь, русский писатель?

Ну, Слава сделал нос более прямым. Что говорить, мы сразу начали заниматься рукоприкладством, как настоящие мордоделы. Достали из Интернета какого-то ястреба, чтобы придать окружающей Пашу атмосфере полетную высоту. Хотя, конечно, истребитель стоял на взлетной полосе военного аэродрома.

В последнее время город стал вызывать у меня знобящее чувство отвращения. На горячем асфальте плакали таджикские дети. Цыганки в цветных юбках курсировали возле областной поликлиники, ловили в круг доверчивых стариков, приехавших к врачам из деревень на последние деньги. «Наперсточники» у рынка и лохотронщики рядом с областной администрацией. Дикий, пьяный, безумный люд. Дамы с легким флером продажности — и без него. Мужики со «счетчиками» в карманах, на которые они ставят друзей и подруг. Обрюзгшие таксисты с мокрыми губами. Энтропия империи, смрад распада, убогость безбожия.

Было 12 часов дня — пик моей работоспособности. Потому что я — тот самый ишак, осел, который каждый день ровно в 12 часов дня кричал на скале в крымской деревне Пролом. Ровно в 12-минута в минуту, будто куранты. Каждый день. Люди с наскальным ослом часы сверяли. Так и жили — по ослиному времени. Он пасся на зеленой полянке, примерно, в двухстах метрах от саманного домика под скалой. Прошло пятнадцать лет после Отечественной войны. Мы с сестренкой Анютой, пяти-шестилетие, поднимались на скалу, где начиналось какое-то бесконечное плато с виноградниками, и быстро, как нам казалось, бежали посмотреть на этого диковинного ишака.

Кажется, в армии, где следишь за каждым часом своего времени на посту, я заметил, что ровно в 12 часов дня я испытываю необычайный, космический прилив сил. Я только не кричу, как ишак, от радости, что жив, здоров и крайне умен. Я — Асланьян, осел, привязанный веревкой к колышку, вбитому в почву. Соседские дети прибегают ко мне и с изумлением смотрят на это жизнерадостное домашнее животное.

Итак, пик. Я за один час написал материал на две машинописные страницы. Попил чайку, пожевал свежей травы. Объем энергии нарастает в геометрической прогрессии, когда векторы желания и воли совпадают.

В окно увидел толпу у входа в губернаторскую резиденцию. Быстро вышел из здания через корпус «б» и сразу очутился напротив того места, где разворачивалось действие.

Две шеренги пожилых и бедно одетых людей телами перекрыли путь трамваям и машинам. Вокруг стояли группы поддержки и оцепление милиции — без дубинок и даже без пистолетов. Стражи порядка с усмешкой наблюдали за жертвами перестройки. По безумным революционным взглядам я понял, что это были коммунисты-ампиловцы. Они скандировали лозунги, они готовы были умереть тут — у губернаторской стенки, не приходя в сознание. Менты потихоньку теснили бунтовщиков от мраморного здания. Я побоялся подойти ближе, чтоб не подвергнуться непредсказуемой психической агрессии. О Боже, эти люди никак не могли понять, почему санитары и комиссары бросили больных и раненых соратников, закрывшись в офисах и казино. Жаль было стариков. Я вспомнил об одной соседке по дому. В очередной раз она вышла из психобольницы и рассказывала бабам во дворе: «Представляете, лежу в палате, а вокруг — одни психи!»

Через две-три минуты к дверям администрации осторожно сдал задом большой грузовик земляного цвета, и люди, одетые рабочими, начали поднимать из кузова деревянные щиты на железобетонный козырек, нависший над входом. Я понял, что на помощь милиции пришли омоновцы, решившие на всякий случай прикрыть и стекло второго этажа, если полетит пролетарский булыжник. Да где ему тута взяться, булыжнику?

Представляю, как душно было омоновцам сидеть в железном фургоне. Несчастные герои, нелегальные агенты — менты вообще прикрывают друг друга и страшно мстят, если кого тронут. Конечно, у нас ми-

лиционера любой обидеть может, как выразился журналист, арендованный управлением внутренних дел.

Грузовик отъехал. И неожиданно сбоку ко входу в здание взлетела по пандусу белая «Волга», а за ней — черный джип. Менты мгновенно перекрыли машины и вход в резиденцию. Из первой машины появилась невысокая темная женщина с горбатым носом, за ней — юноша в аккуратном костюмчике. Из второй — рослые охранники в черном.

— Царское отродье, вон из России! — скандировала толпа, сдерживаемая милиционерами.

С гордо поднятыми головами, ни разу не взглянув по сторонам, потомки дома Романовых прошли в здание губернаторской администрации.

— По линии Багратиони, — произнес интеллигентного вида мужчина, державшийся, как и я, немного в стороне от толпы.

— Ага, — согласился второй, стоявший с ним рядом, — это грузинское разливают у нас на Долгопрудном.

Мужчины засмеялись. Я понял, что они москвичи.

— Вы демократы, что ли? — спросила крайнего мужика осторожно проходившая мимо старуха.

— Да нет, мать, мы не эти, мы те... — ответил он и махнул рукой, понимая, может быть, всю безнадежность ситуации.

Много ли человеку надо — вот, например, назвать гостей «царским отродьем», но так назвать, чтобы тебя все услышали. Помню, как в анапском ресторане пьяная баба кричала на весь зал: «А я под Высоцким лежала, ты понял?» Он понял — женщины больше и гордиться в этой жизни нечем.

Из обзора Первая Чеченская

«Журналистов кидают лицом в грязь, бьют прикладами, засвечивают пленки. Станицу Ассиновскую, практически стертую с лица земли ракетным обстрелом с вертолетов (среди мирного населения десятки жертв),

фотографировать сложно до крайности»...

40-50-летние чеченские мужчины все родились в Казахстане, а значит, — полностью политическая элита. Колоссальный авторитет стариков в чеченском обществе делает их жизненный опыт точкой отсчета образа будущего...

Даже ополченцы оппозиционного правительства снялись с позиций в Надтеречном районе и ушли к Дудаеву: «С Дудаевым мы потом разберемся». Характер рассуждений — посмертный: «Пришел купить гранаты для жены и дочерей. Если солдаты полезут, то пусть хоть парочку на тот свет захватят». Крестьяне продавали скот и машины, чтобы купить оружие, оно им не роздано, а куплено на свои кровные. «Калашников» 600 долларов, столько же «макар», лимонка 15 долларов. Откуда оружие? 50 тысяч стволов оставили ушедшие российские части. Остальное? «Из Надтеречного» — не скрывают торговцы оружием, то есть от вооруженной Москвой оппозиции... Общее место в рассказах чеченцев «дудаевская мафия разворовала нефтяные деньги», но сплотились трудяга, бандит и торговец оружием. А зам. министра по делам национальностей России высказался: «Криминализованная нация».

«Общая газета», 1994 год

Конечно, я катализатор чужой судьбы, человек, ускоряющий процесс, но не определяющий его.

После победы друг Паша Алохин устроил небольшой праздник, на курорте Усть-Качка — подальше от любопытных глаз избирателей. Все было скромно, хотя, конечно, не для внимательных телекамер: мясо, красная рыба, виноград, шампанское, водочка и прочие прелести нашей с вами жизни. Я хотел сказать — деловой жизни, точнее — дела жизни. Блин, совсем запутался...

Приехало всего человек триста — кизеловских шахтеров и кунгурских крестьян среди гостей никто не видел. Пространство перед корпусом курорта было иллюминировано сверкающими кузовами иномарок. Автобус я заметил только один — тот, на кото-

ром приехал, «ПАЗик» для прессы. По залу гуляли с бокалами в руках предприниматели, представители власти, бизнеса и другие пермские авторитеты.

Мимо меня, задевая низкими бортами тарелки, стоящие на столах, проплыла Валентина Павловна Севруг. Длинные ухоженные ногти делали её похожей на блестящее членистоногое.

Началось... Паша подошел к микрофону, потупил бериевские глазки в бокал и честно признался, что ориентация у него правильная. Гетеросексуалы и гомосексуалисты поняли это по-своему... Каждый понял по-своему.

А потом грянул «День Победы» — песня о Великой Отечественной войне, переделанная в «Пашин марш» — апофеоз трансграничного спекулянта, прошедшего в Государственную Думу.

Что такое Государственная Дума? Не воровская сходка, а законодательный орган России! В котором депутат Похмелкин будет выступать за отмену депутатской неприкасаемости, а господин Алохин — против. Это значит, что Паша боится попасть в «Белый Лебедь» или на «Красный берег», на жесткие нары, в бетонный карцер.

Рядом со мной сидел Сергей Васильевич, редактор известной областной газеты, мужчина умный и немного угрюмый. Он молчал и чуть покачивал большой головой.

— Ветеранов Отечественной войны не пощадили, варвары, — прокомментировал он «Пашин марш».

Позднее я заметил, что Сергей Васильевич исчез задолго до конца мероприятия, не выпив ни рюмки спиртного.

На следующий день вечер начался с того, что кто-то выкинул с верхнего этажа диван. Он рухнул под наше окно, перепугав меня до смерти. Тут выкидывали все — даже людей, но диван я разглядел в форточку впервые.

Потом всю ночь было слышно, как за стеной большой комнаты дворник Николай, мрачный мужчина, избивал свою молодую жену Нинку. Это она называла себя «молодой». Он бил ее головой о стенку.

На самом деле ей было за сорок. Утром я встретил ее в подъезде, она приветливо улыбнулась мне накрашенными губами, помада подозрительно расплзлась по подбородку. Красный бант неожиданно объявился у неё на макушке, покрытой редкими волосами.

— А мой-то, старик, — повела она бледными глазами, — совсем с ума сошел... Всю ночь спать не давал.

Ну, а днем я опять встретил полковника Лесовского. Он что, так и будет преследовать меня, как призрак прошлого? Или будущего?

— Говорят, что вы — черный пиарщик, это правда?

— Почему черный?

— Потому что «черных» пиарите.

— Большая часть моих героев — белые славяне: артисты, спортсмены, бизнесмены, каменщики и фрезеровщики, лучшие люди страны, орденосцы... Не читали?

— Нет.

— Не умеете? А еще меня называют «литературным киллером».

— Почему?

— Напишу что-нибудь хорошее о человеке, а того вскоре снимут с должности, посадят или убьют... Хотите, о вас напишу?

— Отсосешь! — осклабился полковник. И скрылся за поворотом нелегкой нелегальной судьбы.

Я улыбнулся ему вслед — пусть живет.

Я добрый — я не стал писать про полковника, чтоб его посадили или сняли с должности. Бывали случаи, когда, обманув меня, люди попадали в аварии. И не раз бывали...

Сурен Григор начал приходить ко мне на работу в конце дня — высокий, веселый, подвижный, шарнирный, обаятельный, как французский шансонье.

Мы долго смеялись с ним над поразительным совпадением: и у него, и у меня были совершенно одинаковые куртки из плащевой ткани, которые купили на Центральном рынке Перми практически в одно время, по одной цене — триста рублей. Но на рынке сотни разных курток! Если

не тысячи... Только моя куртка была серой, а его имела темно-сиреневый оттенок. Куртки — как пароль.

Я читал: короткие тексты, без рифмы, с какими-то неопределенными выражениями, выпадавшими за пределы стилистического ряда.

— Это подстрочники, — объяснял он мне.

Я понимал, что это подстрочники, но как из них сделать стихи? Каждая строчка пишется в тишине, ночью, с закрытыми глазами, по нескольку часов, или появляется неожиданно, будто пучок солнечной энергии.

Мы пили с Суреном кофе, вчитывались в рукописные строчки и пытались создать русский вариант стиля, который он удачно демонстрировал в лучших своих переводах, сделанных еще в Армении, в отряде боевиков.

Работа шла медленно.

— Я вырос в деревне, — тихо рассказывал Сурен, — в крестьянской семье, у города Кафана. Ты знаешь город Кафан? Потом изучал философию в Ереване, не доучился, позднее получил диплом юриста в Краснодарском университете. Служил в Советской Армии на Северном Кавказе, воевал в Карабахе. Что еще... Был членом центрального комитета партии «Дашнакцутюн». Ты знаешь, что такое «Дашнакцутюн»?

— Мой папа любил это слово, он говорил: «да-ашна-аки!»

— После войны я создал торгово-промышленную палату в Зангезуре. Сейчас работаю главным юристом в министерстве транспорта. А сюда приехал за жидким газом....

К армянам я всегда относился с достаточно корректной, как считал, долей иронии, чтобы не врать и не совсем рвать со своей «исторической родиной». Армяне вызывали у меня улыбку — своими золотыми коронами, перстнями и неприступной закавказской ограниченностью.

Началось все в глубоком детстве: помню, когда мы голодали в Крыму, они приезжали в нашу горную деревню на личных машинах,

из которых появлялись их дети — в костюмчиках, платьицах с оборками, белых гольфиках. Маленькие армячки с жалостью смотрели на наш саманный домик под скалой — и не могли преодолеть себя, чтобы зайти в него. Мы с сестренкой наблюдали за ними с другой стороны ручья, отделявшего дом от дороги.

Никогда никакой любви к армянам я не испытывал. Вырос вне исторической родины — и проживу без Армении. Родственнички...

Конечно, я никогда не думал, что далекая страна моих предков, жестокая война и алфавит Месропа Маштоца явят мне своего представителя. И он расскажет мне, как создавал свои лекарственные рецепты в горах Карабаха; о географической карте, где указано место захоронения оставленного на чужой территории клада с драгоценными камнями; о шахматной игре в далеком Кафане, запахе кофе и коричневых армянских сигарет «Ахтамар».

Мы гуляли с ним по городу, выходили на набережную, на дорожки, покрытые кирпичной крошкой, смотрели на Каму, облокотившись на тяжелый парапет. И говорили обо всем, что еще есть в этом безмерном мире. Об озере Севан и ковчеге Ноя на горе Арарат, о монастыре на Белой горе у Кунгура и репрессиях крымских армян. Он рассказывал мне о хачкарах — крестных камнях родины, об архитекторе Трдате, который после землетрясения 989 года восстановил купол главного храма Византийской империи — собора Святой Софии в Константинополе. О том, как этот зодчий создал модель храма и провел необходимые расчеты, возвел леса во всю высоту собора и построил новый купол, который стоит уже тысячу лет.

Потом мы пили красное сухое вино, чтобы нам и нашим детям прожить столько же, сколько стоит этот храм. Курили тонкие коричневые сигареты и читали друг другу стихи — он свои, на армянском, я — любимых русских поэтов.

Я узнал от него о стальных дверях в Эчмиадзине, где хранится громадная пли-

та из оникса, на которой золотом 833 пробы написаны 36 букв армянского алфавита. А он услышал страшную повесть о том, как умирали армянские старики в заснеженной тайге Северного Урала, со слезами вспоминая черноморский берег родного, далекого Трапезунда.

Я сидел и переводил Сурена. Первое стихотворение будущего поэтического сборника Григор написал на русском: «Пермь — дождливый паук. Тут лето короткое, как юбка стройной блондинки. На улицах — приливы. Девушки глотают пиво, как слезы внезапного солнца. Тут мольбы к богам по-разному струятся — Библия и Коран крылья одной птицы. Рябины красный призыв — как вспышки сердца. Дожди... Голуби... Березы... Лето — сладкая слеза царицы радости. В Перми лето короткое. Но я вник во все мигом. Любовь везде ярка, любовь — небо-река, любовь — отчий дом».

— Нет, — возражал он мне тихо, — не молитвы, а именно — мольбы...

Лично мне чужды все религии мира, кроме языческой, название которой происходит от понятия «язык», точнее — «русский язык». Еще точнее — «русская поэзия». Поэтому я стараюсь внимательно относиться ко всяким суффиксам и флексиям.

Конечно, я отметил высокий уровень ассоциативного сопряжения текстов Сурена. И заметил, что мой армянский друг подозрительно относится к рифме, как отработанному за века приему, с помощью которого можно с легкостью имитировать поэзию. Да, он пренебрегает объемами стихотворного произведения. Зато, кажется, не слишком напрягаясь, оперирует многозначностью образа, порождая то недоумение, то раздумье. Наверное, текст Сурена Григора на русском языке можно было бы определить как верлибр — свободный стих, который держится на определенных мерах повтора: метре, строфе, анафоре, изосинтаксизме. И на присутствии сквозного чувства мудрости, извечной армянской печали. «В мятежной сетке жестоких дней я с верой ожидал смерти. В диком лае дерущихся со-

бак я читал законы этого мира. Когда бури меня выбросили на берег, я не успокоился. Я мечусь на этом берегу, одинокий, а сердце мое затопчут на берегу другом».

Потом я обратил внимание на его привычки — привычки человека, который повсюду носит с собой сумку, напоминающую полевую сумку советских офицеров — плоскую, из коричневой кожи, где лежат записные книжки, авторучка, карандаш, несколько маленьких шоколадок, бутылочка с корнем солодки, пакетики с кофе.

И я понял: Сурен — воин, он всегда в пути. Дешевые гостиницы, самолеты, вокзалы. Из этой же сумки он доставал пластиковую папку с листами своих стихотворений. Он читал и следил за выражением моего лица, глаз, за моими жестами, пытаюсь угадать, достаточно ли адекватны армянская звукопись и подстрочный перевод его грустных и мужественных строк, который он делал для меня после прочтения оригинала.

— Я уже много лет веду образ жизни солдата, — пояснил он мне с улыбкой неизбежного.

— Бах-бах — Карабах? — уточнил я.

— Бах-бах, — покачал он красивой головой.

Я не смотрел на него, а изучал, украдкой наблюдая за мимикой и необычной речью.

— В Перми есть армянская диаспора?

— Сомневаюсь, по крайней мере, я ничего не слышал.

— Если армяне есть, значит, должна быть диаспора!

— Конечно, — согласился я, — однако ее нет.

— Надо создать!

— Она уже создана, — улыбнулся я поэту.

Он меня понял.

С карими глазами, сухой, как камень, завершенный, будто церковь из розового туфа на Армянском нагорье, Сурен был одухотворен Богом. Так мне казалось.

— Посмотри, — протянул он однажды свой паспорт.

Я взял документ в руки, раскрыл — и был поражен: с фотографии на меня смот-

рело длинное, худое, в морщинах, темное, как ущелье, лицо с большими и невероятно печальными глазами.

Он получил этот паспорт сразу после войны.

– Почему это ты так написал — «в любви не бывает измен»? — спросил я его, когда мы сидели вечером на моем рабочем месте и занимались переводом его текстов.

– Потому что если измена, то это уже не любовь...

Он рассказывал о себе так, будто читал книгу своей жизни, веселую и печальную.

После возвращения из Карабаха недолго пожил в своей деревне — уехал с другом в другую, где они взяли в аренду два гектара земли.

– Мы были тогда худыми, совсем обесилевшими — такой голод пережили, — говорил он мне, сидя с бутылкой пива на лавочке у Черняевского леса, — все лето работали на земле, огородничали, не разгибая спины. А крестьяне из соседних деревень потихонечку обворовывали нас... Однажды подхожу и вижу: незнакомый старик активно трудится на нашем огороде. Говорю: «Здравствуйте, не рано ли картошку начали копать?» — «Да рано, конечно, — отвечает, — но надо копать — воруют!»

Сурен опустил голову, тихо смеясь и откинув в сторону руку с расслабленными длинными пальцами...

– А дальше что? — спросил я.

– Ладно, говорю, старик, один мешок можешь забрать, а второй оставь, это уже лишнее.

После Карабахской войны жизнь в Перми казалась Григору сказкой, которой он грезил в горах Кавказа во время войны.

– Вы не понимаете, где живете, — сказал он мне. — Даже в Ереване все деревья вырубали, когда холодными зимами нечем было больше согреться... Поэтому мне нужен жидкий газ.

Он рассказывал мне о войне, но не очень много. Я только потом понял — почему.

Однажды Сурен за мешок денег купил у российских офицеров в Грузии оружие

и повез его в Армению, зажав между колен «лимонку» — гранату Ф-1 - с выдернутой чекой. Оружие на грузинских постах не обнаружили, а Сурен, вернувшись в Ереван, слег и не мог встать два месяца — отказали ноги, настолько сильным было пережитое нервное напряжение — на грани жизни и смерти. Российским офицерам он был благодарен.

Да, почему он не очень вспоминал о войне? Ответ я нашел в его стихах, которые пришлось уже на конец рукописи: «Самоотверженных будут обвинять. Справедливость будет спровоцирована. Правду нам продадут, а за душу нашу будем платить после смерти».

– Мы с тобой рождены после войны — плоды победы, — сказал он мне с улыбкой, — мы — дети победителей. В XX веке у нас была только одна Победа. А наши победы не стали общими, каждый бьется за себя...

Он говорил, что на стене знаменитого Ереванского аэропорта Звартноц в последнее время то и дело появляется надпись: «Последний уезжающий, выключи свет!» Надписи то и дело стирают — наверное, представители власти.

– Почему это миллион армян вдруг схлынул в Россию?

– Есть версии, — отвечал он, — потому, что полторы тысячи лет вассальной зависимости лишили армян созидательного самосознания; потому что к власти, как только Армения обрела независимость, пришли неконструктивные силы; потому что нация настолько стара, что процесс утраты нравственности и самостоятельности стал необратимым; многие оставили родину. Бросили, как мать в деревне. В сегодняшней Армении на приличном уровне живет лишь горстка богачей. Нация распадается. Почти как у вас, но русские так не разбегаются... По крайней мере — не так стремительно разбегаются.

Я смотрел на Сурена Григора: чистой горной воды пассионарий — родину не оставил. Его разговоры об эмиграции похожи на окопную блажь воина.

И потом я как-то волей-неволей пришел к мысли, что для меня Армения — это мой отец, никогда не видевший Арарата, и этот поэт — Сурен Григор, гонец с исторической родины.

В тот момент Николай Неволин видел мир в последний раз.

И потом много, быть может, очень много лет, до конца своей жизни он будет подробно вспоминать этот самый виноградник в окрестностях чужой столицы.

А Накипу Димухаметову показалось, будто в броню попала винтовочная пуля.

Таким был первый боевой звук. Затем раздался грохот — и его швырнуло вниз, в открытый люк БМД.

Они все ехали на «броню», кроме механика-водителя, у которого из люка торчала одна голова. В нее и угодил осколок.

Как оказалось, выстрел из гранатомета зацепил откинутую крышку люка, и взрыв раздался раньше, чем кумулятивная граната коснулась боевой машины. Поэтому в корпусе осталось отверстие, равное пулевому. Как и первый звук.

В ушах стоял непрерывный шум. А когда Накип поднял голову, он увидел, как в люк падает Коля Неволин — падает медленно: глаза прикрыты правой ладонью, а лоб расцечен вертикальной раной, из которой — с частотой сердечных ударов — вылетает, брызжет пульсирующая кровь.

Кто-то перевязывал Николая, кто-то отстреливался из автомата, а Накип залез в башню и попытался развернуть пушку в сторону нападавших, но безуспешно. Позднее выяснилось, что был перебит электрокабель.

Все это произошло километрах в десяти от Кабула, когда десантники, проводив колонну с грузом, возвращались в столицу Афганистана — на базу своего полка. Возвращались 18 апреля 1982 года, за неделю до долгожданного дембеля.

Водителя ранило. Другому солдату пуля попала в ногу. Третьему посеколо лицо мелкими осколками. Николай Неволин остался слепым на всю жизнь. И еще один парень

лишился глаза, даже не заметив этого. После боя Накип увидел на его щеке желтый след... Рядом стоял молодой, только что прибывший лейтенант и протягивал Димухаметову пакет со словами: «Солдат, перевяжи его». Руки офицера дрожали.

– А хирурги там были? — спросил я Накипа. Он, улыбаясь, чуть повернул голову левым ухом ко мне. Я повторил вопрос.

– Слышу все хуже. Ни одного врача я там не видел — только санинструкторов, таких же срочников, как и мы. Сами перевязывали. Я сразу не понял, что получил легкую контузию, не заметил, что глохну, особенно правым ухом. Тем более, что мы часто разговаривали друг с другом на повышенных тонах, даже в спокойной обстановке, на базе. Правда, иногда очнемся: а чего это кричим? Внутреннее напряжение, видимо, сказывалось. Потому что все понимали происходящее правильно, никто воевать не стремился. Только на собраниях молча слушали — о защите южных рубежей державы. Сегодня я думаю, что нормальный человек вообще воевать не хочет. А есть такие люди, которым это нравится — убивать. Если бы меня сейчас послали в горячую точку, я отказался бы. Как делают другие. Придумали — месячник дезертиров! В окопы бы этих прокуроров...

Последние пятьдесят лет на Россию никто не нападал, но слово «война» в названии госпиталя начало как-то незаметно писаться во множественном числе. И ветераны становятся все моложе.

Когда Димухаметов возвратился в родной Гремячинск, радость была беспредельной, как грядущая жизнь: живой, здоровый, полный сил! Служба позади, и столько повидал, что и бояться больше нечего и некого.

Потом заметил, что никак не может привыкнуть к мирной дороге: в машине или в автобусе ехал — все по сторонам смотрел.

А когда решил вернуться в шахту, медкомиссия выявила последствия легкой контузии, полученной у Кабула. Под землю его не взяли. Странно — в Афгане туда брали любых, и навсегда.

С каждым годом слух становится все хуже и хуже. Как будто война, возмещая прошлое, стремилась окружить его тишиной. И делала это по-прежнему жестоко, не вовремя, не спрашивая согласия.

— Один афганец дал мне сигаретку, я затянулся и вернул ее обратно, когда понял, что она с наркотиком. В Кабуле мы не пили, травку не курили, знали, что каждую секунду могут поднять по боевой. А дома меня встретили как героя — в каждом доме стакан наливали, угощали от чистого сердца, конечно. Но я так втянулся, что до 28 лет никак остановиться не мог. Может быть, поэтому до сих пор не женился. Живу с родителями.

Он все время пытается забыть войну, да она помнит о нем: возвращается в нечуждых ассоциациях, справедливых обидах и навязчивой тишине. А в соседней области живет Николай Неволин, оставивший свои глаза в Афганистане. Россию ему уже никогда не увидеть. Как мать, жену и собственных детей, если будет, конечно.

Высоко в небе летел на юг армянский поэт, как перелетная птица. А под крылом самолета, далеко внизу, светились огнями наши разоренные родины: «пустыни, пустыни — и нет места для креста...» Он летел и беззвучно шевелил сухими губами, проговаривая свою первородную молитву, может быть, в сотый или тысячный раз: «Обнимая усилившиеся дожди, я бежал по клавишам дорог, я искал, как выйти из этих страстей смерти. Я строил небо. Я соединил начало с концом. Но потопа разных времен все поглощали в одно мгновение. Когда будут исчерпаны все небеса, я завещаю, о Боже, мое сердце на растерзание диких птиц... Но остался пепел надежды и медленно поднимающийся крест. О, огонь, что прострелил меня изнутри, о возмездие пустых мучений... И я возвращаюсь опять из ничего — и распускаются зеленью ветви. Синие колокола обступают меня, и тоскующее вино, и облатка ставят свою печать. О, Боже, не зови меня на следующее жертвоприношение...»

Авиалайнер стремительно влетел в сухую мглу третьего тысячелетия.

Через полгода в Пермь приехал друг Сурена — Вагинак Арсенович, который в Карабахе был начальником штаба батальона. Я спрашивал его о войне, он отвечал: «О, Юрган, тяжело, Юрган, как это тяжело...» И все — больше ничего не говорил боевик. Он смотрел, как я пил водку гранеными стаканами, молчал и не притрагивался к алкоголю. Как будто дал себе какой-то зарок там, в горах, в то самое время дьявола, когда внутренние войска СССР по приказу министра Пуго открыли коридор в армянские районы для частей, укомплектованных азербайджанцами, чтобы устроить очередную резню стариков, детей и женщин.

Вагинак подарил мне большой черный крест из армянского обсидана, вулканического стекла, который до сих пор стоит на моей книжной полке. И вот уже я молюсь перед черным вулканическим крестом, шепчу, проговариваю в сумраке комнаты волшебные, сакральные, мистические стихи моего вечного друга Сурена Григора: «О, Боже, не зови меня на следующее жертвоприношение...»

Я вспоминаю Инессу Васильевну — контрапункт моей жизни и камертон вечности. Она опять заходит в мой класс — со светлыми волосами, голубыми глазами, в белом халате, белых чулках и туфлях. «Я рада, — говорит она, — что вы попробовали писать стихи... Я тоже пробовала. Поверьте мне, поэзия — лучшее, что есть в этой жизни. Самое достойное применение человеческой силы».

Я молюсь, стоя на кухне, смотрю в темноту окна, курю и не вижу конца этой мистической войне с тараканами, соседями, ментами, с друзьями и коллегами, работодателями и лохотронщиками.

Сурен Григор улетел. О, конечно — придется воевать в одиночку, и, возможно, война будет короткой. О, я только-только начинаю понимать, что у поэта нет шансов выйти из этого мира победителем. Или хотя бы живым. Я один, и уже хорошо то, что вчера мне, будто в карты, выпало «очко» — 21 век.

Россия — консервативная страна, сильна традициями: большевики опять захватили банки и фабрики, расстреляли свидетелей и конкурентов, потом выпустили клоунов. И все началось сначала.

Утром я просыпаюсь, съедаю яблоко, бреюсь, обливаюсь ледяной водой, делаю гимнастику и пью кофе.

Потом я укладываю в черную сумку диктофон, телефон, фотоаппарат, записные книжки, авторучки, чай, шоколадку, сигареты и зажигалку.

Я выхожу из дома — голуби садятся в тополиный пух, взметая белые взрывы семян, по переулкам цветут яблони и сирень. И я бросаюсь вперед, будто танковый полк прорыва...

Мы еще посмотрим, кто кого. Правильно я говорю, дорогой друг ты мой, земляк по роскошной и безумной планете? Мы еще посмотрим, дорогой друг ты мой — великий армянский поэт Сурен Григор. Еще как посмотрим. Мы посмотрим. И только прошу тебя, заклинаю: «...не зови меня на следующее жертвоприношение».

Не зови меня, Сурен Григор. Я больше не хочу слышать этих печальных песен — тоскливых и долгих, как мелодия дудука в утреннем тумане далеких кавказских гор. Я больше не могу слышать... До встречи, мой дорогой друг. Нас так мало, так мало, друг ты мой, что на этой планете нам не разойтись. Поэтому Сурен — конечно, до скорой встречи.

Александр Югов

Контакт

В начале следующего года в театре «Сцена-Молот» по пьесе Александра Югова будет поставлен спектакль «Контакт» (режиссер Руслан Маликов).

«Для театра настоящего времени очень важным является звучание на сцене живой современной речи. Современной не в смысле сленговой лексики (хотя и это тоже важно). Речь идёт о мелодике и ритме, о смысле, передаваемых паузами. В этом плане текст Александра Югова «Контакт» нам очень интересен и важен. В нём сочетаются живое звучание сегодняшней молодёжной речи и актуальная тема влияния выдуманной жизни в социальных сетях на психологию реального общения. Высказывания, собранные в технике верbatim, то есть, записанные на диктофон интервью с молодыми ребятами, объединены автором во внятную трагикомическую историю потери собственной личности», — объясняет выбор пьесы главный режиссер театра «Сцена-Молот» Дамир Салимзянов.

Журналу интересен жанр верbatim или документального театра, как инструмента, позволяющего сделать точный моментальный фотоснимок эпохи. Александр Югов поставил точный диагноз поколению «ВКонтакте» и будущему, которое уже началось.

Ну да **ко мне реально**
МНОГО молодых людей
добавляется ну **ладно** я
понимаю **это у них** наверное
закидон такой чтобы
познакомиться со мной **я таких**
сразу **кидаю нафиг** надо

На сцене — Ксю, Дэн, Аня и Максик. Напротив каждого — экран монитора или ноута. Кто-то строчит сообщение или комментит фотки, кто-то смотрит на экран и улыбается, кто-то занят игрой в приложении и бурно реагирует на игру. Начиная с Ксю, все поочередно отрываются от монитора...

К С Ю (девушка, переписывающаяся с Дэном) Мне реально нравится болтать с друзьями «ВКонтакте». Ни о чём, вообще, просто так! Нравится выставлять фотки. Мы с Дэном нашли здесь «ВКонтакте», мы и с ним болтаем на всякие темы, без напряга всякого вообще. Анька — моя подружка, она клеваая, мы с ней и в жизни встречаемся, только она прилипла бывает ужасная! Мне намного удобнее с ней «ВКонтакте», чем в жизни.

Д Э Н (парень Ксю, друг Максика) Я Ваня так-то, а «ВКонтакте» я — Дэн. Мне «ВКонтакте» на 2 года больше. Я страничку себе завёл по приколу. Мне, конечно, нравится больше в реале общаться с девчонками. Но вот с Ксюхой мы конкретно залипаем на этом сайте. Ну, если честно, я иногда люблю полазить по страничкам разных девчонок. Ну, повиртуалить немного, покомментить разные фотки, но без фанатизма! Я не люблю, когда ко мне в друзья лезут одни малолетки!

А Н Я (подружка Ксю, переписывающаяся с Максимом) Когда у меня появился компьютер, меня папик сразу зарегистрировал там. И маман тоже зарегистрировалась, она только недавно удалилась. В последнее время меня «ВКонтакте» достают друзья. Ну, у них дурацкие сообщения такие, типа: «Пойдем, погуляем?» Я им говорю: «Пойдем!» А они такие: «Да нет, давай просто «ВКонтакте» посидим?» В последнее время я устала от них! Но я никого не удаляю из друзей. Добавляю ещё незнакомых, потому что мне их жалко. Я люблю делать себе аватарки под настроения всякие разные... Ещё под времена года... Ещё мы Ксюхой там подолгу болтаем про всякое... Еще я люблю все мягкое, белое и пушистое, пляж, духи, мягкие игрушки, а особенно медвежат и шоколад...

М А К С И К (друг Дэна, переписывающийся с Аней) Я не могу без «Контакта»! Я просто влюблен в него!!! С каждым днем все сильнее и сильнее... И, главное, я не понимаю, как это происходит. Просто: «Бах!!! Кирпич на голову!!! Все!!!» Сидишь, сидишь, сидишь такой, потом пошёл похавал, уроки там поделал и снова сидишь, сидишь и... (громко) Всё!!! Короче, надо создать религию новую. Назвать ее — «ВКонтакте»! Церковь там отстроить. Чтобы все приходили, садились за компы и писались друг с другом. А компьютерные клубы переделать в маленькие такие храмы. Чтоб все там поклонялись ему.

Сцена первая

В интернет-кафе. Ксю и Аня за ноутами. Не смотрят друг на друга.

К С Ю . Ань, почему ты мне снежок не шлешь?

А Н Я . Ты же мне писала, что тебе нужен металл?

К С Ю . Я у тебя один раз только металл просила. У меня теперь есть.

А Н Я . Ты написала, что тебе надо металл и шестерни.

К С Ю . А у тебя ещё есть машины? Я машину продала. Это ничё? Она потом не нужна никому?

А Н Я . Это же просто декорация. Её сразу можно было убрать и всё.

К С Ю . Ты сразу разобралась, как ее убрать?

А Н Я . Ну да, сразу. А чё там — просто удалить и всё...

К С Ю . Я к уровню 10-му, наверное, ее удалила...

А Н Я . Я вчера была на седьмом уровне, и только вчера удалила.

К С Ю . У тебя мозги лучше работают!

А Н Я . Слушай, Ксю, а вот пара дровосеков — они за один мозг работают? То есть это выгодно?

К С Ю . Ну да, выгодно. А ты уже можешь себе их покупать?

А Н Я . Нет еще. С 9-го уровня. Я еще на 8-ом только.

К С Ю . Я не могу! Я лох!!! Я найти не могу ничё там. Там темно!

А Н Я . У тебя тоже есть «Тайная комната»?

К С Ю . Да. У меня у Ирки уже 24 уровень. А я ещё на втором. Как там искать-то?

А Н Я . Там нормально всё. Там же водишь этой лупой, и тебе все высвечивается.

К С Ю . У меня тормозит, наверное. Я хочу мышкой, а не пальцем. У меня маленькая эта штука.

А Н Я . А я мышкой поворачиваю, и у меня сразу в другую сторону всё улетает. Я вообще с ней не успеваю ничего.

К С Ю . А че у тебя стена такая пустая?

А Н Я . Новый год ведь прошел, я и удалила поэтому всё. Мне такой фигни наслали на Новый год!

К С Ю . А ко мне парни из лагеря до сих пор прутся. Поцелуйчики шлют, достали уже! Лучше бы красивое граффити нарисовали. Иногда когда какойнибудь чувак напишет мне на стенке чтонибудь не то, я беру и удаляю. Чтоб граффити на первом месте было!

А Н Я . Ксю, а чё ты вот мои фотки не комментишь?

К С Ю . Не знаю, в лом чё-то... Блин!!! А ещё, Анишна, знаешь, меня бесит, когда мне котятки на стенку кидают или 150 тюльпанов на 8 марта нарисуют и думают, что приятное сделали... Нифига ничё хорошего... Ты с Серёгой-то ещё пишешься?

А Н Я . В последнее время так себе...

К С Ю . Да ну, ладно! Ну, расскажи?

А Н Я . Да нечего рассказывать. Мы перед Новым годом на его стене «погуляли», а на Рождество он мне в личку только смайл и всё.

К С Ю . И всё?

А Н Я . Всё.

К С Ю . Ну, и нафиг тогда тебе это надо? «Дэлит» его сделай и всё!

А Н Я . Ну, Ксю, это неуважение, я так не могу. А вдруг еще срастёмся?

К С Ю . Ну, как хочешь... Бл-и-и-ин, обожаю читать статусы! Ань, хочешь прикол?!

А Н Я . Ну?!

К С Ю . «Нужны перья птиц! Разных! Куплю за не за дорого!!!» Тупизм, да? Или вот это: «Друзья, сегодня 54 года назад в Тунисе ликвидирована монархия! Отметим?»

А Н Я . А нафига они ему?

К С Ю . Кто?

А Н Я . Перья птиц?

К С Ю . Тебе какая разница? Прикольный статус, вот и всё!

А Н Я . Интересно — я в старости тоже возжелаю окрасить волосы в фиолетовый???

К С Ю . Еще и химию сделаешь!

А Н Я . Ф-у-у-у!!!

К С Ю . А ещё губы будешь красить в ярко-красный цвет! А чё это ты?

А Н Я . Да не, ничё... Просто я бабульку с фиолетовыми волосами сегодня на остановке узрела... Вот и задумалась... Б-р-р-р-р-р-р!!! Ни за что не буду фиолетовой!!!

Ксю обновляет фотографию на своей странице. На стене появляется Максик.

МАКСИК . У-а-у-у-у!!! Круто, Ксюха!!!

А Н Я . (глядя в монитор) Макс?! (Ксюхе) Это что за срамота, Ксюха!?!?!?

МАКСИК . (пишет на стене Ксю) Ксю, а это рука или нога у тебя под кофточкой? =))))))

К С Ю . Эт не нога, Максик!..... Эт последствия текилы! Хе-хе-хе-хе...В далёё-о-о-о-оком, далёё-о-о-о-оком прошлом! И, кстати, это под кофточкой вовсе не я, а моя сестра!!! Бе-бе-бе!!!

МАКСИК . Фу, нафиг... На ночь так пугать не надо, ладно?

Аня быстро строчит сообщение на стене Ксю

А Н Я . Макс, ты чё тут шляешься, я не поняла? Нет чтобы по моей стене поползал?

МАКСИК . У тебя пусто.

А Н Я . Дак сделай, чтобы не пусто было! Я сколько прошу уже — пришли мне че-нибудь интересное! А ты ничего не шлешь.

МАКСИК . Че прислать тебе?

А Н Я . Ну, что-то романтичное?!

МАКСИК . Щас. Найду тебе романтик!

К С Ю . Бл-и-и-и-ин!!! Задолбали уже! Всю стену изгадили... Идите в личку и не засирайте мне стену!

А Н Я . Не, Ксю, нормально, да, по чужим страницам лазить? По мне он главное не ползает, а к тебе так притащился! Я сколько у него уже видос прошу какой-нибудь прикольный... Я ему всегда шлю че-нибудь.

К С Ю . Чё ты ему шлешь?

А Н Я . Ну, он когда уезжал на неделю в Саранск, я ему каждый вечер отправляла песенку там... ну или еще чё-нить... Ну, типа: «Я по тебе скучаю» или: «Я буду жить для тебя». Ещё я ставила ему на стену картинки всякие прикольные для поднятия настроения! Ну, там мишку Тэдди, например.

К С Ю . Мишку?

А Н Я . Ну да.

К С Ю . Детский сад, блин...

А Н Я . Ниче не детский сад. Очень даже романтично! Ну и вот... А потом выяснилось, что у него там проблемы с инетом были, но он потом такой приехал и сразу зашел в «Контакт». Я сначала хотела обидеться на него — чё сразу в компьютер полез, даже не поговорил со мной. А потом такая думаю: «Ладно, пусть, там ведь от меня ему всё...» Он посмотрел на все это и сразу... поцеловал меня! А на следующий день потащил меня в магазин! В отдел с мишками Тэдди!!! Представляешь? Но мы только посмотрели — сколько они стоят, и сразу ушли.

К С Ю . Не купил?

А Н Я . Нет, конечно! Нет, но он реально хотел мне подарить мишку Тэдди!!! Я знаю!!! Реально!!! Он ведь не виноват, что он писец какой дорогой! А еще я ему как то отправила видео — там два человечка... Ну, видео называется — «Любовь». Там два белых человечка и у одного как бы из пузика растёт красная веревочка. И они потом кувыркаются! Потом он из этой веревочки делает сердечко...

К С Ю . Цветочек он делает!

А Н Я . Ты тоже видела, да? Офигеть!!! Да ведь, как красиво? Ну, и вот... А потом они начинают чё-то как-то там... Ну как-то они вертятся и перематываются. Ну, и получается так,

что у них ниточка от одного пуза к другому. А потом второй берет так ножницы: «Чик-чик!!!» И все. И типа уходит. А тот ему: «А-а-а-а!!! Что ты наделал, придурок!». Потом он подходит так, на бантик связывает эту красную ниточку и все, и они снова вместе!!! Это пуповина, ты поняла?

К С Ю . Офиге-е-е-е-еть!!! Я поняла!!! Анишна, если бы не ты, я бы точно не догнала ни фига!!! Так это была пуповина? У-а-у-у-у-у-у!!! Й-й-й-й-й-о-х-о-о-о-у-у-у!!!

А Н Я . Чё ты прикалываешься-то! Перестань! Он мне потом подарил красный шарик. Ну, для него, видимо, это как бы сердечко было?! Ой, у меня сообщение...

М А К С И К . Ну, на — постри ««Misfits»». Ржачный сериальчик, я тут на него подсел...

А Н Я . *(быстро строчит ответ)* Спасибо, Максик! Я чмоки-чмоки тебя, мой котик!!! *(ставит смайл)* А ты меня? *(вздыхает)* Блин, уже ушёл... У тебя так много парней, Ксю. А ко мне чё-то в основном бабы добавляются. Чё за фигня, Ксюха? Че им надо от меня, а?

К С Ю . Ну да, ко мне реально много молодых людей добавляется. Типа: «А извините, у вас нет брата Дениса?». У меня так-то нет никакого брата. Ну ладно, я понимаю, это у них, наверное, закидон такой, чтобы познакомиться со мной. Я таких сразу кидаю. Нафиг надо, да? Сразу же все понятно, что нефиг ему делать, вот и всё. А недавно вообще приколом был, я офигела: «Не могли бы вы голенькой станцевать передо мной?». Этому мужчине было 67 лет. Прикинь? Вот дедушка «зажигает» «ВКонтакте» да!?

А Н Я . *(смеется)* А может, это пацан какой-нибудь дедушкой прикидывался... Слушай, а у тебя... Ну, тут, «ВКонтакте» было что-нибудь такое... Ну, типа по-взрослому всё? Ухаживания там, например?

К С Ю . *(смеется)* Парень один добавился ко мне и говорит такой: «Можно с тобой познакомиться». Ну, я ему: «Ну да, безусловно!» А чё? На фотке он мне сразу понравился. И альбомы нормальные у него. Ну, мы стали писаться помаленьку... Потом он такой пишет: «Ты мне очень симпатична!» Ну, и тому подобное...

А Н Я . Вы созванивались?

К С Ю . Ничё мы не созванивались, дура, что ли? Чисто «Контакт» и всё. А потом дошло до того, что он мне говорит: «Я жить без тебя не могу, я тебя люблю!»

А Н Я . А ты?

К С Ю . Чё я? Я вообще не знала, чё ему ответить, понимаешь? Ну, приятно, конечно! Он мне подарки стал дарить «ВКонтакте». Рейтинг на охрененную сумму в 100 баллов поднял! Молился, божился, что он приедет ко мне. Он так-то из Иркутска, я забыла тебе сказать. Он даже такой ещё: «Я тебе вышлю деньги, и ты ко мне приедешь!» А потом он, прикинь, замолчал. И так долго его не было. Я зайду в «Контакт» и жду, жду, жду его. А его нет! Я реально даже ревновать его начала. Думаю, наверное, в реале там с какой-нибудь московской девчонкой гуляет, наверное...

А Н Я . Да уж...

К С Ю . А потом, представляешь, он с Ирккой начал писаться!

А Н Я . С Ирккой? Ничёс-с-с... Прикол!

К С Ю . Но, я и говорю. Они начали насчет меня общаться. И потом он ей пишет: «Ира, я не знаю, как сказать Ксюхе, что я нашел новую девушку». Ирка мне, безусловно, все это рассказала сразу же. Я пишу, говорю ему: так-то и так-то, чё за фигня, чё за бред, ты понимаешь вообще, чё говоришь сейчас? А он мне: «Ксюш, у меня новая девушка, и я поставлю ее в «семейное положение».

А Н Я . А ты?

К С Ю . Чё я? Ты, блин, ничё не поняла, что ли? С моей стороны это же просто приколом был. А для него это было действительно серьезно. То есть действительно: «Я тебе деньги перешлю, и ты ко мне приедешь!», он даже спрашивал меня: «А что ты сегодня кушала?» То есть прям до такой степени было, понимаешь?

А Н Я . Но...

К С Ю . Я зашла на страницу той, ну, его новой девушки, мне было интересно узнать какой у нее рейтинг. Думаю, у нее, наверное, больше 200 - или нет? Ничего так и не узнала, у нее была закрыта страница. У меня, прикинь, просто 30 подарков от него! Он мне «кровать» посылал и писал: «Это наша кровать будущая, для нас с тобой», трусики ещё дарил мне... Ещё божьих коровок, монетки, сигаретки, пиво ещё, я не знаю... что ещё там... Но это же всё не в реале, а здесь, «ВКонтакте». И, блин, ты понимаешь, меня это так зацепило чё-то. Мне никто не писал так, как он. По 200 сообщений за день, прикинь? Цитаты там всякие присылал из классиков. Я вообще, реально, так много узнала благодаря ему... Блин, ну почему это все тут «ВКонтакте», а не в жизни.

А Н Я . Ты же говорила, что это всё так, ну, несерьезно?

К С Ю . Да, блин, я уже не знаю — где серьезно, а где нет. Отвали, достала уже.

А Н Я . Ксю, ты чего?

К С Ю . Ничё. Отстань, сказала же.

Сцена вторая

У Ани дома. Максик один.

М А К С И К . Наконец-то, «Контактик»!!! Три дня не сидел! Ну, давай, давай грузись уже, грузись! Ну, давай, давай, давай... Оп! Ну, конечно! Группы... Охренеть!!! 20 штук! А-а-а-а! Заколебали вы, блин! Че эти всякие фермы, блин, беспонтовые приложения? Ну? Друзья. Кто там? Норильск? Нафиг ты мне нужна из Норильска? Оба-на! Она ещё и замужем. Спам, блин! Так, чё мне, никто не написал ничё? Ну, ладно, я в приложения зайду! Так, «Легенда». Оп... Так... Вот уроды, а? Монстры сломали поместье, вот гады, а? Ну, и чё, подумаешь, не заходил только три дня, блин? *(вздыхает)* Ну, давай, давай, давай! Собрал ресурсы — гранит, дерево, камень... Ну, давай, давай, давай... Да ну, нафиг! В «Мафию» лучше... Так... Да, блин, чё вы против меня-то голосуете? Вот уроды!!! Блин, заколебала эта «Мафия»! *(выходит из приложения)* Так, кто тут у нас онлайн? Оп-п-па — 32 человека!!! Ха! Эта — нафиг... А этот здесь или нет? Нет. Нет. Нет. Чёрт, ни одного нормального, с кем можно пообщаться...

К Максику подходит Аня.

А Н Я . Тебе на меня реально наплевать, Макс! Ты можешь просто со мной поговорить? Чё вот ты пришел ко мне и сразу в комп залез? Давай погуляем, сходим куда-нибудь? Я вообще не понимаю тебя, Макс! Как «ВКонтакте», так сразу: уси-пуси... цветочки, смайлики, подарочки. Ты можешь мне нормальный цветок купить?

М А К С И К . Ань, прикинь, меня тут недавно взламывали. Я заколебался.... Еле-еле всё вернул...

А Н Я . Ты чё аватарку снова сменил? Ты заколеба-а-а-а-ал!!! Ты ее по десять раз в день меняешь? Я только привыкну к тебе — и ты снова меняешься.

М А К С И К . Нравится?

А Н Я . Та лучше была.

М А К С И К . *(передразнивает Аню)* «Та лу-у-у-у-чше...» А сама-то?

А Н Я . Я меняю аватарки, только когда у меня настроение меняется, ясно? Или время года когда меняется. Ясно тебе!

МАКСИК. Да ладно-ладно... Ясно все с тобой... Ань, прикинь, я вчера нашел друга, с которым в первом классе учился. Я вообще не видел его с тех пор. И он мне такой через семь лет пишет: «О, Макс, здорово!» Я смотрю на него — и вообще обалдел. Он был толстый такой, зачуханный, весь в соплях, не знаю, его все лошили, а он сейчас такой в «Адидасе», масковский такой пишет мне: «Максик, звони!». Я посмотрел его номер телефона и позвонил...

АНЯ. Макс, может, пошли, погуляем, а?

МАКСИК. Подожди... Так, сейчас к тебе заглянем на страничку... О, у тебя новый альбомчик! *(открывает альбом)* Ох ты!!! Звезда прямо!

АНЯ. Подожди, мне сообщение пришло. Дай я посмотрю... *(открывает входящее сообщение, читает)* «Привет, как дела?» И все? Больше нечего написать? Нормально!!! Она мне всегда одно и то же пишет!

МАКСИК. Кто это?

АНЯ. Оля это. На 8 Марта написала: «Поздравляю тебя с праздничком! Будь всегда красива и молода!!!» Нафига? Если в жизни даже не созваниваемся никогда.

МАКСИК. А зачем тогда добавляла в друзья?

АНЯ. Просто. Пересекались, вот я и добавила.

МАКСИК. Зачем?

АНЯ. «Зачем-зачем???» Из уважения, понял? А тебе зачем 735 друзей? Ты со всеми дружишь? Они все — твои друзья?

МАКСИК. Ну, не все, конечно. Кто-то — просто, чтобы под рукой был, на всякий случай. Кто-то — знакомый моего знакомого.

АНЯ. А друзья у тебя есть? Или друг?

МАКС. В смысле, пацаны, что ли?

АНЯ. Друг, говорю!

Пауза.

МАКСИК. Друг... Друг мне кажется тот, когда... Ну, допустим, мой друг поехал с моей девушкой к кому-нибудь зачем-то...

АНЯ. Зачем это?

МАКСИК. Да это неважно!

АНЯ. Ну, хорошо, поехали они. Дальше — что?

МАКСИК. Ну, и вот... Они остались там бухать.

АНЯ. Бухать?

МАКСИК. Ну, выпили они немножечко там...

АНЯ. Хорошо, дальше что?

МАКСИК. А дальше девушка эта начала к нему приставать, раздеваться... А он сказал ей: «Нет, ты девушка моего друга. Я с тобой спать не буду». Вот это мой друг.

Сцена третья

У Дэна. Дэн и Максик за ноутами, бродят по страничкам девчонок.

ДЭН. Макс, ты с Анькой как?

МАКСИК. У нас с ней началось всё на дне рождения... Я случайно туда завалился с одной кампанией. Ну, остались там, потусовались... И тут — Анька! Ну, у нас все и началось с ней...

ДЭН. Чё, прямо на днюхе этой?

МАКСИК. Да не-е-е-ет... Да там нече рассказывать особо.

ДЭН. Да ладно, колись!

МАКСИК. Ну, встретились мы на днюхе этой, ну познакомились там, договорились «ВКонтакте» найтись. Потом «ВКонтакте» нашлись. И давай ухаживания там разные: граффити на стену, ну эт как обычно... А, да, я же ещё два подарочка на стенку кинул ей, и она предложила такая встретиться... Встретились у меня. Она пришла ко мне, и мы с ней вина напильсь. И давай это... ну, целоваться. А оба не умеем!

ДЭН. Фу, Макс!

МАКСИК. Чё ты фукаешь?

ДЭН. Сорри, продолжай!

МАКСИК. Так пробовали... Так... Так... А в итоге — никак. И тут «Контакт» нам реально помог!

ДЭН. Чем?

МАКСИК. Мы посмотрели с ней видосы... И потом мы... Это был такой полет фантазии! Оторвались в общем с ней.

ДЭН. М-д-а-а-а... Макс, вот представь, а если «Контакт» вырубится?

МАКС. Починят.

ДЭН. Я говорю, а если его возьмут и отключат? Закроют! Совсем! Ты сможешь без «Контакта»?

МАКСИК. Да ну, н-е-е-ет... Это же вообще зло будет! Ну, блин, я не смогу без него!

ДЭН. Ваще никак?

МАКСИК. Если Интернета нет, то вообще меня знаешь как по-конски ломает!

ДЭН. Как это?

МАКСИК. Ну как тебе объяснить? Я места себе вообще не нахожу. Я когда если не дома, ну, у друзей там или у Аньки сажу, сажу, сажу... И вроде все нормально, да, беседуем там о чём-нибудь? Но реально мне чё-то не хватает. Ломка какая-то, понимаешь? Ну, там курить все идут, например, на балкон, а я не иду, я прошусь в комп. И мне пофиг, кто чё про меня думает. И вот, я такой залажу в комп, захожу на сайт «Контакта» такой, ввожу адрес свой... И — и — и — и, хоп!!! Я онлайн!!! О, это ваще счастье! Смотрю на свою аватарку сначала всегда... Ну да, я люблю себя. Я обожаю себя просто! Я там стою такой, с Анькой такой, в обнимку такой. У меня семейное положение — «встречаюсь с девчонкой». Мне пишут с лагеря моего: «Ну, чё, у тебя опять новая чика появилась?». Я думаю, как ответить? И пишу пафосно так на стене: «Да, у меня появилась новая девчонка!!!». Вот!

ДЭН. *(спокойно, глядя в комп)* Ага, спёрла где-то аватарку и поставила! Зачем ты ко мне добавляешься? Опять спам рассылать? Ну конечно, в 15 лет вышла замуж!

МАКСИК. *(кричит, глядя в комп)* Что??? Какая-то дура мне «два» в «Лицемере» поставила!

ДЭН. *(спокойно, глядя в комп)* Не, ты посмотри на неё, Макс!!! Это же не она. Это же Жанна Фриске, блин. Жанна Фриске — 15 лет! Обалдеть!!! Дура! Зачем тебе её лицо на аватарке? У тебя чё — своего нету?

МАКСИК. *(кричит, глядя в комп)* Я старался, значит, фоткался, на дерево это грёбаное залезал... Чуть не свалился, кстати! А она мне «два» ставит?! Я тебе, блин, «единицу» шас поставлю! Пошла ты! Так... Дальше что? О-о-о-о!!! Вашу фотографию оценили на семьдесят процентов! Вот так вот! Ты поняла, коза, блин! Людям нравятся, они нормально оценивают, не как некоторые. Значит, получается, не такой я ещё козёл!

ДЭН. *(спокойно, глядя в комп)* Ох, ты... Ох, ты... Олечка! Выложила сегодня 14 альбомов!!! Глянем, чё там? *(рассматривает фото в одном из альбомов)* Офигеть, Максик! «Фото на паспорт!» 80 фотографий однотипных и все тупо — выражение лица меняется и типа

рука не как везде... Так стоит, не так стоит... В шляпе, не в шляпе, блин... Какие у тебя интересы? «Воздух, вода, роса, рассветы, закаты...» Нафига тебе это всё? Тебе интересно это все, да? Ты исследуешь это все, что ли? Туманы тебе интересны, Оля? Ерунда это все, блин!

МАКСИК. Я до Аньки общался с Викой. Она из области, недалеко тут, три с половиной часа на электричке. Её интересы меня просто потрясли: «секс, машины, скорость, спорт...» ну, и всякое такое!!! Я вообще подумал, что это пацан какой-то размудает надо мной... Ну, я телефон сразу ее попросил. Созвонился с ней и вроде ничё — никакой не пацан, голос у неё был такой приятный. Ну, вот, я такой пошёл к матери просить денег. Ну, чтобы съездить к ней. А мать мне не верит! Я и так и так, и эдак, а она не даёт и всё. Мне пришлось показать ей Вику. Она посмотрела и одобрила мой выбор. Представляешь! Для меня это такое откровение было, я никогда матери своих девчонок не показывал. Ну, вот, поехал я такой. И вот, самый ответственный момент. Встречаемся с ней, а там тётка, ей лет 25, наверное... Ну, или она выглядит на столько. Голос тот же вроде... Но старуха, блин! По фоткам из «Контакта» — вроде она, но и не она! Блин, я так расстроился тогда. Чё за фигня, думаю! Почему так-то. Чё за уродина! Но всё равно, виду не показал, сам, блин, виноват. «Контакт», я считаю, это презерватив просроченный, ну или дырявый такой. Она тебя не может видеть и ты не можешь, но все равно пялишься на фотки, представляешь себе этого человека именно таким, никаким не другим... А потом встреча и... «Бац!!!» И... вынос мозга...

ДЭН. И чё?

МАКСИК. Чё?

ДЭН. Дальше чё с Викой?

МАКСИК. Не, ну мы погуляли... Она, прикинь, всего за час мне весь город свой показала. Потом в кафешке посидели, и она меня проводила на вокзал. Я сел в электричку, глаза закрыл, бардак вообще в голове тако-о-о-о-ой, я даже не стал в «Контакт» с телефона заходить! Домой приехал, захожу в «Контакт», а там 27 сообщений от Вики этой. Нет, попёрло её общаться со мной, видите ли... Пишет мне, что я ей понравился, что я интересный. Да пошла ты, бабушка!!! Я удалил всю переписку с ней, удалил ее из друзей... А она всё равно писала и писала мне. Тупая, что ли? Если из друзей удаляют, значит всё! Потом звонила, раз пять или шесть, наверное, но потом дошло до неё!!! Перестала.

ДЭН. Да, прикол... Хорошо, хоть Вика оказалась, а не Виктор (*смеётся*)

МАКСИК. Да пошёл ты!

ДЭН. Да, блин, чё мне всё одни малолетки лезут? А — а — а — а!!! Бесите уже! Главное, начинают знакомиться и им обязательно всем надо сматериться в разговоре, ну как-то показать себя крутой, взрослой такой: «Да-чё-да-чё-да...» А как предлагаю им встретиться, они сразу: «Ой, да нет, я занята-а-а-а, занята-а-а-а, занята-а-а-а». У всех куча однотипных альбомов, где они, в общем-то, в одних и тех же позах: «Да-чё-да-чё-да...» А в реальной жизни они просто идиотки, (*стучит по стулу*) вот — звук будет такой же, если постучать им по голове. Вот эта, (*показывает страницу девчонки*) смотри: «МЕГААВАТАР ТОЧКА РУ» Нафиг? Нельзя просто лицо свое прыщавое выставить? Или вот у этой, смотри: «АВАБОМ-БА ТОЧКА РУ» Это же просто маска! Это реально маска, никакого человека тут нет. Они надевают эту маску и думают, что они крутые: «Да-чё-да-чё-да...» Меня бесят названия их альбомов: «Немножко меня!!!», а внутри 437 фоток!!! А их сообщения: «Мы пафосные, мы крутые, у нас нет никаких проблем!!!» А на самом деле, — ничё они не крутые! На самом деле их заставляют два раза в день чистить зубы и говорят быть дома ровно в девять! И они приходят домой ровно в девять, чистят зубы, залезают в «Контакт» и начинают корчить из себя: «Да-чё-да-чё-да...» Меня бесят сообщения с приложений на стене! Меня бесит, когда пишешь человеку огромное сообщение, а он отвечает: «Понятно!» Меня бесит, когда некоторые ставят на аву надписи: «Я сохла, а вы все рады» или «А может, без меня

будет лучше?» Меня бесят виртуальные семьи «ВКонтакте». Меня бесят бабы, кидающие в личку сообщения вроде: «Проголосуй за меня в этой нэжной группке, я № 666»

МАКСИК. Сдались тебе эти малолетки, Дэн. Ты ведь с Ксюхой ходишь, ну и ходи дальше.

ДЭН. Ходим?! Никуда мы не ходим! Пишемся только с ней и всё. Час, другой... А потом — вообще херь какая-то...

МАКСИК. В смысле?

ДЭН. Она, оказывается, кинце смотрит и со мной общается. Одновременно, представляешь?! Я вообще не представляю, как такое можно? Я же чувствую, что она не со мной вообще, она в фильме своем полностью. Сообщения короткие, тормозит с ответами или вообще от темы уходит. Или пишемся, пишемся с ней, ну, все нормально вроде, она не в кино. Ну, вопрос-ответ, просто болтаем про фигню всякую, а потом приходит от неё сообщение: «Блин, меня Дэн достал уже! Все никак не свалит». Я пишу ей: «Ты это мне?», ну, и цитирую ей её сообщение. Она такая: «Ой, Дэнчик, сорри, это я своей сестренке Олечке из Воркуты написала! Я с ней ещё болтаю» Ты понял?

МАКСИК. Да, по-конски, ващце-е-е-е, Макс...

ДЭН. Я вообще в шоке был!

МАКСИК. Ну, а ты чего?

ДЭН. Ну, я сразу вышел, конечно. Не, ну можно было нормально сказать: «Дэн, давай завтра спишемся или пересечемся». А она еще треплется про меня с кем-то! Неделю не заходил в «Контакт». Потом заглянул такой, потому что ну не могу уже — соскучился!!! Думаю, ну всякое бывает, наверное, виртуальное общение действительно изматывает... Смотрю — она в сети. Ну, это не удивительно, она всегда там. И так хорошо сразу мне стало, потому что она же вот тут, передо мной, рядышком совсем! Руки так и тянутся к клавише написать ей. Но сижу, молчу, терплю такой, обиженного из себя корчу... Она тоже молчит, ниче не пишет. Так просидел час, наверное, а ей все пофиг было, что я — онлайн!!! Понимаешь? Пофиг!!!

МАКСИК. Всё? Больше не пишется?

ДЭН. Пишемся, но так как тогда больше не залипаем.

МАКСИК. О чём?

ДЭН. Да про разное...

МАКСИК. А про секс писались?

ДЭН. Пошёл ты!

МАКСИК. Ну, а чё такого-то?

ДЭН. Не, вирта у нас не было. А у ты было?

МАКСИК. Не было...

ДЭН. Да ладно, мы же пацаны! Это только девушки умеют хранить секреты группами человек по сорок и на открытой стене.

МАКСИК. Эт точно! Ну, я когда с Анькой болтаю... нахожу видос какой-нибудь класный и это... Ну...лысого гоняю. Вообще кайфово!

ДЭН. Пиздец, Макс!!!

МАКСИК. Вообще, разгрузочка такая мощная получается! Ну, когда Анька онлайн плюс какой-нибудь офигенный видос!!! Слово пацана! Я вообще реально не могу уже жить без «Контакта». У меня привычка уже! Я каждый день туда захожу. Такие видосы ващце обалденные попадают! Ты сам-то смотришь порнушку «ВКонтакте»?

ДЭН. Ну, бывает, конечно.

МАКСИК. Ой, засмушался, блин, любитель малолеток!!! Шучу-шучу!!! Не, за видос — отдельный респект Паше Дурову, да!? Это же надо придумать такое — все рядом, в одном месте!!!

ДЭН. Ага, и друзья, и бляди, да?

МАКСИК. Грубо, но в принципе — так и есть ведь?

Сцена четвертая

Ксю за комп. Аня заглядывает в монитор к Ксюхе.

А Н Я . Что новенького?
К С Ю . Прикидываешь, за сегодняшний день — 27 штук.
А Н Я . Ничёс-с-с-с!!!
К С Ю . Ну да. Я сама обалдела. Я всех добавила.
А Н Я . Зачем?
К С Ю . А пусть будут. Посмотрим, чё за пацаны. Достанут — выкину их из друзей и всё.
А Н Я . Я так не могу, Ксюха.
К С Ю . Чего ты не можешь? Это же «Контакт»! Еще не известно — кто там на самом деле. Может, уроды какие-нибудь? Да, Анишна, новая фотка это реально показатель! Это все из-за аватарочки моей новой! Класснучая да ведь? Смотри!!!
А Н Я . Да видела я. Ты бы совсем еще догола разделась, тогда бы не 27, а 127 мужиков постучались к тебе.
К С Ю . Ладно тебе. Завидуешь?
А Н Я . Чего???
К С Ю . Ладно, проехали. А у меня знаешь какая классная фотка была, блин, я ее потеряла где-то... У меня сестра с телефоном баловалась, фоткала меня. Это в прошлое лето, кажется, было. Ну, неважно. И во-о-о-т... И в-о-о-о-т... Я сидела телик смотрела, никого не трогала, а сеструха меня достала, я вообще не хотела, чтобы меня фоткали, а она фоткала и фоткала... Ну, вот, на той фотке... О, это вообще судьбоносная фотка!!! Я благодаря этой фотке, кстати, с Дэном познакомилась. Я там на диване сижу, йогурт пью и чё-то губы облизнула. И главное серьезная, потому что по телику какую-то криминальную хронику показывали. И вот фото просто супер получилось! Я там такая странная! Там только — глаза, губы и язык, и всё! Я, конечно, на автарку её поставила. И ко мне все сразу повалились... Потом, правда, повыкидывала всех. Вот, только Дэна оставила. Потому что он из нашего города, он хоть что-то реальное.
А Н Я . Я вот реально брошу Максика, если он откажется общаться со мной в реальности: ходить со мной в кино, по улицам гулять где-нибудь вечером, посидеть где-то во дворике, скажем, на качелях.
К С Ю . На качелях? Нафиг? Мне вот, если честно, намного удобнее с Дэном «ВКонтакте». Надоел если — я взяла и вышла из «Контакта» и всё. Нет меня! В жизни попробуй так уйти? Не получится. Только разругаемся и всё. Блин, надо вторую страничку заводить уже, а то как найду, так он сразу приставать начинает. То расспрашивать начнет, то фигню всякую пишет, а мне вообще, может, на тот момент не интересно это. Но иногда, когда настроение есть, мы с ним подолгу болтаем...
А Н Я . Как это две страницы?
К С Ю . А что, есть ведь у некоторых и по 10 страниц. У меня знакомая одна есть — у неё две страницы. Одна страница позитивенькая, а другая для депрессухи. И она не скрывает. У неё и группы разные на обеих страницах, и интересы разные. Она не скрывает это ни от кого. Она друзей подобрала по своему настроению. Удобно! Например, когда ей херово, к ней никто не лезет, а лезут только те, кто действительно может помочь ей, ну, кого она нормально переносит.

Сцена пятая

Макс и Дэн.

Д Э Н . Ксюха вчера в личку мне пишет: *(передразнивает)* «Споки ноки, Дэн, мой ми-и-ильный!» И ещё знак двоеточие, тире и звездочку. И вот это:: — * — честно ни в каком месте, Макс! Нет чтобы позвонить, да?
М А К С И К . А сам-то звонишь ей?
Д Э Н . Я сразу позвонил ей! А она не берёт! Сегодня спрашиваю у неё: «Чё не брала? Я тоже хотел тебе спокойной ночи там пожелать, всякое такое» А она такая *(снова передразнивает)*: «Я спала! Я не слышала звонка!!!» Ага, спала она!!! Она онлайн до трёх ночи была. Ничё не спала, гонит она. Я проверял, она Аньке ночью альбом новый комментила. Ничё не спала. А чё, ей удобно «ВКонтакте» черкнуть мне и всё!
М А К С И К . Я своей, бывает, напишу что-нибудь... Ну, в шутку там, а она не понимает. Она понимает всё всерьёз, понимаешь? Мы болтаем, болтаем с ней «ВКонтакте» и бывает та-а-а-а-а-а запутаемся... Вчера она снова стену почистила — это значит всё, депрессуха у неё, значит. А я там ей картинок, музыки накидал, видосов всяких с приколами, чтобы настроение ей поднять. А она такая: «Я все убрала! Мне столько фигни всякой наслали!» Прикинь, это я ей фигни наслал! Она же сама просила стенку ей оформить! И главное, она везде «сердечки» наставила, что ей нравится всё.
Д Э Н . Я так-то благодарен «Контакту» за то, что у меня Ксюха появилась. Так бы фиг знает, наверное, не встретились бы вообще никогда. Мне просто фотка ее понравилась. Я кинул сообщение ей в личку: «Привет!» И, бац, она меня сразу зафрендил! Потом понеслось дальше. А сейчас кризис у нас, что ли? И, главное, я кинуть ее не могу — я уже к ее страничке привык. Мне если чего надо — я к ней залажу и от неё уже хожу куда-нибудь.
М А К С И К . Чё ты паришься? Замути с какой-нибудь другой девчонкой. Пускай Ксюха пока отдохнет от тебя.
Д Э Н . Я уже.
М А К С И К . Чё — «уже»?!
Д Э Н . Познакомился с одной блондиночкой.
М А К С И К . Малолеточкой?
Д Э Н . Я серьезно!
М А К С И К . Прикол! Ты чё, изменил Ксюхе?
Д Э Н . Нет, конечно. Я с другой страницы вышел на неё.
М А К С И К . Чё? У ты есть другая страница?
Д Э Н . А у тебя нет, что ли?
М А К С И К . Есть в принципе, но она у меня для других дел, и я там, в принципе, редко бываю...
Д Э Н . Я тоже так-то на этой странице редко бываю.
М А К С И К . Я ваще не ожидал от тебя такого, Дэн!
Д Э Н . На этой странице я — Иван, а не никакой не Дэн. Дэн ведь это для «Контакта» только, кликуха, считай! Так что все по чесноку!
М А К С И К . Да блин, какая разница! Дэн, Ваня... Хоть Петя! Зовись как хочешь. Давай чикую свою новую показывай! *(Иван показывает страницу девушки)* Ну, ниче так... Симпотная! Если это действительно она, конечно.
Д Э Н . Она.
М А К С И К . Откуда ты знаешь?
Д Э Н . Ну, ты сам смотри — вон альбомы семейные... Вон фотки на диване у ковра — дома значит. Вся семья тут, и она тут.

МАКСИК. На семьянинку потянуло?

ДЭН. Почему?

МАКСИК. Хочешь, я тебе про нее все расскажу?

ДЭН. Ну, попробуй.

МАКСИК. Короче, эта из тех, у которых на стене 30 записей, половина из которых оставлена ее дальними родственниками из Крыжополя!!! Она обожает маму с папой, своего любимого кота и черепашку! (*смеется*) А в целом и общем ничем особо не выдающаяся — среднестатистическая студентка института.

ДЭН. Да иди ты!

МАКСИК. Я те говорю! Ну, чё? Почувствовал разницу?

ДЭН. Пока не понял.

МАКСИК. Чё, так и будете в «Контыче» липнуться, как с Ксюхой? Может, сразу — встреча?

ДЭН. Так-то да, мне охота её сразу в реале увидеть.

МАКСИК. Ну, вот молодца! Вот и попроси у неё телефон. И все! Ха!!! Прикол!

ДЭН. Где?

МАКСИК. Да я на аватарку сейчас поставил новую фотку с косичкой. Стри... Клевая, да? И мне чувак один пишет, что я похож на Джокера из «Бэтмена». Че, правда, Дэн? Стри, Дэн!

ДЭН. Нифига не похож.

МАКСИК. Почему?

ДЭН. Чё прям так и написать: «Дай номер мобилы?» И всё?

МАКСИК. Ну да, а как еще-то?

Сцена шестая

Ксю и Аня.

АНЯ. Я со многими раньше вообще никак! Ноль! А сейчас какая-то движуха пошла. Представляешь? Даже приятно на душе как-то...

КСЮ. Че за ерунда, Ань?

АНЯ. Что у тебя опять не так?

КСЮ. Вот смотри — у меня последний альбом — самый крутой. Да ведь? Ты его комментила только и все, а больше никто. Его, блин, никто не смотрит.

АНЯ. Кому надо — увидит.

КСЮ. Ниче никто не увидит. У меня тут с 1253-ей самые нормальные фотки идут. Ни одного коммента сегодня нет — это уже показатель, понимаешь, Ань!

АНЯ. Нет, не понимаю. Какой показатель?

КСЮ. Это значит, никто не долезает до них. Блин, Анишна, че делать-то?

АНЯ. Так удали нафиг свои детские, например. В чем проблема-то?

КСЮ. Нет, Ань, это как-то символично, что ли? Как я могу детство из своей жизни взять и удалить. Оно же было.

АНЯ. По-моему, ты просто паришься из-за фигни.

КСЮ. Наверное... Так-то да... Надо в фотках прибраться, наверное...

Сцена седьмая

Дэн и Макс за ноутбуками.

МАКСИК. Половина друзей «ВКонтакте» — нафиг, они вообще не нужны! Их надо удалить, но ведь бли-и-и-и-и-и, рука не поднимается!!! Это же люди все-таки...

ДЭН. Люди? Где ты увидел людей? Где? Ну, где? Покажи мне хоть одного? Вот ты сидишь передо мной, да?

МАКС. Да.

ДЭН. Я тебя вижу. Ты — есть!

МАКС. Но...

ДЭН. А других нет!

МАКСИК. Ты чё, Дэн?

ДЭН. Это не друзья, Макс, это толпа задротов, которые каждый день, как и ты, заводят себе новых друзей!

МАКСИК. Ты че творишь-то? Э-э-э-й! Кто задрот?

ДЭН. Ты! Они! Вы все!!! Вы радуетесь, когда вас добавляют, вы чувствуете себя, блядь, героями, популярными личностями. Нафиг все это!

МАКСИК. Ты гонишь сейчас, да? Дэн, ты успокойся, объясни нормально!

ДЭН. Блондиночка... Катя... Помнишь?

МАКСИК. Но. Дала?

ДЭН. Чё?

МАКСИК. Мобилу свою дала тебе?

ДЭН. Дала.

МАКСИК. И?

ДЭН. Это так-то Ксюхин номер.

МАКСИК. Не понял.

ДЭН. Ты тупой?

МАКСИК. В смысле, это та, которая всей семьей на диване? Студенточка...

ДЭН. Да!!! Дошло до тебя, наконец!

МАКСИК. Прикол... Так это — Ксюха?

ДЭН. «Контыч» рулит, да, Макс?

МАКСИК. Да, да, это же классно, Дэн!!!

ДЭН. Чё — классно? Где — классно?

МАКСИК. Бл-и-и-ин!!! Ты тупи-и-и-и-ишь... Да, да, ты не звони ей. Пишишь дальше и всё. Вот прикол, а! Да, да, она на самом деле — кто? Ксюха или Катя?

ДЭН. Хер знает! Я уже запутался.

МАКСИК. Да не... Подожди-подожди... Да нормально всё! Постепенно разберетесь. Для Кати — ты Ваня. А для Ксюхи — Дэн! Пишитесь дальше!

ДЭН. Для чего?

МАКСИК. Не, ты щас будешь её упрекать, что у нее есть другая страница, да? Так у тебя тоже две страницы «ВКонтакте!» Дэн, ты зацени сам факт!!! Бл-и-и-ин!!! Вот прикол так прикол!!! Я вообще рад за тебя, друг!

ДЭН. Какой факт? Ты чё расцвел-то весь?

МАКСИК. Сам факт, что вы во второй раз встретились с Ксюхой. Пофиг — блондинка, брюнетка... Пофиг — фотки, имя... Главное, это она — и тут, и там. Ты можешь получше узнать ее. Она ведь другая, да, на этой странице?

ДЭН. Ну да. Пока только мобила сходится.

МАКСИК. Это самое главное! Значит, это — она.

Д Э Н . А вдруг не она? Вдруг это кто-то из её подруг шутит.
М А К С И К . Возьми симку левую и звякни — проверь голос, если не веришь! Я вот уже верю, что это она!!!
Д Э Н . Я не понимаю — нафиг ей нужны две страницы?
М А К С И К . Ага!!! А тебе нафиг две страницы? У неё тут просто другой образ и всё. Вот бы Анька мне попалась, а? Я бы её развел тогда...
Д Э Н . В смысле?
М А К С И К . Я бы про себя всё узнал, наверное... Не, не узнал бы, она у меня не такая...
Д Э Н . Откуда ты знаешь — какая она?
М А К С И К . Не, ну она не станет трепаться про меня с другим мужиком. Хотя фиг знает... Слушай, а эта блондиночка твоя сейчас онлайн?
Д Э Н . Тут.
М А К С И К . Давай, напиши ей чё-нить?
Д Э Н . Что? Я не знаю.
М А К С И К . Давай я...

Макс пишет сообщение Кате. Звонит мобильник Дэна.

Д Э Н . *(долго смотрит на телефон, потом на Макса, наконец отвечает)* Привет, Катя!
М А К С И К . *(тихо)* Ну, ты деби-и-и-ил...

Сцена восьмая

Макс один

М А К С И К . Я там каждый вечер. Я реально не могу без него. Ещё «Контакт» реально помогает. Я так считаю. Я там фигней разной страдаю. Иногда видео смотрю, музыку. Иногда в дурацких группах сижу, переписываюсь на дурацкие темы... Я люблю «Контакт» за его приложения! Мне реально нравятся многие приложения. Поиграть в «Мафию» там, например... Это же клёво! У меня когда-то была в приложении «Ферма». Я там строил дома, что-то там ещё делал. И ещё боролся с друзьями. С лучшими друзьями боролся за рейтинг. Вернее, нет, не за рейтинг, а за деньги! У кого больше ферма. У меня была безлимитная симка и я вложил в «Контакт» пятнадцать тысяч! И еще где-то тыщи две, наверное, вложил в эту «Ферму», чтобы она у меня стала шире, и я всегда был на первом месте. И всегда на первом месте по этой ферме. Ещё я увеличил себе рейтинг. Да!!! Тоже на эти же деньги! У меня теперь рейтинг 952, и я стою у всех первый!!! Нет, «Контакт» это вообще-то тупость, но я обожаю «Контакт». Вот приходишь домой, да? Хочется пообщаться с людьми и вместо того, чтобы пойти на улицу, постоять там... А зачем? Проще зайти в «Контакт» и посидеть там. Это так затягивает ваще! Обожаю еще приложение «Лицемер» Это надо надуть губы, надеть очки, самому себя сфоткать — и ты типа звезда «Лицемера», сидеть там, копить оценочки, поцелуйчики там... Энергия у тебя там... Монетки капаят... И сидишь, трясешься там, чтобы у тебя монеток хватило подарочки там отправить, с какой-нибудь девкой замутить. Порой, главное, сидишь там, ничего не делаешь, а время три часа ночи уже!!! И вообще непонятно, чё ты там делал? Просто я считаю, что сейчас многие уже тупо живут «ВКонтакте». Представляете, что в один прекрасный день «Контакт» вырубится? Че люди будут делать? Кто-то стопудово повесится... Точно!!! *(пауза)* У меня всё. Всё, некогда. Мне к Аньке надо.

Сцена девятая

Аня одна

А Н Я . Человек «ВКонтакте» и человек реальный — это разные вещи, я поняла. Есть, конечно, одинаковые, но даже я вот очень разная. У меня маман тоже была «ВКонтакте», а потом она удалилась. Папик не захотел ставить ее в «семейное положение», и ещё она что-то плохое написала про работу в своих «Заметках». Её подружки все это передали начальнику, и у нее были большие проблемы, вплоть до увольнения... Она меня ругает, что я много времени провожу «ВКонтакте». Но иногда она вместе со мной там залипает из-за папы, конечно. Она залезает к нему и роется в его странице. Я считаю, что это неправильно, она ведь уже не его «друг»! Но мне приходится пускать маман, чтобы не ругала меня. Пока папик «ВКонтакте» есть, я тоже буду там. Моя маман почему-то считает, что я знаю пароль от папиной страницы, но не говорю ей. Ещё иногда я ловлю маман за компом, когда она пробует открыть страницу папика, ну, в смысле, подбирает пароли. Это выглядит так смешно! Она сидит вся красная, злющая. Я убеждаю её, что у неё не получится ничего, а она всё колотит по «клаве» и колотит, и не слушает меня. Она мечтает прочесть папину переписку, она явно его подозревает, а я нет. У нас обычный нормальный отец. Просто его дома практически не бывает никогда. Ну, это у всех сейчас папы на работах пропадают. Мне «ВКонтакте» интересно побродить по страничкам людей разных... Ну, а вдруг там найдется что-то интересное? А иногда просто жалко людей — некоторые прячутся «ВКонтакте» от одиночества, все ведь хотят с кем-нибудь пообщаться. Я общаюсь примерно с 20 друзьями, но вечно появляются все новые и новые: из школы, из двора. Я их добавляю, потому что это такие «друзья», от которых никуда не удалишься. Потому что все-таки со школы и из двора. Отвечать приходится. К счастью, пишу редко. Я могу включить компьютер на весь день, и «Контакт» тоже. Но не факт, что я там буду находиться. Я как-то жила без «Контакта» целый месяц. И нормально всё вроде, прожила как-то. Для многих моих друзей — это просто невозможно! Например, для моего Макса... Макс мне вчера розу подарил. Я не поняла вообще ничего, но приятно было, честно. Он был у меня недолго, убежал кому-то комп отремонтировать. Я осталась дома, сижу такая, на цветок смотрю и думаю: лирика? Наверное, это какая-то ненастоящая лирика, это какие-то чувства минутные, которые скоро пройдут. Мне так кажется. Ха!!! Я поначалу пароль «ВКонтакте» все время забывала. Но теперь благодаря Максусу я с компом более-менее в ладах.

Сцена десятая

Ксю одна..

К С Ю . *(Ксю смотрит в свой ноут)* Блин, чё за статус у Светки? Где она это выкопала? *(читает)* «У нее были задумчивые глаза. Она не курила сигареты и пила только лимонный чай». Что это такое? Бред! У меня вот статус был, который мне до сих пор очень нравится: «Перемен требуют наши сердца!». Я когда ставлю его на страницу, он реально поднимает мне настроение. У меня «ВКонтакте» 90 групп. Половина — ерундистика какая-то! Но вторая половина — то, что надо! Меня волнуют темы вроде мистики. Меня прямо всю трясет от любопытства, если попадается какая-нибудь группа с названием вроде «Нечисть в нашем городе!!!». Та-а-а-к, посмотрим — кто у нас онлайн??? А, ну конечно, Максик! Чё там у него

нового на странице? Тупизм! Зачем ты это на заставку поставил? Придурок! Анекдотов новых у тебя нет. Может тогда песенки включить? О! Бабкин, пусть пиликает (*звучит песня*). Все, можно сидеть. Не, скучно, может, видос посмотреть? Не, неохота... К Аньке, что ли, зайти? Анька... Анька... Анька... Где же ты? Где же ты? А, так рано еще ведь, она обычно после 21.00 приходит. Через полчаса явится. Подождём... О, что это!? Приложение «Тетрадка смерти». Зайти, что ли? Попробуем... «Тетрадка смерти»... Установить... У вас ни одного друга (*смеется*.) Клёво! Не, можно так-то добавить кучу всех. Да ну, нафиг! Не буду добавлять. Всё. Придумала! Видосы буду смотреть. Бабкин, цыц! Это я смотрела, это я смотрела. Ничего нового не закидывают. Ладно, Бабкин, обратно! (*звучит песня*) Во! Андрюха зашел. «Привет! Чё вот мне делать, скажи, плиз?!» Ага, подскажет он... Не дождёшься. Этот тормоз через год ответит. Ладно, слушаем музыку и ждем Аньку. О! Дэн пришел! (*пишет сообщение*) «Привет, Дэн! Как дела?»

Сцена одиннадцатая

Дэн один

Д Э Н . Ну, да, у меня есть друзья «ВКонтакте» — но на самом деле их нет. Есть Макс. И все. Остальные — так, просто, есть и есть. Мне больше всего «ВКонтакте» нравятся «Смайлики»! Это позитивная такая штука. Ставишь его и как будто улыбаешься кому-то. Бывает, конечно, что ставишь, а самому хреново на душе. Или ещё — напишут тебе анекдот какойнибудь. Ты такой отвечаешь: «Ха-ха-ха, смайлик, ржака» А сам сидишь — и понимаешь, что анекдот с бородой, вообще не смешной... «ВКонтакте» мы все от реальности съебываемся куда-то. Все время убегаем куда-то. У меня Ксюха есть, которая Катя. Или наоборот? Пофиг! Странные они обе. Вроде один и тот же человек, и в то же время — разные. Когда я Ксюху назвал Катей, по телефону, она отшутилась. Ладно, пускай сама со своей Катей в своей голове разбирается. Сегодня я удалил страницу Дэна. Теперь я просто — Иван. Посмотрим — что будет дальше!?

Сентябрь, 2011

Поэзия / Танкетки

Александр Корамыслов

Будь тише

в бездну
с парашютом

зачатье
барочно

мыло из
на шило в

в садах
журналисты

с лейкой
и блокнотом

несу
несуэто

школа
для киллеров

контрольных
не списать

сыграл
в настоящим

семь футов
под мухой

Адам
челюсть Евы

щуку
кормят ноги

скребусь
с молодых ногтей

запил
под фанеру

с утра
ахматово

назидание

будь тише
аптечной

и ниже
газонной

обсценность
об сцену

поп спит
служба идёт

хлопоты
оваций

немножко
чересчур

оркестр
играл с душой

назидание

королю
не ферзи

*Блока
продолжая*

молчали
жёлтые

молчали
синие

в зелёных
плакали

и пели
в голубых

читал
свежий воздух

грудь полна
буквами

руки
из золота

сердце
из железа

а ноги
из глины

среди тут
между там

*в постели
с любимой*

пальцев
подушечки

живота
перинка

бёдер
одеяльца

только сна
ни в одном

никотин
не в коня

пупок
точка сборки

нетопырь
не теперь

эСэМэС
порошок

вертится
галилей

снег в чашке
Ай-Петри

скатерть
самокрутка

изба
сор на вынос

с Гоголем
нос к носу

широта
суженых

ЖЖ

нижний мир
верхний пост

памяти Дианы

принцесса
но бабАх

не замай
за декабрь

знаю как
но хау

мы идём
нога в но

кёрлинг
спорт уборщиц

плющенко
колбасит

стрижка
под полубог-с

с пижоном
о пиаф

в любви
и я эйнштейн

о боль
обольщений

письма
игра в ящик

убытки
не терплю

Бродский
наше нечто

лужа
микроволны

*в Перми*звериный
стиль жизни

не могу
с вами не

Мкртчян в Брно
согласные

*подпись к портрету поэта*вчехлить
ему в табло

с бальзаком
о норе

Броун
недвижимость

в Каму
в камуфляже

не после
а вместо

и я
меж ваших ног

встаёт
полшестого

кончил
трагически

гитара
приструнил

если
трубы горят

можно
загнать котлы

берроуз
меж берёз

папа
да не Отец

с Кантом
не кантуюсь

избави
от лука

Луна
Божий футбол

мир душен
дух мирен

*как сказал
бы Господь*

я люблю
на кресте

придите
налью вам

чаю
воскресенья

отель
дохлый номер

давненько
я не брал

*Е. Дёготь*дёготь
в бочку арта

право
с неохотой

*Музею PERMM
(к дискуссии о современном искусстве)*

Ватто

и вот это

счастье
семейное

и суп
и супруга

*чищу пылесосом пыльное собрание
сочинений Горького в суперобложках*

Горького
засосал

хотел
в железнодорожк

попал
в магнитогорск

Вечность не будет злопамятна

Памяти Андрея Гарсия (1963-2011)

28 июля 2011 года скончался Андрей Гарсия. Пермский музыкант, актер и режиссер, один из самых ярких представителей местного «поколения дворников и сторожей». Он был больше, чем сумма перечисленных ипостасей — разновидность английского *artist*, художник в самом широком значении этого слова. В середине восьмидесятых Андрей основал музыкальный коллектив «Пагода». Позднее сотрудничал с группой Олега Новоселова «Дом», ставшей культовой для пермского рок-андеграунда. В последние годы Андрей Гарсия работал актером в Пермском академическом Театре-Театр, выступал с сольными проектами. По просьбе журнала друзья вспоминают Андрея и эпоху романтических восьмидесятых.

Роман Юшков, доцент кафедры биогеоценологии ПГУ, активный общественный деятель, журналист (Пермь)

Я впервые увидел его на рубеже 70-80-х, будучи совсем ребёнком. Гарсия же был уже вполне юношей, бесконечно недостижимым экзотическим испанским и романтическим юношей с длинными волосами и с гитарой. Завораживающим и сильным голосом он пел испанские романсы и затуманенным невидящим взором смотрел на нас со сцены сверху вниз, но больше куда-то в дальнюю даль, и волосы его ниспадали на плечи, и публика благоговела... Я тогда не то что завидовал ему, юному богу, завидовать было глупо, я мог лишь по-мальчишески мечтать, что когда-нибудь и где-нибудь жизнь подарит мне хотя бы отсвет, подобный его судьбе...

... Мы познакомились в 1988-м, в университетском театре-студии «Отражение» (студенческий театр, основанный в Пермском государственном университете в 1984 году и просуществовавший чуть более десяти лет, прославился спектаклями «Митиюки» (по драмам Дзэами Мотокиё и Каннами Киецугу) и «Антигона» (Софокл), — прим. редакции), где ставилась тогда пьеса «Когда пройдёт пять лет» Федерико Гарсия Лорки. Андрей, увидевший первую редакцию постановки, принял приглашение нашего режиссёра Вадика Осипенкова и стал репетировать роль второго друга. Юношей стал уже я, а он... В тогдашней пермской художественной среде он был уже не просто богом, а сразу всем: актёром, режиссёром, композитором, музыкантом, поэтом... На фоне бурлящей перестроечной творческой жизни, среди заполнивших Пермь поэтических вечеров и рокерских гастролей он всё равно выглядел как молодой мэтр, его мнение ценили, знакомством с ним хвастались... Его появление в «Отражении» и последующее соединение «Отражения» с его музыкальной группой «Пагода» стало потрясением и мощным стимулом к нашему коллективному творчеству: как же, ведь Гарсия среди нас, значит, мы делаем что-то настоящее!..

А потом было несколько лет моей жизни, в которых Гарсия проходил то ключевым, то эпизодическим, но неизменно ярким персонажем. Репетиции, пирушки, премьеры, гастролы, фестивали, Москва, Питер, Екатеринбург, Лазоревское, Париж, Монте-Карло, Миккели, французы и финны, сибиряки и англичане, миллионеры и люмпены, любовь и раздоры, благородство и ничтожества, боль и радость... Иногда я верю, что когда-то потом напишу обо всём этом подробно, надо лишь набраться душевных сил и суметь размотать весь этот всё ещё горячий, сладостный и горький ком воспоминаний, в который укаталась наша юность... Но не сейчас, не сейчас, ибо слишком ещё живы и чутки многочисленные дорогие мне тени, посматривающие сверху за моим пером. И одна из главных среди этих теней — его, Андрея Гарсии, я и сейчас вижу её: вот он обращается ко мне кротким и просветлённым взором почти ангела, вот кривляется — насмешливая, плутовская, почти бесовская гримаса...

Пытаясь же сказать здесь о нём хотя бы самое главное, опускаешься до банальностей. Музыкальный и театральный до мозга костей, он был, соответственно, подвижен как воздух и противоречив как ветер. Великое и великодушное сплеталось в нём с неожиданно мелковатым, эпически царственным — с карикатурно опереточным, подлинный актёрский талант — с маленьким артистичным жульничаньем.

Я всегда поражался его неистребимой способности к секундному порыву и беззаботному поступку. Вот про кого сказал когда-то Киплинг:

*... Умей поставить в радостной надежде
На карту всё, что накопил с трудом,
Всё проиграть и нищим стать как прежде,
И никогда не пожалеть о том!..*

Андрей, кажется, не играл в карты, но в самой жизни с успехом разбрасывался крупными и мелкими — да всеми, что при нём были! — ставками. Сегодня он повелевает зрительскими залами, и авторитетные столичные критики уважительно осведомляются об особенностях его постановочной манеры и музыкального жанра. А назавтра, всё забыв, потеряв, сорвав все железные обязательства, не приняв перспективных предложений, пропустив важные звонки и не явившись на ключевые встречи, Андрей с гитарой и брошенной шапкой на площади у колхозного рынка поёт, играет и танцует фламенко для местных бродяг и ошарашенных прохожих. Я не знаю другого такого человека, который бы так легко расточал и расшвыривал те обильные дары, что преподносила ему фортуна, ни капли, кажется, не сожалея и не томясь этими потерями. Казалось, жизнь наказывала его за это. А он раз за разом между благами, что другие кропотливо стяжали впрок, пускай и на самую вечность, и трескучими радостями бушующего мига неизменно выбирал вторые.

Мимолётный трепещущий миг любил его и одаривал всё новыми радостями. Я верю, Андрей, что вечность тоже не будет злопамятна и всё тебе простит.

Леонид Соколовский, писатель, сценарист (Москва)

Андрей был родом из Добрянки. Это такой районный городок в Пермской области. В «Отражении» была довольно многочисленная «добрянская фракция». Кроме Андрея, в нее входили Дема Анапов, Лена Погибалкина и, между прочим, я.

Надо сказать еще, что Андрей был не просто испанец. Насколько я понимаю, по отцу он — мордвин. Может, отсюда и пошел его интерес к этнике? Хотя, правда, любопытства к мордовской культуре я в Андрее никогда не замечал. Папа его был, по рассказам Андрея, весьма интересным человеком: он был мастером шахмат добрянского масштаба, а в Великую Отечественную служил в разведке, брал языков.

Вообще мы по-настоящему подружились с Андреем уже после распада «Отражения». Как-то выпили вместе раз, другой... потом третий, и стали общаться регулярно. Во времена «Отражения» я, конечно, смотрел на Андрея снизу вверх, он был для меня небожителем.

В каком-то смысле и остался... Во всяком случае, я думаю, что вместо памятника Ленину и Горькому напротив Пермского университета гораздо уместнее смотрелся бы памятник Гарсии и Осипенкову. Позы даже можно не менять (Ленин с Горьким там о чем-то горячо беседуют), только между ними поставить бутылку, и внизу на постаменте не забыть парочку уже пустых.

Однако ж, выпивая с Гарсией, я вскоре с удивлением понял, что он не такой уж зачарованный странник из далеких краев, полных всякой гумилевщины. Он обожал петь военные песни (я, кстати, тоже их люблю), и ближе к пяти утра это был обязательный номер программы. Он с интересом читал каких-то кондовых поэтов советской поры. Он даже смотрел телевизор (новости!), причем прямо-таки с увлечением, но это выходило у него как-то непорочно. Я как-то раз пришел к нему с бутылкой, и мы с начала до конца просмотрели матч пермского «Амкара» с какой-то томской или омской, что ли, командой. Когда я понял, что Андрей — футбольный болельщик, я офигел. Ну, потом я начал тоже практиковать первозданный интерес к вещам, и к концу матча мы неуверенно блеяли какие-то кричалки (все-таки на настоящего фаната Гарсия не тянул, как ни крути).

Кстати, Гришковец ошибается, предполагая, что его творчество Гарсии было не интересно. «Как я съел собаку» я услышал именно дома у Андрея. Спектакль записал ему на радио Дема Анапов и презентовал диск. И Андрей был от спектакля в полном восторге. Он заставил меня прослушать его с начала до конца, и потом еще несколько раз заводил особо понравившиеся места — в смысле, еще несколько следующих встреч.

Может стать, самым мощным и тайным двигателем Андрея была именно эта крестьянская, андалусско-мордовская, рациональная, реалистичная основа, о которой я пытаюсь здесь рассказать. В ней брал начало и скептицизм, иногда даже панковский, и стремление к простоте, и подлинность ощущения чуда.

Александр Молодьков, композитор (Торонто, Канада)

Я знал Андрея Гарсия еще в годы нашей студенческой юности и не имел удовольствия лицезреть его более после той поры, хотя в совсем недавнем прошлом он нашел меня, живущего уже 10 лет в Канаде, через привычные теперь социальные сети в Интернете, и мы обменивались дружескими колкостями и шутивными стихами, совсем как 30 лет назад. Я смог посмотреть также его выступления на видеороликах, выложенных в Сети, и увидел, что это все тот же «студент», мало в чем изменившийся «испанец». Я не мог и предположить, что он так быстро сгорит, и его преждевременный уход отразился острой болью в моей душе.

Тогда, в начале восьмидесятых, мы были еще совершенно зелеными юнцами по 17-20 лет от роду, но это именно та пора, когда личность формируется и мужает, что потом накладывает отпечаток на все последующие годы ее существования. Андрей учился на филологическом факультете Пермского госуниверситета, а я — на юридическом, и мы жили в окружении многих уже тогда легендарных личностей, бывших, впрочем, обычными студентами гуманитарных и физического факультетов. Но Андрей выделялся на сером фоне совковой Перми как случайно залетевшая заморская птица, невесть откуда взявшийся русскоговорящий испанец, с настоящей испанской же гитарой. И звали мы его обычно не русским именем Андрей, а испанским Андрес, а за глаза — «Испанец» или «Гарис».

Мы были тогда неразлучными друзьями, не разлей вода, как говорится, и проводили время вместе сутками, ведя полубогемный образ жизни, изредка прерываясь на занятия, которые не очень жаловали своим посещением, вместе делили случайный ночлег, неизвестно где добытую чекушку водки и засохшую корку хлеба, часто не зная, где мы будем спать и что есть и пить завтра. Бывали и более благополучные периоды после получения денег из дома, которые всегда отмечались походами в пермские рестораны и могли продолжаться неделю и дольше, затем опять следовали периоды лишений, скитаний и приключений, описание которых стоило бы отдельной книги. Ни одна наша встреча не проходила без обмена новыми стихами или песнями. Одним из любимых наших занятий было сочинение стихов по очереди по одной строчке, как бы словесная дуэль. И конечно, почти ни одна «студенческая весна» или другое связанное с творчеством событие в университете не проходили без нашего участия.

Мы были юны, беззаботны, безбашенны, и вряд ли это можно назвать протестом против скучной брежневской эпохи, которая, казалось, никогда не закончится. Скорее мы, безбродные юнцы, интуитивно чувствующие грядущие перемены, пропитанные стихами Серебряного века, музыкой золотого века рок-н-ролла и бардов, считали себя продолжателями тех традиций и пытались создать свой новый мир музыки и поэзии, не мысля себе иной жизни. И Андрей Гарсия, был, без сомнения, самым ярким и органичным из нас. Его тщедушная фигурка с длинными руками, большой лохматой головой и приземистой фигурой примата вдруг преображалась, когда он начинал декламировать стихи, или брал в руки гитару и пел что-то «испанское». Он как будто становился выше, и от его напряженного лица с распахнутыми черными глазами и большим искривленным ртом уже нельзя было оторвать взгляда. Он никогда не был профессиональным актером или музыкантом в полном смысле этого слова, вряд ли чему-нибудь серьезно учился, и все его творчество — это продолжение его самого, его яркой личности. То, что он не мог изобразить технически, компенсировалось

его шаманскими приемами, постукиваниями и призывками, так что ни один профессионал не мог бы этого повторить. Пламя его испанской души вырывалось наружу и воплощалось в немислимых импровизациях. И мы, никогда не видевшие Испании, верили, что такая она и есть — такая, как Андрес. Его обычную жизнь нельзя было отделить от его творчества, и нельзя было сказать, где он живет, а где лицедействует, — все это было одно целое, единый порыв души и одна линия жизни. Таким он всегда был, таким и останется в нашей памяти.

Я думаю, что именно Андрей Гарсиа, несмотря на свое экзотическое для советского общества происхождение, — это прекрасный образец выразителя настроений творческой молодежи эпохи 80-90-х годов. Именно такие, известные только в своем кругу, не искавшие славы и почестей, барды, маленькие винтики системы, не хотевшие быть винтиками, во многом послужили толчком к слову этой самой системы, но так и не сумели приспособиться к новым реалиям, оставаясь, впрочем, верными себе и своим идеалам. Андрей, со своей нежной ранимой душой, всегда был честен, добр, любил своих близких и друзей, не умел изворачиваться и подстраиваться, он пронес сквозь всю жизнь юношеский задор, тонкий художественный вкус, бессеребрность и порядочность, и умер так, как и жил и творил, — на одном дыхании. И я чувствую и какую-то свою вину за то, что сумел выскользнуть из этого мутного, сметающего и корежащего людские судьбы как щепки, постсоветского потока, приспособиться, выжить, а он и еще многие другие мои друзья — нет.

Главное, что остается после человека, ушедшего в вечность, я уверен, — это не слава и известность, а память о нем в душах знавших его людей. И ничто не сможет стереть из моей памяти моего «испанца», моего друга, пролетевшего свой краткий земной путь, как комета по черному российскому небосклону. Ты всегда с нами, маленький испанец с большим сердцем, настоящий русский бард, Андрей Гарсиа.

Алексей Каракулов, актер (Пермь)

Всё время, что мы были знакомы с Андреем Николаевичем (а тому не менее четырёх лет), я мечтал послушать, как он поёт по-испански. Но всякий раз, когда мы с ним встречались на уроках или в гримёрке, я или забывал спросить, или смущался, или мы пели что-то совсем другое...

Помню первый раз, когда увидел его и следующий раз, когда пригляделся. Это были два совершенно разных «раза» и впечатления. Увидел я Андрея Николаевича, когда он впервые пришёл на показ нашей самостоятельной работы по «Слову о полку Игореве» — это было на первом курсе, весной 2008. Пришёл не как все: опоздал! Был в странном берете и в не менее странной рубахе, смотрел пристально, как птица, будто искал что-то, а что — не поймёшь... Видимо, это «что-то» Гарс (так мы называли А. Н. про себя на курсе) всё-таки в нас нашёл и как-то сразу стал нашим педагогом. Тогда, при первой встрече, я решил, что А. Н. странный, но интересный. На первом же занятии он это предположение укрепил, когда достал томик со «Словом» на старославянском, ходил туда-сюда, пел дрожащим голосом непонятные мелодии, а после попрощался редким словом «засим», сложив руки по-японски...

А пригляделся я намного позже — прошло 2 года, прежде чем я понял, что Андрей Николаевич очень нежный человек. Есть такой тип людей — их мало, — которых я называю нежными. У них особенный склад ощущения жизни, они сверхчувствительны и поэтому часто попадают в смешные, а чаще не очень ситуации, у них особый взгляд: как будто им причинили боль, а они тут же простили. А. Н. очень редко повышал на нас голос, а когда делал это, складывалось впечатление, что он совсем не умеет его повышать. Он словно сам себе удивлялся, а потом говорил что-нибудь, словно извиняясь. Он часто входил в класс,

задумавшись, что-то на ходу сочиняя, и всегда обращался к тебе на «вы». Это «вы» было особенное — как ветерок. Он знал много историй и часто лепо и нелепо их рассказывал, и ещё он читал очень хорошие книги.

У А. Н. на столе в гримуборной стояла статуэтка со святой покровительницей того города, откуда были родом его предки. Иногда я думал, а есть ли такой город на Земле, может быть, он всё-таки где-то на Марсе?! Может, он и сейчас где-то там?

Когда Андрей Николаевич ушёл из жизни, меня не было в Перми. Случилось так, что через несколько дней после того, как я услышал весть о его смерти, я заболел. А болеть было нельзя — я работал с детьми. Я тогда прилёт и уснул. И мне приснился сон, в котором А. Н. подошёл ко мне, молча, взял мою левую руку и крепко сжал её. После этого я знал, что болеть больше не буду. Так и случилось.

Не знаю, почему, но всякий раз, когда я закрываю глаза и думаю о А. Н., мне представляется маленький человек с флейтой, который шагает по воде. Он идёт босой в длинной белой рубахе и играет ту весёлую мелодию, которую мы разучивали с ним когда-то на уроках.

Может, я ещё когда-нибудь её услышу? Подождём...

Евгений Гришковец, писатель, драматург, режиссёр, актёр (Москва)*

Андрей был старше меня на три года. И смерть его в столь молодом возрасте символична. Уходят последние художники и поэты конца восьмидесятых и начала девяностых. Уходят те, кто совсем не нашёл себя в сегодняшнем пространстве и времени. Те, кто не смог микрироваться и не нашёл для этого никакого смысла. И получается, что Андрей ещё долго прожил...

Андрей и то, что он делал, повлияло на меня так сильно, что трудно проанализировать. С уверенностью могу сказать, что если бы мы с ним не повстречались, не познакомились, очень многое в моих спектаклях, особенно музыкальная их составляющая, было бы иным, а моего альянса с группой «Бигуди», наверное, не случилось бы.

Увидел я Андрея, а точнее, его театр в городе Свердловске в 1990 году на фестивале, на который сам впервые выехал со своим театром «Ложа», со своим первым, совершенно бессловесным спектаклем «Мы плывём». А Андрей показывал тогда «Митиюки». Спектакль был удивительным. Это был спектакль даже не одного, а двух коллективов — театра «Отражение» и Андрюшиной группы «Пагода». Но режиссёром и автором музыки был Андрей. Спектакль меня совершенно потряс и произвёл настолько сильное впечатление, что мне немедленно захотелось сделать что-то подобное.

Мне сначала подумалось, что некто Андрей Гарсиа, указанный в программке, скорее всего какой-то иностранец из каких-то иных, удивительных стран человек, потому что человек из Перми не мог сделать того, что я увидел и услышал. Оказалось — нет. Андрей из самой что ни на есть Перми. И фамилия у него настоящая, подлинная, не псевдоним. Просто, как мне сказали, отца Андрея ещё ребёнком эвакуировали в СССР из Испании, спасая от фашистов.

Тот спектакль начинался фразой: «Я, да будет вам известно, Фукакуса, смиренный житель столицы». Этой фразой начинается японская новелла, которую читает герой моего рассказа «Ангина», который я написал прошлой зимой. Вот какое сильное впечатление на меня произвёл этот удивительный, непонятный и почти таинственный спектакль...

Во время того фестиваля мы подружались коллективами. Андрей и группа «Пагода» сыграли концерт в один из вечеров, чем окончательно меня добились. Да, они готовы были играть в любом месте и сколь угодно долго. Что они играли? Трудно сказать! «Пагода» играла музыку несуществующих народов с несуществующих островов. Берусь утверждать, что так у нас в стране не играл никто. В их музыке не было ничего от претензий и зауми обчитав-

* Текст печатается с разрешения автора, полностью статья опубликована <http://odnovremennno.com/archives/2391>

шихся Блаватской бледнолицых мракобесов. В них не было многозначительности и бессмысленной таинственности фанатов всего индийского или псевдопросветления рерихнутых сектантов. В них не было намёка на какие-то особые, мистические знания и потаённые витиеватые смыслы, для познания которых нужно было несколько лет читать мантры. Они просто были пермскими ребятами, которые умели фантазировать и не претендовали на звание профессиональных музыкантов. Виолончель, цимбалы, перкуссия, флейты, гитара, контрабас и голоса. И этого было достаточно, чтобы в Перми создать ощущение того, что музыка эта рождается не на берегах Камы, а на берегу неведомого моря.

Андрей был, конечно, выдающимся музыкантом, при этом инструменталистом не был вовсе. Вряд ли он мог бы поучаствовать наравне в джем-сейшне с какими-нибудь виртуозами. Но он мог извлечь нужный только ему звук из чего угодно. В наборе инструментов, на которых он играл, были разные флейты и, что называется, дудки, несколько раз битая и много раз клееная окарина, привезенная им неведомо откуда, из которой он извлекал такие печальные звуки, какие не были задуманы теми, кто делал этот инструмент. На стареньком армянском дудуке он выводил совершенно африканские мелодии. Даже труба от пылесоса служила ему то духовым, то ударным инструментом. А как он играл на гитаре...

Разумеется, его как от хоть и пермского, но испанца часто просили исполнить что-нибудь испанское. И он исполнял. Он исполнял это смело и именно так, как надо. Когда ему не хватало элементарной техники и той самой скорости пальцев, он мог просто отбить какой-то ритм по корпусу гитары или темпераментно ударить по струнам. Андрей быстро входил в музыкальный раж, завывал, пританцовывал, вращал ничего не видящими глазами и уходил в музыку полностью, увлекая за собой всех мало-мальски чувствительных слушателей.

Я несколько раз организовывал приезд Андрея и его группы в Кемерово, к себе в театр. Это были потрясающие концерты! Я ужасно удивлялся тому, что Андрей и его группа почти совсем не концертирует, у них нет гастролей, а редкие выезды на фестивали не приводят к ошеломительному успеху. А ещё больше я удивлялся тому, что ни Андрею, ни группе ничего этого, казалось, было не нужно. Этот волшебный человек, заставляющий любой предмет звучать, и группа «Пагода», состоящая в основном из непрофессиональных музыкантов, которая под его руководством могла создавать удивительную полифоническую музыкальную картину, довольствовались недорогой водкой и совсем не хитрой закуской. Бытовые вопросы Андрея не интересовали. Сколько я его помню, быта у него как такового и не было. Хотя восхищение ему было необходимо. Если бы видели, какими глазами на него смотрели женщины, когда он пел...

Я сердился на него, пытался подсказывать, что и как нужно организовать в работе коллектива, чтобы и коллектив сохранить, и работать эффективнее. Но от таких разговоров ему моментально становилось скучно, он начинал блуждать взглядом по сторонам и лучше предлагал выпить. А я в то время не пил даже пива.

Андрей был чудесным. Маленький, с часто дрожащими руками, дрожащим сипловатым голосом, странными движениями, он был весь какой-то сильно нездешний. Я повстречал его последний раз чуть больше двух лет назад на лестнице за кулисами театра. Мы до этого долго не видались и тут встретились. Он мне впервые показался каким-то уж очень будничным. Он был буднично одет, буднично подстрижен, разговаривал буднично, рассказал про то, что работает в этом театре. В нём совсем не было блеска... прежнего блеска. Я даже тогда не понял, стал он смотреть мой спектакль или не стал. Хотя мои реалистические тексты и истории ему вряд ли были любопытны. Он записал мне на бумажке телефон. Когда я попытался ему перезвонить, выяснилось, что телефон он записал неправильно. В номере не хватало одной цифры. И именно это напомнило мне прежнего Андрея.

А вот теперь я узнал, что он умер. У меня есть предположение, по каким причинам он ушёл так рано. По этим причинам ушло так много поэтов и музыкантов, которые вдыхали

воздух конца восьмидесятых и начала девяностых, а выдыхали чистые звуки. Те самые, нежные и при этом бескомпромиссные, собственно, потому, что не знали, как пойти на компромисс... От них почти никого не осталось. Я говорю о тех, для кого не важно было, где играть концерты – на кухне, в ДК или на стадионе, для которых любое место было мастерской, любая поверхность – холстом и любое пространство – выставочным залом, для кого любая пьяная затея была перформансом и практически любое застолье – инсталляцией... Я таким никогда не был. Я всё время трудился. И часто сердился на таких художников, музыкантов, поэтов. Уж больно легко у них всё получалось. Чересчур сильно их любили и заботились о них те женщины, которых они делали несчастными. Как-то они могли вовсе жить без денег, прописок, трудовых книжек и прочих социальных признаков. А вот теперь их практически не осталось. Андрей прожил дольше многих. Горюю по тому времени, которое во многом освещено именно им. Тоскую по лёгкости и романтике, которая от него исходила.

Он не смог измениться и даже понять того времени, которое пришло.

Сергей Дюкин

Вирус «ОДЕКАЛ»

Пермь мрачна и неприветлива. Бытует мнение, что пермское пространство поглощает любые благие начинания. Это проклятие местности. Результатом этого проклятия становятся экзистенциальный провал и отчужденность. Отчуждены люди друг от друга. Отчуждены люди и от радости бытия. Отчуждены они и от трансцендентной красоты, остающейся для них оружием чужаков, которые время от времени появляются в этом мертвом месте, чтобы нарушить покой местных жителей.

Этот город не может похвастаться какими-либо мало-мальскими эстетическими традициями. Дореволюционный город купцов и чиновников, как и прочие периферийные центры, был исключен из большой художественной жизни России. Российская культура всегда была предельно централизована. Все более или менее значительное появлялось только в столицах. Ситуация не изменилась и в советский период. Несмотря на наличие формального художественного воспитания, пермяки продолжали бояться нового и непривычного в культуре. Боялись инженеры и партийные чиновники, пытающиеся удержать свой только что появившийся статус. А удержать его можно, в том числе, обращаясь к консервативному академическому искусству. Боялись рабочие, выходцы из деревни, больше чем голода опасавшиеся всяких новшеств и экспериментов.

Пермь двадцатилетней давности (мы будем говорить об этой эпохе) — это еще целиком советский город, в который новые веяния доносятся лишь через страницы газет и журналов, через теле- и радиоэфир. Однако это пространство становится целью для стрельбы странными арт-явлениями. Они возникают фрагментарно, как неожиданные вспышки, живут долго или не очень, а затем исчезают, часто не будучи замеченными за пределами Перми.

Именно таким образом под конец перестроечного шатания вырисовывается на пермском арт-пространстве «Общество детей капитана Лебядкина». Имя героя «Бесов» Достоевского объединению «ОДЕКАЛ» придумал человек, сплотивший своей харизмой и неуемной энергией группу поэтов, художников, музыкантов. Его имя Сергей Дадаграф (в миру Сергей Панин).

Сергей Панин. 2000 г.

Юность поэта

...была стремительной и концептуальной. Одекаловская летопись, составленная самим Дадаграфом, засвидетельствовала акцию, относимую к 1984 году. Место действия — родина поэта, поселок Омчак под Магаданом. Название акции, данное ей постфактум, — «Опыт концептуализирования и герметизации простейшего текста до полной вменяемости».

Содержание акции заключается в том, что Сергей изматывал редакцию газеты «Магаданский комсомолец» просьбами рассказать о некоторых советских рок-группах. Делал он это, методично высылая в адрес редакции письма под разными подписями и с разных адресов. Содержание послания каждый раз незначительно менялось. Реакция газеты на происходящее менялась от письма к письму. Если на первую просьбу редакция отозвалась, напечатав рассказ о нескольких командах, то последнее письмо было уже полностью проигнорировано.

Таким образом, будущий лидер «ОДЕКАЛа» удостоверился в том, что идентичный текст вызывает неравномерную реакцию у одного и того же адресата в различные единицы времени. В этой простейшей си-

туации просматриваются будущие эстетические установки крупнейшего пермского концептуалиста 90-х и его ближайших коллег.

Как признается сегодняшний Сергей Дадаграф, творящий под именем Сергей Сигерсон (к слову, организующий сейчас продажу книг в магазине «Пиотровский»): «Мне никогда не было интересно просто выходить на публику, читать стихи, показывая всем, какой я интересный автор. Гораздо важнее для меня запуск эстетических вирусов в массы. Сделать что-нибудь незаметное на первый взгляд, забросить какую-нибудь интересную идею. А потом посмотреть, как она будет работать. Например, был период, когда я сочинил несколько анекдотов про Шерлока Холмса. Через определенное время обнаружилось, что их рассказывают в народе. Мало того, до меня дошла информация, что эти анекдоты есть в коллекции Василия Ливанова, исполнявшего роль сыщика в российском цикле про Холмса, который отслеживает все факты попадания его персонажа в фольклор».

Следующие проекты реализовывались уже в Перми. Они датируются 1987 годом и позже.

«ОДЕКАЛ»: Д. Канетянин, Е. Гвинеев, С. Дадаграф. 1996 г.

Структура первых зафиксированных летописью опытов Дадаграфа и компании носит не до конца оформившейся характер. Как правило, опыты конца 80-х гг. сопряжены с сотрясанием обывательского покоя тихих пермяков в общественном транспорте, на улице или по соседству с кем-нибудь из участников этих эстетических экспериментов. Рядом с Сергеем в те годы часто всего можно было увидеть звезд местного рок-андеграунда. Это Олег Селезнев, Борис Бейлин, Сергей Лузин.

Рождение пермского ДАДА

Собственно «ОДЕКАЛ» появляется в феврале 1991 года. Несмотря на презрение этих поэтов, художников и музыкантов к подобию какого бы то ни было педантизма, начало фиксируется достаточно четко. Сергей Дадаграф, Дмитрий Канетянин и Евгений Гвинеев договариваются творить вместе и обозначать все свои совместные проекты грифом «Общество Детей Капитана Лебядкина». В основу эстетической концепции легли представления, свойственные многим модернистским и постмодернистским направлениям. Проскальзывает у одекаловцев дадаистское

отношение к искусству как к безобидному хулиганству, призванному сокрушить ставшую источником бед и страданий человечества «взрослую» эстетику.

Автор статьи должен признаться, что на протяжении многих лет, не будучи глубоко погруженным в творчество одекаловцев, отвечая на вопрос, а кто же это, собственно, такие, не затрудняя себя, отвечал: «Нынешние пермские дадаисты». Однако подобное обозначение не исчерпывает сущности описываемого нами явления. Есть здесь и обэриутские абсурд, алогизм, поданные через призму инфантильности, при этом, в конечном счете, призванные показать истинную глубину или даже трагизм человеческого бытия.

Налицо в одекаловской эстетике творческие принципы концептуализма с его тягой к теоретизированию, предвещающему появление самих произведений. Проскальзывают и футуристические замашки — опрокинуть в преисподнюю весь багаж заскоружлого культурного наследия. Однако само это наследие служит не чем иным, как игрушкой для типичнейших постмодернистских шалунов от искусства.

В созданной уже после взлета группы «истории «ОДЕКАЛА» Сергей Дада-

Коллективные сборники «ОДЕКАЛ»: «Шнур» (1996 г.), «Бал в бане» (1994 г.), «Телегерь» (1994 г.)

граф присваивает компании всю мировую культуру, говоря о том, что корни «ОДЕКАЛА» обнаруживаются «в европейской школе абсурдизма и авангарда, начиная с маньеризма, барокко, барона Мюнхгаузена, Лотреамона, Артюра Рембо, Гийома Апполинера, «проклятых поэтов», английской поэзии абсурда, Льюиса Кэрролла и кончая германским экспрессионизмом...».

Читая книги «ОДЕКАЛА», так и хочется представить этих поэтов и художников зачитывающимися философско-этическими трудами, а потом формулирующими свои безумные идеи. И только после появления этих идей как будто рождаются их запредельные творения. На самом деле, как утверждает сегодняшний Сергей Сигерсон, дело всегда обстояло обратным образом. «Это предвзятое мнение, будто модернисты изначально формулируют концепцию, а затем иллюстрируют ее произведениями. Возьмем, к примеру, имажинистов. Из всех модернистских направлений они мне наиболее, пожалуй, близки. Так вот, они начали создавать свои творения в 1912 году, а слово «имажинизм» критики придумали только через шесть лет. На первом месте у творцов всегда стоит практика, а затем иногда под нее подго-

няются всевозможные смешные слова. Я вообще всегда с подозрением относился ко всякой философии, считая ее демагогией».

Да будет «Штоф»

С не меньшей точностью, чем даты, фиксировались в группе Сергея Дадаграфа и отдельные участники. В интервью, взятом у самого себя, Сергей называет точное число одекаловцев — 21. Здесь же он формулирует творческое кредо группы, объединившейся «на платформе эстетического графоманства» так: «несвязывание традициями и склонность к экспериментам, пристрастие к эксцентрике и арлекинаде, к искусству, заряженному энергией, а не отнимающему ее».

В первой половине 90-х, безусловно, самом плодотворном этапе жизни группы, к тройке создателей присоединились Барон Вильгельм де Омангильды, Ольга Маюн, Кассиус Нокдаун, Д. М. Шурф, Юрий Матуцкий, Саттарий Уилликампф, Сергей Тетерин, Дина Монт, Дмитрий «StudENT» Аргалеев, Сергей «Шмайсер» Аксенов и другие.

Согласно летописи, наиболее значительные публичные акции «ОДЕКАЛА» про-

«ОДЕКАЛ». 1995 г.

ходят в 94-95 гг. Начало 93 года — проект «В гостях у Микки Рурка» в ДК им. Гагарина. Собравшимся предложили объединить в своем восприятии фильмы с участием голливудской звезды, клипы инди-групп и стихи Саттария Уилликампфа, позже ставшего известным под именем Леонида Гусева в качестве балалаечника и лидера группы «ДОС МУЧАЧОС».

Через год проходит выставка одекаловских работ под названием «Шлак» в краеведческом музее. Наряду с акциями группы «Нехудожники (Михаил Сурков, Сергей Стаканов) это была одна из первых демонстраций пермской публике артефактов художественного концептуализма: коллажи, инсталляции, предметы, ставшие произведениями.

Примерно тогда же в студклубе ПГУ Дадаграф с компанией презентуют альманах «Штоф». Это название стало, пожалуй, самым известным из всех наименований одекаловских изданий. Дело, возможно, в тираже — 500 экз. Впрочем, количество в данном случае ни в коем случае не определяет художественного превосходства сборника над прочими («Ямбическая сила», «Пятнадцать человек на сундук от отца», «Бал в бане», «Телегер»).

Сейчас Сергей Панин признается, что он и тогда не был сторонником печатной публикации стихов участников группы, предпочитая «партизанскую» деятельность. Однако сборник все же состоялся. Презентация представляла собой большой хэппенинг с чтением стихов, клоунадой в стиле commedia dell'arte, живой музыкой и легким обливанием входящих водой. Автор до сих пор помнит, как получившая минидозу воды одна не очень молодая пермская поэтесса возопила в адрес одекаловского Пьеро: «Да я на тебя в суд подам!».

В начале 1995 года постмодернистские хулиганы заявляют о себе акцией «Скуство», проходящей в пушкинской библиотеке, а через год там же празднуют свое пятилетие. Это очень краткий перечень одекаловских деяний. В этот же период было выпущено немереное количество сборников, альманахов, персональных книг стихов, а помимо этого были концерты, выставки и. т. д.

Кучки мусора

Именно этот период изобилует вниманием пермской прессы к одекаловцам. Не сказать, что материалов много, но они есть.

Афиши акций «ОДЕКАЛ»: «Штоф» (1994 г.), «Скуство» (1995 г.), «Турт» (1996 г.)

Возможность публиковать в главных пермских газетах («Местное время» и «Пермские новости») того времени отчеты о последних акциях и проектах «ОДЕКАЛа» есть не что иное, как порождение некоторой анархии середины 90-х годов. Та ситуация, помимо криминальных разборок и вялотекущей повседневной опасности, предоставляла некоторую свободу журналистам, желающим помянуть добрым словом друзей-поэтов.

Стоит вспомнить Анатолия Москвина, которого мы в это время обнаруживаем под псевдонимом «Устад Эвтаназин», и Вячеслава Запольских, он же «Кот Матроскин». Саркастические заметки последнего во многом коррелируют с творениями самих одекаловцев. Насмешливая манера Запольских становится словно еще одним абзацем в одном большом тексте, создаваемым «ОДЕКАЛОм».

Вот его слова о выставке в краеведческом музее: «Если человеку очень хочется поскучать, то он может пойти на выставку «ОДЕКАЛа». Все, что он там увидит, он уже видел много раз, и в несколько лучше исполнении. Кучки мусора. Жестянки из-под пива, обмотанные проволокой. Прелестная мазня трехлетнего ребенка. Сработанные под митьков мик-

рокомиксы. Коллажи из «Советского экрана» и «Юного натуралиста».

«The Вершина всего»

Если вернуться к альманаху «Штоф», то его презентация становится важной вехой в истории объединения, поскольку именно там перед широкой публикой впервые предстала группа «The Вершина всего», занимающая особое место в истории «ОДЕКАЛа». Будучи автономным образованием в рамках движения, команда в законченной форме музыкой выразила многие одекаловские установки.

Костяк «Вершины...» составили одекаловцы Семен Соснин, Марк Квинтольский и Игорь «Ваня» Иванов. Графоманский подход «The Вершины...» к музыкальному творчеству, в отличие от отношения поэтической части «ОДЕКАЛа» к своим творениям, иногда вводил наблюдателей в заблуждение. Одно из свидетельств тому статья в газете «Молодая гвардия», посвященная презентации «Штофа». Вот незначительная выдержка из нее. «Завершился вечер, как и было обещано, выступлением одного странного ансамбля. Объединяло его участников, кроме всего прочего, и то, что, похоже, никто из

Группа «The Вершина всего». 1994 г.

них не умел ни как следует играть на музыкальных инструментах, ни петь. Поэтому о качестве игры их я умолчу».

За пять с небольшим лет «The Вершина всего» записала материала больше, чем многие пермские группы, причем за гораздо больший срок. Отредактированное не так давно Семеном Сосниным полное собрание работ группы включает в себя 13 альбомов. На позднем этапе команда явно отошла от одекаловского влияния, окончательно превратившись в самостоятельную творческую единицу.

С 96 года усилия музыкантов были в значительной мере связаны с созданием в Перми рок-н-рольной инфраструктуры и с оттачиванием собственного профессионализма, что весьма далеко от первоначальных заявок «ОДЕКАЛа». Впрочем, даже в период явной ориентации на коммерческое звучание «The Вершина всего» снабжала известные по радиоэфиру мелодии привычными для одекаловских сборников текстами.

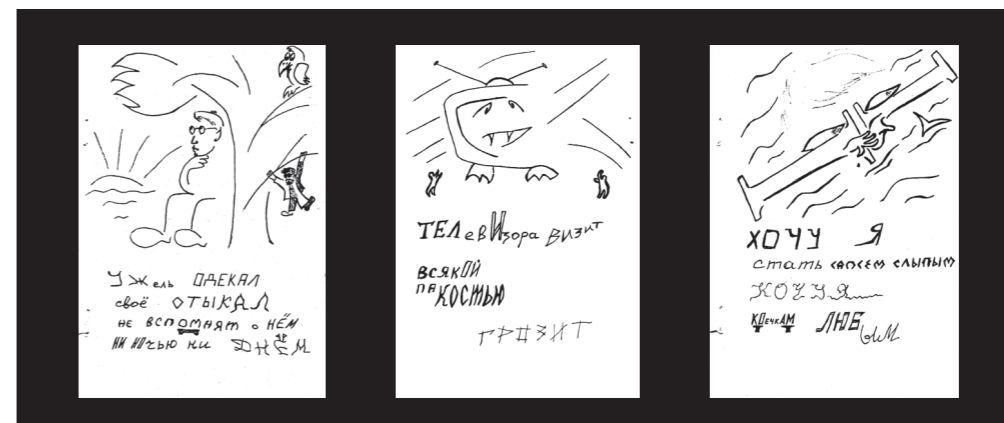
Похождения пермского барона

Дальнейшая история «ОДЕКАЛа», как полагает автор, полна противоречий. С од-

ной стороны, почти полностью прекратились, а со временем и окончательно ушли в небытие публичные акции. Не стало материалов в прессе и резонанса в электронных СМИ. Разбежался «золотой состав». По мнению некоторых участников группы, команда развалилась где-то на рубеже тысячелетий. Однако Сергей Сигерсон убежден, что «ОДЕКАЛ» по-прежнему существует. Причем если исходить из творческих принципов, которые поэт провозглашает сегодня, именно в течение последнего десятилетия «ОДЕКАЛ» стал тем, чем он был задуман. Ушла ненужная публичность с ее ориентацией на автора, творца, не забывающего ставить свою подпись под текстом.

Сергей Сигерсон успешно реализует свой проект, посвященный Мюнхгаузену. Похождения находчивого барона обрастают новым содержанием благодаря главному одекаловцу, а также многочисленным авторам, участвующим в наращивании этого гипертекста. Среди них как знакомые Сергея, в том числе бывшие одекаловцы, так и люди, не знающие его лично, как, скажем, писатель Алексей Иванов.

Сам Сергей Сигерсон успешно запускает вирусы эстетического мышления в народ, заставляя обывателей обращать внима-

Стихи Сергея Дадаграфа из рукописной книги «Часть ушки барону». 1994 г.

ние на свои безобидные художественные шутки, показывая пассажирам автобуса самодельную куклу или выставляя в одном из дворов политеховского комплекса гигантскую книгу с выходными данными и именем «ОДЕКАЛа».

Сергей искренне удивляется высказанному мнению о конце своего детища. «Я по-прежнему сочиняю стихи. Мало того, я продолжаю их распространять. При этом речь не идет обо мне одном. Сегодня рядом со мной моя жена Елена Брускова. В каких-то творческих подходах она еще более радикальна, чем я. То же самое могу сказать об Эдуарде Коцееве, с которым я познакомился сравнительно недавно. Мне вообще нравится находить новых людей, в которых вдруг начинает проявляться какая-то новая творческая сущность. Мне нравится заниматься поиском глубинного в любом человеке».

Говоря о распространении стихов, Сергей имеет в виду распространение листовок с текстами в различных неожиданных местах. Стихи могут появляться в библиотечных книгах, на остановках, в студенческих аудиториях. Кстати, помимо лидера «Общества...» под эгидой «ОДЕКАЛа» до сих пор пишут Д. Шурф и Е. Гвинеев.

Киберграфоманство

Отколовшийся от «ОДЕКАЛа» художник Сергей Тетерин, успешно занявшийся в конце 90-х медиаискусством, считает часть своих проектов последних лет логическим продолжением экспериментов 90-х. Речь идет о «Кибер-Пушкине». Так был назван виртуальный субъект, запрограммированный на сочинение стихов на основе поэзии Есенина, Мандельштама, Вертинского и Пригова, проведенной через призму цифровых программ для стихотворчества. Сюда же Сергей относит сочинение афоризмов об Интернете под названием «Бальтарас Грасианов», «Радиофикацию памятника Пушкину». Последний проект датирован 2010 годом. Это «Позтофон», то есть телефон, по которому можно послушать стихи некоторых русских поэтов начала XX века.

Влияние «ОДЕКАЛа» усматривается не только в проектах его бывших участников. Так, налицо преемственность в отношении наших героев постмодернистского клуба «Пастиш», развернувшего свою деятельность в пермском литературном пространстве в начале XXI в. Участники клуба хотели войти в состав «ОДЕКАЛа», но не были приняты, так как, по признанию Сергея Сигерсона, показались ему не слыш-

Выставка «Шлак» в Пермском краеведческом музее. 1994 г.

ком интересными. Однако отдельные поэты из «Пастиша» очень близки к «ОДЕКАЛУ». Если они и не являются членами Общества, все равно духовно выражают настроение группы Дадаграфа-Сигерсона. По его признанию, это Михаил Макаров, Игорь Измestьев, Виктор Калашников.

Не менее близкими к «ОДЕКАЛУ» Сергей считает звезду сцены пермского рок-андеграунда 90-х Ивана Арцимовича (на протяжении недолгого времени официально состоял в «ОДЕКАЛе») и поэта Алексея Евстратова, одного из главных участников ожившей за последние 2-3 года пермской поэтической среды.

Следы «ОДЕКАЛа» просматриваются и за пределами Перми. В частности, своеобразная колония одекаловцев издавна существовала в Магаданской области, на родине Сергея Панина. Есть последователи творчества пермяков в украинском Херсоне, где они в 1995 году побывали на поэтическом фестивале.

Эпидемия продолжается

То, что произошло с ОДЕКАО за последние 10-15 лет, — это, пожалуй, обычное взросление. Тогда, в 90-х, кому-то надо было все

это придумать. Кстати, отвечая на вопрос о том, а почему именно в Перми появился «ОДЕКАЛ», Сергей Сигерсон говорит: *«Причина заключается в том, что я переехал жить из Омска в Пермь. У моих родителей была здесь квартира. Других причин я не вижу. В свое время были попытки приписать нас к пермской поэтической школе, но это не сработало».*

Не исключено, что субъективный фактор стал не последним в появлении объединения в Перми. Однако вряд ли можно игнорировать и эффект противодействия. Имеется в виду противодействие нового искусства пермскому духу всеобщего отчуждения. Иначе говоря, дух радикального постмодернизма решил в эпоху поздней перестройки осесть там, где наступать и завоевывать интереснее всего. Там, где среда готова сопротивляться, не оставляя современной культуре шансов на победу.

Осев на такой почве, «ОДЕКАЛ» принял в свои ряды и ассимилировал совершенно разных творцов нового искусства. А затем началось возрастание этой новой и непривычной для пермских реалий творческой силы. Окрепнув и заявив о себе, «ОДЕКАЛ» 90-х перешел на новую стадию существования. Произошло деление клетки. Многие из старых одекаловцев заня-

Современный «ОДЕКАЛ»: Елена Сиренева и Эдуард Коцеев.

лись собственными проектами, которые им стали казаться более интересными, нежели коллективные акции.

Это касается и Сергея Сигерсона, освободившегося, наконец, от сдерживающего

влияния былых компаньонов и занявшегося в чистом виде тем, к чему всегда лежала душа, — распространению эстетических вирусов в условиях почти полной анонимности.

Арина Маслакова

Рифмы на заборе

Искусство. Как жёсткая структура форм, приёмов и средств уже давно не существует. Художник. Уже давно не пишет только масляными красками и только на холсте. Поэт. Позволяет себе писать не в рифму, не только на бумаге/мониторе компьютера, но и на стене/заборе.

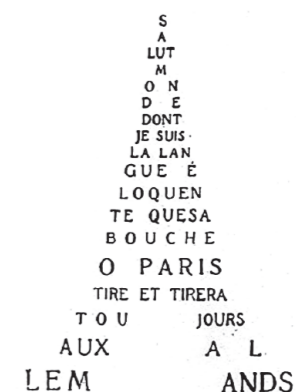
Визуальная поэзия. Тавтология, так как вся поэзия визуальна. В большинстве случаев любой сможет отличить стих, графически расположенный на листе, от прозы — текста сплошного. Проще простого отличить лесенку стиха Маяковского от традиционной графики стиха. Однако говорить о том, что визуальной поэзии не существует, нельзя — это все-таки нечто большее, чем графика стиха.

Молитва к божественной бутылке

Впервые попробовали соединить поэзию и изобразительное искусство еще в Древней Греции. Самые ранние стихи такого рода принадлежат Александрийским поэтам Симмию, Досиаду и Феокриту, их можно назвать изобретателями жанра. Известны их стихи в виде секиры,

Франсуа Рабле «Молитва к Божественной бутылке»

Каллиграммы Гийома Аполлинера

яйца, крыльев бога любви (Симмий), алтаря (Досиад), свирели (Феокрит). В этих стихах содержание соответствовало форме. Появление фигурных стихов с тех пор не прекращалось. Фигурные стихи писали и в средние века, и эпоху барокко. Франсуа Рабле в XVI в. сочиняет «Молитву к божественной бутылке».

Рабле оставляет примерное содержание молитвы, но насмешливо переворачивает всё с ног на голову, выбирая другое божество, а вместе с ним меняется и форма. Визуальная поэзия здесь обнажает влияние на монастырского поэта светского мировоззрения.

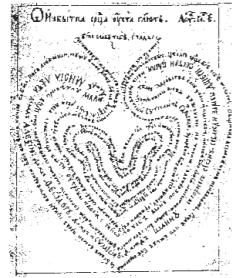
На рубеже XIX–XX вв. визуальная поэзия достигает расцвета во Франции. Гийом Аполлинер применяет для своих текстов особый термин: «каллиграмма — всеобъемлющая художественность, преимущество которой состоит в том, что она создает визуальную лирику».

Поэт говорит, что такое оформление текста необходимо, «чтобы читатель с первого взгляда воспринимал все стихотворение целиком, подобно тому, как дирижер одним взглядом охватывает нотные знаки партитуры». Поэтический текст оказывается все же важнее, и Аполлинер пытается заставить визуальную форму работать на содержание. Позже не осталось ни одной европейской страны, где не появились бы поэты, пишущие фигурные стихи.

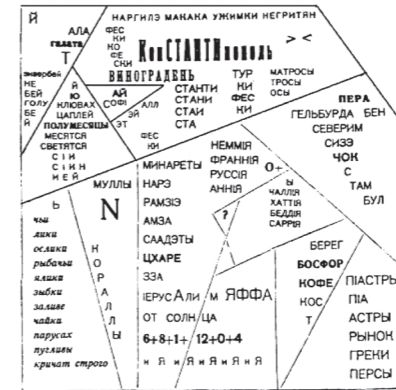
От избытка сердца уста глаголят

Русская визуальная поэзия началась, по мнению многих исследователей, с футуристов. Рудольф Дуганов, например, считает, что с Велимира Хлебникова. Однако оглянувшись, мы увидим, что графику и поэзию совмещали задолго до Серебряного века. В XVII в. Симеон Полоцкий не столько писал свои поэтические стихи, сколько рисовал тексты. Наиболее известное стихотворение «От избытка сердца уста глаголят», изображено в форме сердца.

«В стихах Симеона Полоцкого графический рисунок текста в ряде случаев определялся содержанием», — пишет Юрий Лотман в работе «О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста», указывая на цель привлечения графики к записи стиха. То есть, в отличие от подхода греков, первичным и определяющим здесь являлось содержание.

Графические стихи Симеона Полоцкого

Василий Каменский «Константинополь», 1913-14 гг.

Фигурные стихи XVIII–XIX вв. писали Сумароков и Державин, Апухтин и Брюсов.

ПИРАМИДА
 Зрю
 Зрю
 Лучами,
 Как свечами,
 Во мраке блестящу,
 В восторг все души приводящу.
 Но что? — от солнца ль в ней толь милое блистанье?
 Нет! — Пирамида — дел благих воспоминанье.
 (Г. Р. Державин)

Поэтому поэты-экспериментаторы начала XX века, чьё творчество составляет основной багаж визуальной поэзии, были далеко не первыми в освоении новой формы стиха. Конечно, они перенимали манеру письма. Вслед за Державиным — ропаличский стих Брюсова:

«Пусть
 мечта
 рыдает
 горестными
 восклицаньями
 Даль
 горит
 сверкает
 радостными
 ожиданиями...»

Однако утверждать и то, что все они были продолжателями, например, Державина, конечно, нельзя. Поэты развивали пространство, им было мало стихов в столбик, стихов на бумаге — так появляются стихи-образы.

Язык как таковой становится второстепенным. Появление визуальной поэзии больше похоже на попытки поэтов вырваться из узкого пространства текста. Вспомним, как Хлебников в статье «Художники мира!» (1919) предлагал создать письменный язык, который был бы понятен всем. И язык этот — живопись, которая говорит визуальными образами — доступен для всех. «... Ведь поэты рисуют», — писал Хлебников, — я не переписываю — не могу, а дорисовываю, окружаю со всех сторон — чтобы стало еще яснее...».

Василий Каменский впервые стал играть шрифтами, ориентируясь на газетную и журнальную верстку. В своих «железобетонных поэмах» Каменский мастерски использовал типографские шрифты — кегли разной высотности и начертания. Это поэтическое преобразование типографской технологии, эстетизация и одушевление механического. Ранние пятиугольные «железобетонные поэмы» Василия Каменского были грандиозным прорывом в область зримого слова.

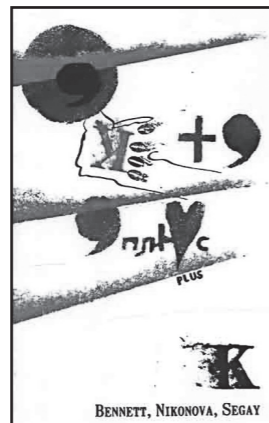
Стихотворение «Константинополь» 1913-14гг. было напечатано отдельно, на сатине, и таким образом прямо становилась «стихокартиной».

Книга Каменского «Танго с коровами» в одной из редакций была необычной пятиугольной книгой, в другой — напечатана на оборотной стороне цветастых аляповатых обоев. «Использование обоев... — пишет искусствовед Юрий Молок, — дало свои результаты. Напечатанная на обороте желтой бумаги, каждая из поэм оказывалась по соседству, рядом, в одном развороте с крупным цветочным узором, словно на стене комнаты, обклеенной пестренькими и дешевенькими обоями».

Ценность имени пермяка Василия Каменского для визуальной поэзии в том, что он переосмыслил не только пространство стиха, но и пространство, в которое этот стих вписан. Таким образом, в пользу содержания играет и форма, и платформа.

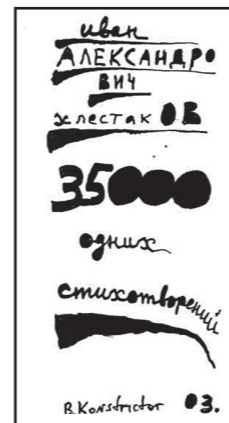
Обложка книги
Сергея Бирюкова «Зевгма»

Фрагмент поэмы
Джона Бенета, Ры Никоновой
и Сергея Сигея

Пост-фигурная поэзия Дмитрия Зимина

Графические композиции Бориса Констриктора, Эдуарда Кулемина, Дмитрия Авалиани

За рамками бумажного листа

Взгляд на историю подталкивает нас к очевидному выводу: поэты обращаются к конкретной (здесь: синоним «визуальной») поэзии во время перехода из одной эпохи к другой. Разбираясь в природе синтетических жанров, обратимся к теории восприятия. Конкретная поэзия требует от нас охватить проблему целиком и сразу, и если не глубиной своего понимания, то хотя бы зрительно. И тогда последовательность анализа становится условной. Уникальным в интерпретации становится то, что мысли, изложенные на бумаге в логических цепочках слов, требуют некоторого времени, чтобы их прочитали, а визуальная поэзия предлагает произведения, которые возникают сразу и всеобъемлюще — в одно мгновение, стоит лишь взглянуть. Секрет в том, что осознание смысла всего стихотворения приходит моментально. Таким образом, визуальная поэзия разнонаправленна, альтернативна, нестандартна в восприятии. Не имея начала и конца, присущих линейному синтаксису человеческого мышления, конкретная поэзия предлагает не просто другую форму творчества, но и другую форму мышления. Меняется не только стимул, но и реакция.

Неудивительно, что в период постмодерна популярность визуальной поэзии набирает обороты. Благодаря нелинейности восприятия произведений синтетических жанров художники получают возможность создавать работы парадоксальные, многоплановые. Причём зритель-читатель вынужден интерпретировать все элементы художественной композиции: текст, шрифт, которым он написан, цвет, размещение в пространстве, тактильные особенности платформы, символику изобразительного и концептуального плана. Благодаря нелинейности восприятия текстов визуальной поэзии появляется многовариантность их прочтения, а точнее, считывания смыслов, заложенных в произведении. Авторы, таким образом, вовлекают всякого читателя в игру декодирования.

Сегодня визуальная поэзия вышла далеко за рамки фигурного стиха. Ей посвящаются журналы: «Черновик» (редактор Александр Очеретянский, Нью-Джерси), «Другие» (Евгений Степанов, Москва); выставки: «Театр слова» в Калининграде (1995), «Радикалы и маргиналы» в Москве (2005), проект «Платформа» (2003-2004), представленный в разных городах мира; сайты: rlfma.com.ru, ashtray.ru, futurum-art.ru, drugopolushar.narod.ru; и даже учебники.

Понятие «поэзия» претерпевает существенные изменения, расширяется. Не признавать это явление невозможно. Среди поэтов синтетического жанра Ры Никонова, Сергей Сигей, Борис Констриктор, Александр Горнон, Александр Бубнов, Дмитрий Авалиани, Дмитрий Булатов, Сергей Проворов, Эдуард Кулемин, Дмитрий Зимин, Игнат Филиппов, Александр Суриков и др.

На вопрос, что такое визуальная поэзия, современные авторы могут дать однозначный, но далеко не всегда полный, исчерпывающий ответ. Из интервью «Журнального зала» с Евгением В. Харитоновым (Москва):

Ред.:— Дайте дефиницию визуальной поэзии.

Е. В. Х.:— Даже теоретики авангарда, кажется, до сих пор не определились с дефиницией визуальной поэзии. В самом деле, что считать визуальной поэзией? Текст с картинкой? Графический стих? А возможно ли в визуальном стихе отсутствие собственно текста, стиха? Об этом до сих пор спорят. Для меня визуальная поэзия — это соединение текста и визуального образа, переход текста в визуальный ряд, когда визуальность не столько даже усиливает смысл, впаянный в текст, а трансформирует его, когда смысл, послание транслируются через визуальность, а не через букву.

Остаётся понятным одно — визуальная поэзия давно вышла за рамки бумажного листа.

Фрескочастушки и муралебасни

Ещё одно явление современности, оказавшееся в пределах периферии искусства, — стрит-арт. Уличное искусство развивается по своим законам, но, как и визуальная поэзия, сочетает в себе рисунок и текст. И если граффити, например, можно соотнести с визуальной поэзией с натяжкой, то некоторые произведения стрит-арт-художников представляются прямым воплощением её идей и методов.

Мы пообщались с двумя стрит-арт-художниками, которые представляют два полюса существования стрит-арт-поэзии. С одной стороны — Александр Жунёв, относящий себя

Граффити Романа Минина на заборе, опоясывающем здание Музея современного искусства PERMM, 2010

больше к художникам, чем поэтам. С другой — Роман Минин, чьи рисунки не могут существовать без текста и наоборот.

Где кончается граффити и начинается жанр визуальной поэзии?

Роман Минин: Граница проходит в голове у художника, определить её внешне невозможно.

Что главное — рисунок или слово?

Александр Жунев: Для меня главное — смысл! То, что я хочу сказать людям в данном месте в данное время. Выразить это я могу как с помощью только рисунка, так и с помощью только слов, или комбинируя их. Показать это можно на примере совместной работы с Анной Емилиной, которая называется «Стихи против серости». Я попросил Анну придумать несколько коротких стихов про серость и грязь. У нас получилось шесть разных двустихий, которые я написал большими буквами на грязных строительных заборах в разных частях города. Главными были слова, а рисунок мы вообще не делали — им был серый грязный забор.

Роман Минин: Главное — гармония формы и содержания.

К какому жанру Вы относите свои рисунки?

Александр Жунев: Я отношу свою деятельность к направлению стрит-арт — уличное искусство. Стихи чаще всего служат для донесения смысла. Не всегда по рисунку можно понять, что я хотел сказать, и нельзя просто прямым текстом написать смысл под рисунком. И тут на помощь приходят стихи — они красиво и иносказательно подчеркивают смысл. Все-таки я не поэт. Я вижу образами, а не текстами. Стихи обычно беру чужие, но со смыслом, который подходит для конкретного рисунка — так получилось, например, с Есениным. Я прочитал много его стихов прежде, чем выбрал «Не жалею, не зову, не плачу...», потому что для этого места, для этого рисунка и для меня самого в тот момент подходило именно это стихотворение.

Роман Минин: Фрескочастушки, муралebasни, streetbook. Важно помнить, что когда приходит идея её важно адресовать нужному жанру, и так со временем появляются не-

Проект Александра Жунева и Анны Емилиной «Стихи против серости», Пермь, 2010

сколько воображаемых ящичков с разными жанрами: песни, стихи, частушки, фото, кино, живопись, графика, стрит-арт. А стрит-арт делится ещё на шкатулочки с отделениями: примитив, муралebasни, суперграфика и т.д. Так что нужно правильно распределять мысли, дабы они находили нужный выход быстрее.

Существуют ли какие-то правила по созданию графико-поэтических работ типа «муралebasни»?

Роман Минин: Правило одно — минимум средств, максимум выразительности.

Каков статус подобного искусства? Находится ли оно на периферии, запрещено ли оно, «опально» или, наоборот, привлекает всё больше внимания?

Роман Минин: Свое творчество я считаю полезным, а значит — не модным. А вот бесполезное становится модным и вымышленно запрещенным. Ругают ведь не за творчество, а за то, что без спросу вторгся в общее пространство.

Александр Жунев: Стрит-арт чаще делается без согласования. Но в отличие от граффити, он более понятен обычным людям, поэтому и становится все популярнее. Даже власти начинают интересоваться этим видом искусства, устраиваются официальные фестивали. Выделяются поверхности для легальных работ.

Ситуация с искусством в Перми несколько иная, чем в других городах?

Александр Жунев: Думаю, что да. В Москве и Санкт-Петербурге, конечно, гораздо больше развиты все виды искусств, но на фоне остальных городов Пермь заметно выделяется. А в Европе искусство развито больше, чем у нас.

Роман Минин: В Перми кипит творческая среда — причём не благодаря чему-то, каким-то усилиям, а вопреки этому. И это признак живого организма, способного расти и менять пространство не только вокруг себя, но и влиять на другие города, быть им в чём-то примером. Делиться печальным опытом и позитивными результатами.

Марта Шарлай

Игра всерьёз

Лирический герой Антона Бахарева-Чернёнка — человек природный; почти такой же, как тысячи и тысячи рядом, но с особым сознанием, зрением, организацией — в каждом случае следует выбрать эпитет «поэтический». Герой этот живёт в обычной обстановке, переживая рядовые события. Но за всеми его действиями следит как бы двойник или некий гений, который не выступает нигде явно, однако точно присутствует в моменты сожаления, тоски, хандры — вот отчего чаще всего кажется, что лирический герой Бахарева-Чернёнка лишён всякой констатации собственной трагической сущности, но в крайние моменты этот внутренний трагизм звучит явно, заслоняя собой весь «нестрашный» фон.

Поэзия Антона Бахарева-Чернёнка — поэзия прямого высказывания, мы всегда здесь имеем дело с «я». Биографические штрихи, которые можно узнать в поэтическом материале, только усиливают исповедальную сторону лирики Бахарева-Чернёнка; в то же время вряд ли можно говорить о предельной интимности. Поэт не раскрывает читателю свои глубины, при этом он, конечно, вполне откровенен, сообщая свои переживания через лирического героя, с которым — нужно подчеркнуть — слит. Хотя и склонен иной раз показать эти переживания утрированно до театральности. С другой стороны, ирония, очень свойственная стихам Бахарева-Чернёнка, спасает их от крайней пафосности и даже ставит последнюю под сомнение.

1.

Свой дебютный сборник стихов «Живи сюда» автор разделил на пять частей. Первая часть — «... А ночь звёздная-звёздная!» — составлена из стихов 2007 года — времени формирования поэта. Уже здесь видны темы, которым автор отдаёт предпочтение; подход к выбору лексики (поэтический словарь пополняется простонародными, диалектными словечками, грубой современной лексикой и даже архаичной). Здесь же можно заметить «провинциальный» уклон, упоминание многих географических названий и имён.

«Там, где вижу отраженья...» так же созерцательна, как первая часть. Здесь продолжается и расширяется тема «крайнего мира», маргинального, населённого дураками да алкашами. Зримой становится оппозиция чистоты, совершенства, которые изначальноны в природе, и убожества, грязи, нищеты, относящихся к миру людей. Бахарев-Чернёнок при этом не делает никаких выводов, не постулирует необходимость переустройства людского мира, но горечь, зелёная тоска и мизантропия, так или иначе, прочитываются во второй части.

Лирический герой и сочувствует сырым сим (нищим, пьяницам, дуракам), и презирает их; он, как большинство смертных, разделяет их на «своих», а потому оправданных — по чувству причастности к их горестям, — и на «чужих», далёких от него. Он и вторым сочувствует, конечно, но уже не оправдывает. Сравнить хотя бы эти две строфы:

*Осень — упоенье алкоголиков,
Мировая сторожей и конюхов,
Пьют и пьют в бытовке, прости господи,
Тишина, в сарае дышат лошади.*

И противоположное —

*У рынка дед одутловатый
Орёт, задрав башку: «Воры!»,
И в окровавленной руке
Бутылку держит, как гранату.*

2.

Третья часть книги названа «Асфальт до Чердыни». Однако топонимы встречаются здесь не так уж часто и вряд ли имеют ключевое значение. С другой стороны, возможно, таким названием автор закрепляет свою причастность к определённой местности, не желая отделять все происходящие в нём душевные процессы от пермского, шире — уральского, края. Бахарев-Чернёнок подчёркивает не просто национальные особенности, но даже особенности конкретного места и его обитателей.

*Асфальт до Чердыни издолблен костылями
Весенних дней, бредущих над тайгой
Гурьбой сутулой. Вариант другой:
Вытаскивая Парму штабелями,
Ревущие «Уралы» рвут Урал...
(И пусть один философ из Ташкента
Полюбит мудрость каждого момента.
С него — душа. С меня — материал!)*

*Асфальт до Чердыни сжимается гармошкой,
Шевелит ветер дряблые меха —
Так пой, философ, громче петуха,
Въезжая в Чердынь жалким и промокшим!
Вези, как дыню, солнце «чердакам» —
Им до гармошки и гармонии немного:
Тепло Ташкента. Скатертью дорога.
А философии и так довольно там.*

Нет никакого обаяния места, есть его привычный ритм, его безрадостный рабочий пейзаж, есть превалирование материала над высшей материей (душой), есть принижение в контексте необходимости (солнце как дыня: утрирование преобразования любой духовной пищи в пищу насущную, любого высшего явления в явление повседневного порядка). «А философии и так довольно там» — разумеется, своей собственной, философии повседневности и живота.

Место вроде Чердыни — отдельное место, его не понять любому. Философ из Ташкента берётся как антагонист незримому рабочему из Чердыни: тот — человек восточной мудрости, занятый умственным трудом, этот — русский (который не может считаться ни европейцем, ни азиатом в полной мере) человек ручного труда; тот — южанин, этот — северянин; тот — житель древнейшего города, столицы, этот — неизвестно когда образовавшегося, гораздо менее значительного в контексте государства, города-«чердака» (как бы запасной, но: не подвал) — и сами жители называются поэтом «чердаками» — теми, кто в запасных, но не в ненужных. С чердака нередко приносят припасённую вещь, в подвал — спускают отжившую, отслужившую.

И — своя «философия» провинциальных городов, их жителей — тех, которые ещё пригодятся, тех, которые ещё будут полезны, пусть о них до времени и не помнят, пусть даже ими пока пренебрегают. Сам Бахарев-Чернёнок остаётся таким же «чердаком», накапливающим темы, смыслы, словарь. Чтобы однажды выступить со всем этим добром.

Бахарев-Чернёнок любит подчёркивать именно нежную, хрупкую природу человека. Пропитый до последней невозможности какой-нибудь кочегар родом из уральских краёв, — то есть по определению человек нехилый — стоит на грани гибели в силу как раз подчёркнутой немогучести:

*Кочегар хоть топит печи,
Зябко кутается в плечи —
И в промёрзшей душегубке
Даже он какой-то хрупкий.*

В стихотворении «9 дней»:

*И он, бледнее привидений,
На небо едет, едет, едет...
Дорога эта окружная,
И на неё не нужно сил.*

То есть как только мы могли бы предположить наличие воли — из последних сил — Бахарев-Чернёнок нам говорит, что в этом неблизком путешествии сил не нужно. И человек превращается из хрупкого в аморфного, безвольного.

Для поэта главным остаётся в человеке его душевная — дальше — экзистенциальная — составляющая: «любовь и горе в человеке» заставляют его, человека, действовать всегда стоя как бы на краю, избирая выход не самый верный, но самый мучительный и тем наполненный своим, сугубо человеческим, смыслом. Человек у Бахарева-Чернёнка — Сизиф, бесконечно вкатывающий камень на гору, чтобы на секунду перед падением того ощутить гордость и торжество. Никто не ведает, что именно и для чего творит Сизиф, — лишь он сам это знает.

«Плачь о человеке!» — воскликнет поэт в стихотворении «Проткни парник пупырчатой перчаткой...» — но дальше становится понятно, что плакать о таком человеке и нечего — его не жаль, ибо он не жалок в тайном знании о себе:

*Как только сквозь невидимые веки
Воззрятся рыбы, вывернув плавник,
В земные окна —
Ты, в престранной неге,
Успеешь вспомнить испорченный парник
И с гордостью убитые победы.*

Эта подчёркнутая гордость в пустом (потому что бессмысленном) и страшном (злом даже в эгоистичном понимании) деле не даёт возможности никакого плача о человеке. Невозможно плакать о Сизифе, ибо он был наказан поделом; сочувствовать ему — можно: лишь до того момента, пока не осознаешь его гордость. Ибо гордость выносит большее, чем покорность.

3.

Четвёртая часть — «Алмазный лёд» — пожалуй, более трёх других тематически разнообразна. Здесь достаточно внятно и скорее иронически подана классическая тема поэта и поэзии; полногласно звучит «блатная» тема; здесь совершенно необыкновенное стихотворение-метафора «Зима опухла и посинела...», аллегорическое «Рана», отчасти родственное гоголевскому «Носу» и несколько стихотворений, стоящих особняком, словно бы они написаны в качестве заметок на полях или миниатюр-раздумий.

Однако главным образом «Алмазный лёд» объединяет в себе две темы: первая, наименее значительная, — северные пейзажи и любовь поэта к ним; вторая, гораздо более важная, — тот же хрупкий человек, замкнутый в ограниченном, пусть и бесконечно прекрасном, пространстве определённого места и самого себя, гораздо меньшего, чем этот край, обретающий в глазах хрупкого человека некую грандиозность, но ощущаемый при этом всё-таки сиротским (собственное сиротство перекрывает грандиозность пространства, в котором ты, словами Бахарева-Чернёнка из «Северной элегии», «из портрета стал пейзажем»). Эта тема, по-видимому, мыслится автором как главная.

Отдельно стоит сказать о стихотворениях, посвящённых так называемой теме поэта и поэзии. Прежде всего, Антон Бахарев-Чернёнок выступает как поэт нестоличный. Но и не сельский, не деревенский, — он поэт провинциальный, то есть окраинный, стоящий поодаль и наблюдающий происходящее с краю, с перепутей, со средоточия дорог: городских, деревенских — разных. Он не принадлежит ни тем, ни этим, но ему как-то свойственнее писать с севера, о севере, о северянах, об уральцах. Он их больше понимает и больше любит, что, конечно, необъяснимо (не объясняется через «почему?»).

В стихотворении «Меня не манит Петербург...» отчасти можно найти ответ, почему столичная, и в частности петербургская, среда не могут прельстить поэта Бахарева-Чернёнка.

*Боюсь, не выдержу тоски
Кладбищенской архитектуры —
Над головой Литературы,
Чей шёпот давит на виски!*

*Нет сил ходить, осиротев,
Меж лиц печальных в позолоте...*

Вот этого ощущения литературы, сбывшейся и отжившей, помещённой в склепы с табличками «здесь родился и жил» и т.п., великого культурного наследия, которое, ощущают москвичи и питерцы, — и которое, безусловно, накладывает на осознающих груз этого наследия особую ответственность, — Бахарев-Чернёнок хочет избежать. Точнее сказать, хочет избежать вечного давления груза — не внутреннего, которого он, как образованный и вполне налитанный литературой, человек, как поэт, не может не чувствовать, но этой внешней атрибутики, вечного напоминания и этой «как бы» живости творцов литературы, отлитых в бронзу и осыпанных позолотой (скорее даже метафорической). «Нет сил ходить, осиротев...» — говорит Бахарев-Чернёнок, по-видимому, ещё и осознавая себя в некотором смысле оставленным, не принятым (хотя бы по вине времени) в тот круг.

С другой стороны, поэт продолжает:

*Деревня Бахари в болоте
Стоит на той же широте.*

*Там то же небо, и тоска,
И покосившиеся избы —
Другое кладбище отчизны,
Где вместо лика лишь доска.*

То есть картинка избранного места обитания ничуть не лучше и совсем уж лишена обаяния даже по сравнению с «кладбищенской архитектурой»: там архитектура — тут болото. И главным остаётся сравнение с кладбищем — здесь оно всего лишь «другое», а значит, то же. И та же тоска, и то же небо — на той же широте. Но зато не доносится тяжёлого шёпота, но нет «лиц печальных в позолоте».

Обратим внимание на одну деталь. В первой части, условно петербургской, Бахарев-Чернёнок пишет «лиц», во второй, деревенской, — «лик». В деревне Бахари незримые населяющие её герои приобретают ту святость, которой лишены даже литературные гении, но и эта возможная святость пропадает втуне, никем не замеченная, не отмеченная. Здесь, в этом гиблом болоте, Бахарев-Чернёнок находит своих героев. Возможно, очень возможно, что ему будут адресованы вопросы о том, почему деревня, почему маргинальные герои, почему сельские пейзажи — откуда всё это в современном поэте?

Чтобы предупредить эти вполне закономерные вопросы, скажу, что Антон Бахарев-Чернёнок никогда не жил в городе размером больше Перми, и очень часто — в более мелких городках и деревнях. В биографии его нередко случались встречи с людьми очень простыми и совсем не знаменитыми, малообразованными, древними, молодыми, сильно пьющими и мало читающими. Случались и совсем другие встречи. Главное — выбор героев и картин не случаен, а образ поэта не закрывается никакой маской. Если перемена в образе поэта и его лирического героя произойдёт, она совершится естественно, по причинам, лежащим далеко от театральности. Разумеется, Бахарев-Чернёнок иногда утрирует «отношения»

своего лирического героя с другими персонажами, но он не придумывает их целиком, не делает из небывшего существующее.

4.

В пятой части — «Живи сюда», — совпадающей по названию с общим названием книги, интонация тоски меняется на другую — интонацию «вкуса жизни». Герой больше не обеспокоен, он, скорее, смирен и благостен. Он по-прежнему созерцает, но созерцание не поднимает в нём ни печали, ни желания пострадать за кого-то. Здесь нет и радостного всеприятия жизни, но есть переживание исключительно того, что приводит лирического героя в душевный трепет.

Пятая часть представляет собой те избранные моменты лирической биографии Бахарева-Чернёнка, которые позволяют сделать этот вывод — «Живи сюда». В смысле — живи лицом к самому себе, живи наедине с собой, только это имеет значение. Анализируя предыдущие части книги, можно сказать, что автор к такому выводу подходит достаточно последовательно, и этот вывод не является для самого автора неким откровением, но только чётко сформулированной позицией.

Наверное, апофеоза чувство поэта к природе — не только северной, но и южной на этот раз — достигает в стихотворении с почти «глянцевым» названием «Вкус жизни», впрочем, здесь мы должны понять, что это за вкус в его природном значении.

*Колкий ворс персика, фруктовая стекловата.
Синий хмель сливы, аптечная терпкость орехов.
Спрей апельсина. Ядрёные брызги граната.
Дынные выдохи... Южное лето! Проехав
Четверть земного бока, из липкой кедровой шишки
Наковыряв зародышей, ем великанов леса,
Лью океан тайги из пригоршни шикши;
Севером не напиться мне и не наестся,
Не утолить в лугах мой земляничный голод,
Не надышаться в дёбрях грибной прохладой.
Только в тепло поверишь, приходит холод —
И закрываешь глаза, ничего не надо.*

Кажется, нигде больше в сборнике Антон Бахарев-Чернёнок не позволил себе такой щедрости на метафоры, такого буйного смешивания красок. Но вовсе не обязательно, что они окажутся привлекательны для читателя. «Фруктовая стекловата», «аптечная терпкость орехов», «Дынные выдохи», «из липкой кедровой шишки/Наковыряв зародышей, ем великанов леса» — всё это вряд ли сообщает безоговорочную «вкусность». Лирический герой же действительно наслаждается, и единственным, что вызывает сожаление, оказывается скоротечность северного лета, неутолённость аппетита. После этого практически первобытного собирательства — «И закрываешь глаза, ничего не надо». Вот она, жизнь, обращённая на самого себя; выполнение дословно собственного завета «живи сюда». Праздник, пережитый в одиночку, и в одиночку переживаемый финал этого праздника.

Однако появляется и нечто новое. Здесь, в этой сокровенной жизни, оказываются женские фигуры, очень разные: близкие, как Л., совершенно незнакомые, но о которых фантазируется как о совсем близких, — героини «Попутчицы», «Юной мамыши», едва встреченная девочка из «Лавочки на Чкалова...», это олицетворённые Любовь и Смерть в одноимённом

стихотворении, это муза, названная с такой страстью, с которой поэт в «Живи сюда» больше никого не звал («Хочу музу — и чтобы с ней вместе спать»), это мимолётный образ матери с младенцем в одном из замечательнейших стихотворений — «Снится в руках синица...», это и показавшаяся на мгновение шлюха («О вечном»), и девочка-дух, или гений («Пустынная улица. Кажется, ни души...»). Целая галерея женских портретов — галерея, объединившая, пожалуй, все самые важные, знаковые образы.

5.

Огромного внимания заслуживает бахаревский поэтический вокабуляр, богатый по своему составу, в том числе благодаря диалектизмам, грубой и наоборот, книжной лексике, понятиям, связанным с медийным прогрессом, терминам из области биологии, как ни странно, и, разумеется, тропам.

В первом же стихотворении мы находим удивительное словечко «любать» («... А ночь звёздная-звёздная!..»: «... и дедушка/Под звёздами любал девушку — /Ну то есть мою бабушку...»), встречающееся в речи жителей Пермского края и означающее «целовать». Но Бахарев-Чернёнок не говорит «целовал» — именно «любал», подтверждая таким образом своё происхождение. С другой стороны, «любать» много мелодичнее, объёмнее по фонетике и семантике (неминуемо отсылая нас к «любить»), чем «целовать».

В стихотворении «Земляничную одурь вдохнуть...» диалектное «замять» — метель, вьюга (У С. Есенина: «Белая замять дробится и колется...»). И рядом с этим, полным умиления, простоты (словаря) и нежности стихотворением находим «В дырявой избе на шоссе Космонавтов...», где совершенно другая и вполне многообразная лексика: «СовТрансАвто», «фура-калека», «шмурда» (бормотуха, суррогатный напиток), «бесшумные кварки», «песчинки квантов», «газели» (стихи), «жмурясь блаженно», «неприкосновенный зенит Самарканда» — и лексика из научного словаря, и разговорная, и поэтическая книжная — всё это соединено вместе, иногда совершенно парадоксальным образом.

В другом случае находим грубые слова: «быдло» («Когда в автобусе служебном...»), «борзота» («Деревянный Христос»), «хмыри» («Во глубине уральских вьюг», «Северная элегия»), «дебил» («Мою звезду один дебил...»), «мудак» (по отношению к себе от лица других — «Растворю окно...»). Особенно «любимые» ругательства Бахарева-Чернёнка простые: «дурак», «дураки» («Скучно тащится по Каме...», «Если бы не были здесь холода...»), «дурочка» («В провинциальном городке», «Всё это почти не помнится...»), «дурачки» («В деревеньках тоска и уныние...»). В стихотворении «В душегрейке, в телогрейке...»: «Мы сидим как два удода...» — содержится распространённый сегодня эвфемизм, употреблённый в ироничном ключе.

«На реке ветерок...» подарит словечком «бубь» (так же названо целое стихотворение) — так в Пермском крае в разговорной речи называются личинки мух. А слово «вандыш» («Лодочка плывёт, бьют фонтанчики...»), например, как сообщает словарь Брокгауза и Эфрона, означает не только рыбку корюшку, но и другую рыбку — уклейку, если речь идёт о Пермском крае; по некоторым другим источникам, впрочем, может означать и мелкую рыбёшку вообще.

Одно из интереснейших стихотворений — «Зима опухла и посинела...», где встретим неологизм «по-парохожь». Хотя главное здесь состоит как раз не в создании необычного образа экстравагантными выразительными средствами, но, напротив, в использовании совершенно обычной лексики, при том, что мы получаем новую метафору смерти и вдобавок оказываемся в ситуации торжества над ней — свершившейся. Антон Бахарев-Чернёнок делает потрясающий аккорд, хотя обертона и последующее дрожание этого аккорда всё-таки настораживают и предостерегают от преждевременной радости.

*Зима опухла и посинела.
Берите тело!
Не зарывайте, как человека, —
Несите в реку.*

*И пусть уходит по-парохожь,
Пусть рыбы гложут;
И обмирают сердца нежных
Детей прибрежных.*

*Они отыщут в лесном овражке
Гнилую ляжку,
В снежки сразятся февральским мясом —
Чего бояться?*

*Чего бояться? Весна, девицы —
И жизнь родится!
Так почему бы и смерть не праздник?
Хотя бы разик.*

При активном навязывании неэстетичности смерти, мёртвого («опухла и посинела», «гнилая ляжка», «февральское мясо») очевидно внутреннее желание-страх смерти (заглянуть за... и удержаться).

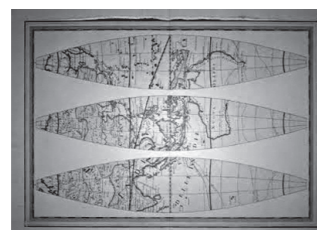
Хорошо здесь написан ужас, который должен возникнуть словно бы за пределами текста — в читателе, — картина, как дети распоряжаются мёртвым телом зимы. Сначала это замирание — «обмирание», как сказано поэтом, «не нежных детей прибрежных» — оттого что и не такое видали, живя у воды (топляки, поди, им не в новинку), а потом детская непосредственность, с которой любой ужас может быть обращён в игру — или снят ею.

Последняя строфа ставит нужные акценты: издёвки, выворачивания наизнанку, чёрного юмора — и всё это при элегичности тона вообще. «Разик» (вот бахаревский умелый выбор слова) прекрасно снимает всякое подозрение в злоупотреблении сентиментальностью. И вместе с тем трудно усмотреть здесь несерьёзность. Как говорила Цветаева, сравнивая детей и поэтов по примете безответственности во всём, кроме игры: «То, что вам — игра, нам единственный серьёз». Вот и для Бахарева-Чернёнка эта поэтическая игра, без сомнения, единственный серьёз.

Антон Бахарев-Чернёнок. Живи сюда. Стихи. — Пермь: Сенатор, 2011

Опрокинутое небо

Елена Сунцова. *Лето, полное дирижаблей*. – Нью-Йорк: Айлурос, 2010

Говорят, стихи пишут от большого горя, отчаяния, боли и других страданий. Поэтический сборник Елены Сунцовой «Лето, полное дирижаблей», в таком случае, редкий экземпляр. Потому что он — о счастье. На лирическую героиню Сунцовой словно опрокинулось небо, она «в небе пойманном зарыта», а «там, кроме облака, и нету ничего». Мир — батут, и, оттолкнувшись, теряешься в небе, воздухе, во всём необъятном пространстве.

*...Чтобы помнить
о любви,
мир-батут, её лови,
пусть она вернётся мне,
в небо, небо, небо...*

Название помогает лучше прочувствовать настроение книги. В ней — сплошной воздух, не надышишься. Дирижабль — летательный аппарат легче воздуха. А значит, лето, о котором

пишет Сунцова, полно состояний легче лёгкого, эдакая лёгкость бытия, но только совершенно не в кундеровском её понимании.

Для понимания хронотопа книги представляется важным стихотворение «Я жила напротив дома...» Показательной строчкой здесь прописано пространство, в котором пребывает героиня: «А теперь, мой дорогой, / я живу вниз головой». Возможно, ключ к хронотопу сборника можно найти в переключке мира поэтического с реальным миром поэта. Сборник издан в Нью-Йорке, переехавшая, а вернее, перелетевшая туда Сунцова на себе испытывает то, как день меняется местами с ночью. Обогнув планету, поменяла время, подарила себе ещё день — и в этом дне живёт.

Может, в том и есть простая разгадка — в разнице между прежним и нынешним временем поэтессы, а вслед за ней и её лирической героини? Здесь «верх как низ»:

*В этой ночи черноту
на плаву и на лету
не спеши, не торопись:
вниз как вверх
и верх как низ.*

*Вниз река течёт слоями,
вверх под ней
течёт земля,
где нутра ночного
клеть,
где рассвету
пламенеть.*

Полнота настоящего момента — ещё одна черта лирики сборника. Сунцова словно перебирает в руках реальные предметы, извлекающая из них звон и гул. Стихи по простоте и звучности напоминают игру на цветном ксилофоне. Простота формы стихов Сунцовой подкупает тем, что это только внешняя простота. Из звонких, отобранных по точному звучанию слов складывается картинка. И за простой формой скрывается уже то, что прятала за неё ранняя Марина Цветаева.

Возникает и ещё одна ассоциация. Большинство стихотворений сборника написаны четырёхстопным хореем, размером если не то детских присказок, не то народных заговоров.

*Что душа течёт
внутри,
никому не говори,
ляг на розовый живот,
подыши в горячий рот...*

Подобный звон слов встретишь не часто. Магический перезвон, перебирание, заговаривание. Потому сборник и о счастье — отчаяние, боль и всё то, от чего пишутся стихи, заговорено, заколдовано, пережито.

*...И, как рука
отбивает мяч,
чтобы летел, горяч,
так, обнимая,
прицелится
в горло метелица,
сгинь, превращение,
ночь, прочти
заговор, вот очки.*

Поднимаясь на дирижабле в воздух, опрокидывая на себя небо, героиня переживает обряд некой инициации, после которого всё уже иное. В сборнике чётко прослеживается прощание с прошлым, со всем, во что были пущены корни: с землёй, домом. Образ дома-сада второй, пожалуй, по значимости в сборнике после образа дирижаблей. И он оставлен, потерян, он опустел — «опустевший элинг».

*...Адреса такого нет,
дом убит, осенний
свет,
равнодушен и высок,
дому выстрелит
в висок.*

Дом неразрывно связан с садом, который виден из окна: «это окно,

за которым сад...». Вспомним, что сборники «Лето, полное дирижаблей» и «После лета» Елена Сунцова презентовала в Петербурге в один вечер с «Садом со льдом» Екатерины Симоновой. Возникает литературная игра, переключка, взаимоупоминание. Подобное уже не раз отмечали критики, для нижегородцев (поэтов по месту рождения и взросления) характерно упоминание друг друга. Вот и объяснение тому, почему дом не там, где лирическая героиня.

*До земли на волосок,
на шматок, на шаг.
Через сад наискосок,
через мат и шах...*

Сад, в противовес остальным образам сборника, — холодный, неуютный, там «дадут яд», сад — «шах и мат». Согласно системе координат сборника, дом-сад принадлежит прошлому, оставленному. А для лирической героини существует только настоящее время во всей его полноте. Для неё нет будущего как решённой величины:

*...я не добежу —
дни не добегут.*

А в настоящем —

*Душа расправилась,
проснулась,
к весенней ветке
наклонилась,
цветущим воздухом
надулась*

*и дирижаблем
окружилась.*

*Пойдём, сиреневого
счастья
себе, как хлеба,
наломаем,
и боль окажется
пустячной,
душа цветком и горе
раем.*

Дмитрий Кузьмин назвал молодое поколение поэтов нулевых годов «поколением рассерженных девушек», увидев в их стихах жёсткость, несвойственную женщинам. Здесь вспоминается и Екатерина Симонова, заглавие блога которой — «Девушка по недоразумению». Пусть так, но девушки эти в своих стихах описывают не «женскую трудную судьбинушку», в них не о «розовых рюшечках» и «бантиках» идёт речь. Стихи и Сунцовой, и Симоновой — концентрация чувств на пределе возможностей человека чувствовать.

В сборнике «После лета», логично последовавшем вслед за «Летом, полным дирижаблей», у лирической героини появится много вопросов, которые она задаст себе и читателю. Но «Лето...» — сборник совершенного зрелого счастья, затишья и красоты. 146 заговорённых на доброту страниц звонких женственных стихов.

Арина Маслакова

Я не боюсь потерь

«Лето, полное дирижаблей» — прежде всего, книга об Искушении с большой буквы, об искушении простом и древнем, как земля, о более древнем, чем хлеб, но насущном, как вода и пища. Имя этому искушению — любовь, да, конечно, именно она, потому что, как ни крути, именно любовь движет речью и женщиной, глядящей в окно/видящей океан.

Образ яблока (даже не яблока, а — спелого плода) — любви, желанного и недоступного, прослеживается на протяжении всей книги, в самом названии ее есть лето — пора тепла и плодородия, истома и созревания:

*Ночью, днём, в пылу,
в миру,
крепким пенящимся
хрум,
выкатившимся в траву,
одному быть, одному.*

Это даже не столько образ яблока, сколько образ/символ шара-спелого плода-женского чрева-круга, то есть того, что ни начала, ни конца не имеет, а значит, вечно:

*и почки, как плоды
тяжелые, тугие,
окутывает дым
непрожитого ими.*

Символ круга приобретает сакральное значение

полноты и единства, то есть круг-шар-яблоко есть символ любви, причем символ любви счастливой. Нарушение границ круга, его замкнутости — это не что иное, как метафора одиночества:

*белоокая луна,
где луна — да вот она,
вот осталась
одногобой,
в небе одинокой.*

Одиночество — недоступность (со) единения с любовью-любимым-желаемым — в данном случае начинает восприниматься читателем как образ смерти:

*Завив спиралью кожуру,
сияющий гарнир
родится в падающий
мир,
в котором я умру.*

*Со мной в саду
поговорят,
покажут, как дела,
и яд дадут, который я
при жизни не нашла.*

Как мы можем видеть, само понятие смерти циклично — опять символ круга, законченности, плавности линии письма, то есть — женственности. Поскольку следует отметить, что свою особую роль в данных текстах играет истинно женское начало, которое любую смерть преобража-

ет в жизнь, в ее продолжение в иной форме, более совершенной и не менее осязаемой и ясной (явной), чем прежняя, и природная цикличность жизни находит свое отражение в тексте.

Возможно, именно поэтому понятие любви в стихах Елены Сунцовой неизменно трагично и воспроизводит схему разрыва круга, жизни, отношений, так и полное преодоления своего собственного трагизма:

*Ветер деревья в саду
согнёт,
двери сорвёт с петель,
дом опрокинет, как
клетку кот.
Я не боюсь потерь,*

*обморожения и огня,
голода, боли, бурь —
прочь от меня, из живой
меня
выживи, помни, будь.*

В данном случае можно провести аналогию с мифом, в котором древние греки давали объяснение смене времен года: смене времени замирания, сна и времени пробуждения и цветения — с мифом о Персефоне и Деметре. Зерна граната, упоминаемые в этом мифе — символ верности, обратная сторона образа яблока — символ искушения. Это дает объяснение тому, почему основным в текстах этой книги являются опре-

деления «алый», «красный», «розовый», и слова, обозначающие цвет созревшего плода и — огня (внутреннего, фрейдистский цвет страсти): «облака, розовые бока», «ты ребенок в алых яблоках», «вот розовый, как плоть, разбитый перламутр», «открытый раны рот», «кровь внутри алеет», «алые дома», «ночное вино заката», «из крови гиацинт»:

*Дорогая, догорая
до исчезновенья,
от снесённого сарая
принимай поленья*

*в это пламя, над
которым,
горяча от плача,
шла небесным
коридором,
ничего не знача.*

Стихи Елены Сунцовой кажутся мне чем-то похожим на картину Валентина Серова «Девочка с персиками»: та же цветовая гамма — серое, светлое, золотистое и розовое, — столь же спокойная на первый взгляд

и столь же насыщенная изнутри, одновременная прозрачность и удивительная осязаемость, вещественность.

«Лето, полное дирижаблей» полно предметами, вещами-напоминаниями о прошлом, бытовыми мелочами, охапками цветов, обломками раковин, названиями-указателями, всем, что и мило женскому сердцу, и делает память — пронзительней,

*Новогодние игрушки,
и кастрюли, и подушки,
и рейтузы, и пальто —
всё осталось в доме том.*

*Только тени, мои тени,
отражения мои,
не любили, не хотели,
и ушли. Ушли, ушли.*

Эта «овещественность» удивительным образом растворяется, превращаясь из предметов — в слова, в их тени, уплывая, покидая, оставляя только легкий привкус нежности, морской и холодный запах воды:

*По реке идут дома,
отражение — вдова,
у неё ни ног, ни рук,
у неё ушёл супруг.*

*Он плывёт, дыша водой,
над гилеей золотой,
сквозь летучие пески,
дирижабль её тоски.*

Приведенный выше текст проливает свет на название книги. Слово «дирижабль» не единожды встречается в стихах, однако именно в данном случае это слово приобретает наиболее острую эмоциональную окраску. Здесь воедино сливаются мотив тоски, если можно так выразиться, «воды мертвой» и «воды живой», то есть стихии женской и животворящей, отражающей и обладающей свойством очищения и исцеления, как в русских народных сказках, связанность которых с образами и лексикой в текстах Сунцовой можно вполне четко проследить.

Екатерина Симонова

Знак бесконечности

Елена Сунцова. После лета. — Нью-Йорк: Айлурос, 2011

Тему воды автор развивает в следующей своей книге — «После лета», в самом названии которой явно прослеживается взаимосвязанность и преемственность текстов:

*через бортик перегнись,
понемногу оживая,
и вода стекает вниз,
неужели дождевая.*

Процитированный текст помещается в самом начале книги. Композиция обеих книг оказывается крайне специфичной: расположение текстов складывается в знак

бесконечности — ∞. Тексты «Лета, полного дирижаблей» собраны в книге в обратном хронологическом порядке (от финала к завязке), в то время как тексты «После лета» располагаются в идеально хронологической последовательности. Метафорически действие «После лета» исключает «Лето, полное дирижаблей», точнее — порождающие его эмоции. «После лета» — время осени, то есть время отдохновения, время не боли, но тихой памяти.

*Обмануло, утекая
лунным светом из стекла,
в капле радуги сверкая,
боль, которая прошла.*

*Было тайной,
стало дальней
и туманной стороной,
стало проще и печальней,
стало тем, что было
мною.*

«Лето, полное дирижаблей» заканчивается, утекает, как вода и время, «После лета» — в противовес предыдущей книге — начинается с зимы: эпохи льда и оцепенения. Образ зимы подается

как метафора забвения и выпадения героя из контекста зимы-молчания-сна:

*Пусть, как шуба, меховой,
Снег укроет путь домой,
Полушуба, полумгла,
Вот и я полуушла.*

Белое пространство замерзшей воды — это почти пустое пространство листа: стихи очень сжаты по форме, и эта лаконичность определяет повышенную насыщенность самого поэтического пространства.

Возвращаясь к теме зимы, следует отметить, что в стихах, объединенных этой тематикой, виден элемент сказочности/детского восприятия действительности:

*В эту дикую луну,
как в холодную волну,
свет ныряет под окном
золотым веретенном*

Молчание снега и лед тишины чудесным образом преобразуются в тепло и уют всех «мелочей, прелестных и воздушных», никоим образом не разрушая, не «рас/вытаивая» друг друга, но дополняя, как игрушки на елке, сохранившиеся в доме от нескольких поколений семьи: все эти ватные мыши, стеклянный сыр и рдеющие звезды, картонные ласточки, легкие и полые золотые веретенца и серебряный шуршащий дождь, ненастоящие, а потому и волшебные, только вместе и создающие целостный образ любви и дающие привкус счастья, как вкус

съеденного печенья (ибо настоящее счастье — мгновенно, но незабываемо), счастья детского и безрассудного, потому что только таким оно и должно быть.

Только с ними зима становится — настоящей. Вот тот момент абсурдной, но непреложной поэтической истины, когда слова и игрушки становятся делами и людьми, когда мир из старой карты и школьной библиотечки превращается в бесконечное путешествие, и только так после зимы снова наступает весна:

*Город нажил столько
света —
и зимою не остыл.
На ветвях висят
пакеты —
как скворечники, пусты.*

*Из окна увидишь море —
настоящее: плыву!
Серебристо-золотое —
помнишь рыбу и халву?*

Весна — снова растапливает лед, как гадальный любовный воск и как масленичное масло для блинов: все девичьи и детские радости, все ожидания, весь голод — опять вечный голод любви, сосущий под ложечкой:

*Нева под снегом
голодает,
как голодают по любви.
В лёд заливной она
впадает,
и выпадают зубы-дни.*

*Лежит, бока седые грея,
трамвай по льду её
идёт.*

*И солнце жадное апреля
её накормит и спасёт.*

И неожиданно — точней, как — неожиданно, нет, вполне ожидаемо и знакомо, и все-таки — неожиданно, как из года в год все бывает весной, повторяясь и в то же время возникая каждый раз из ниоткуда, расцветая каждый раз на той же ветке, но — другими лепестками, мы видим, как набирает силу (силу цветения и — так форель разбивает лед!) город — и никакой другой, как, конечно, Петербург, серый и нежный, как ветка вербы, мокрый, черный и пахучий, как кора дерева под дождем, как коряга на дне реки, как рыба, серебряно стоящая в ее изломах, больной от собственного блеска и запаха, потому что желанен, как тонкий лед для отчаявшегося и ждущего, и остр, как все самое желанное:

*Как зрачен Петербург,
как выдоен и сер,
как, в черный след обут,
блестит и облысел.*

И это ощущение одновременного страха и нежности — совершенная иллюзия, потому что то, что существует в действительности — это всего лишь дома, улицы, безликий камень и грязная вода, но только сам человек может надеть их душой и — дыханием:

*Никто не понимает:
Невы не существует,*

*кто воздух омывает
и проруби целует*

Так вновь появляется образ воды — любви — течения, ломающего лед, как устричный защитный панцирь, обнажающего самое сокровенное, а значит, самое недовечное, ведь все наши чувства, как бы искренни и велики они ни были — всего лишь дым и туман, если они замыкаются только на нас самих:

*Чтобы видеть самолёты,
дирижабли за плечом,
нужен кто-то, нужен
кто-то,
нужен кто-нибудь ещё.
Кто-то, кто идёт
и прячет
в золотистый лёгкий
газ
прядь волос и лоб
горячий,
кто-то, кто не видит
нас.*

Так в очередной раз возникает связь между «Летом, полным дирижаблей» и «После лета» — не только и не столько связь между книгами, сколько связь между судьбами, чьими — не суть важно, важно то, что все на свете — столь же прозрачно, сколь и возможно.

Возможно, именно поэтому «После лета» заканчивается подряд тремя циклами стихов («Нью-Юнна», «Манхэттенские романсы», «Сад Лен»), являющимися не что иное, как поэму о любви, любви не столько конкрет-

ной, сколько — вдохновенной, как дождь и корабль внутри шторма, когда важно только одно — быть сейчас и здесь, потому что дождь проходит, а суша может оказаться совсем рядом. Мотив дождя-таяния-слез — один из основных в этих циклах:

*пускай льёт дождь и
приближается гроза
тебе тогда я не успела
рассказать
что я люблю такое
утро — дождь и хмарь
оно мне дорого как
питерский январь*

И именно вода приносит ответ на самый таинственный, но всегда самый любопытный, как ни крути, вопрос: «Кто же является адресатом этих стихов?»:

*мои родные отражения
мои
я вас придумала но
думала не их
живописать а лишь
напомнить —
снова дождь
сегодня нет со мною
милого ну что ж*

Любовь — это отражение самой себя, дыхание на дождливом стекле, ладонь, ловящая летящий лист, но схватившая только воздух, так же, как и одиночество — это неизменное отражение любви, всего того, что прекрасно, потому что недолговечно и именно поэтому — вечно.

Екатерина Симонова

«Она листает выцветший альбом с гербарием безвинным и чудесным»

Екатерина Симонова. *Гербарий*. — Нью-Йорк: Айлурос, 2011

Книга стихов Екатерины Симоновой — своеобразный диалог с Серебряным веком. Стихотворения здесь — не столько стихи, сколько тени, призраки, осколки Петербурга начала XX века.

Уже в заглавии книги декларируется эта идея: гербарий — коллекция засушенных растений, и перед читателем предстают образы, символы, знаковые фигуры поэтической России первой четверти XX века, напоминающие сухие цветы, которые так приятно находить между страниц старинной, забытой всеми книги.

Сборник представляет собой не что иное, как стилизацию, кальку с Серебряного века, при помощи которой автор реализует попытку воскресить навсегда ушедшую прекрасную эпоху. В «Гербарии» изображен мир рафинированной культуры и красоты, цент-

ром и основанием которого становится Петербург с его историей, культурным наследием, географией и памятными местами.

«Гербарий» — не просто сборник стихов, но особый цельный текст, в котором происходит переосмысление традиций петербургского текста. Думается, излишне говорить о том, что образ Петербурга занимает исключительное место в русской литературе, поскольку именно этот город на протяжении нескольких столетий был средоточием государственно-политической, бытовой, культурной, интеллектуальной сфер жизни России.

В основе практически всех стихотворений сборника Симоновой лежат субстратные элементы петербургского текста, такие, как некая иллюзорность города (несмотря на его детальность и осязаемость), его ирреальная сущность, эсхатологические предчувствия, связанные с наводнением. Петербург Симоновой завораживает своей печальной, неуловимой, утонченной красотой, причем эта красота осмысливается через бытовые, повседневные детали, зафиксированные женским взглядом: город сравнивается со старинным таинственным патефоном,

мокрый от дождя Невский выглядит чарующе в сиянии дуговых фонарей, гладь Фонтанки вызывает ассоциации с зеркалом, небо над Петербургом напоминает серебряный багет, а мостовая схожа с булкой:

*На Галерной улице
Солнечные курицы
Каменную булку
Мостовой безлюдной*

*Выклевав по крошке,
Яркие, как брошки,
Рвутся врассыпную,
Как фонтана струи.*

Относительно языкового оформления сборника можно говорить о том, что автор использует лингвистические элементы (образы), наделенные положительным смыслом в произведениях всех творцов петербургского текста и ставшие символами Петербурга как литературного героя: проспект, линия, набережная, шпиль Адмиралтейства, фонари, сады, Нева, Египетский мост, Фонтанка, Литейный мост:

*Сияющей иглою
Адмиралтейство
шьет мешок*

Думается, что автор отдает предпочтение описанию не тех черт и знаков Петер-

бурга, которые традиционно воспринимаются как отрицательные, а тех, которые выполняют особую функцию: конструирование образа блистательного города, чарующего своим великолепием. В этом также проявляется и следование традициям поэзии акмеистов, которые стремились изображать Петербург как блистательную столицу, как город-музей.

Нельзя не отметить того, что в первой половине книги совершенно особое место занимают фигуры поэтов Серебряного века, а также известные представители богемы того времени. На страницах «Гербария» можно встретить Блока, Мандельштама, Кузмина, Ахматову, Гумилева, Цветаеву, Парнок и многих других. Благодаря неоднократному упоминанию образов поэтов и иных известных исторических персонажей, переходящих из одного стихотворения в другое, и культурных кодов, отсылающих к их биографии и творениям, явно ощущается эффект присутствия в Петербурге Серебряного века, создается впечатление, что считаешь не текст, а сам город.

Так же в «Гербарии» раскрывается еще ряд немаловажных мотивов всего сборника стихотворений: это мотив ностальгии, светлой тоски по Петербургу, интонация романтической печали от осознания невозможности окунуться в ауру идеального, уже не существующего города.

Особую смысловую нагрузку несет на себе эстетика балагана, реализующая себя в обрисовке художественного пространства, времени и образов в стихотворениях. Момент театральности в стихотворениях Екатерины Симоновой не монолитен, а скорее, множественен и дробен: автор обращается к образам, связанным с *commedia dell'arte*, цирком, балетом, водевилем. Приведем пример образного ряда:

*Коломбиной
притворялась,
Сладким чаем
угощалась...*

Текст из мини-цикла «Крестовский остров», благодаря наличию каламбура, особой интонации, речевой организации, напоминает раёшный стих:

*На улице Еленинской
Никто не верит
в Ленина.*

*Елены пьют чай,
ломая калачи,
с вареньицем вишневым,
с французским русским
словом...*

Таким образом, в книге стихов «Гербарий» просматривается концепция мироздания: мир представляет собой театр, а все люди — актеры/куклы/марионетки. Обращение к балаганным образам связано с предчувствием надвигающейся бури: герои прекрасны, но слабы, хрупки перед близящейся революцией.

Во второй части книги «Погашенная лампа» художественное пространство локализуется во Франции, в основном в двух местах — в Провансе и Париже. Вступительное стихотворение-эпиграф «Из дневника Адели» погружает читателя в мир переживаний человека, покидающего свою Родину навсегда.

Эмоциональная доминанта этого раздела — щемящая тоска по родному и до боли любимому Петербургу, становящемуся для лирического героя второй части не чем иным, как образом родины. В чужой стране все напоминает лирическому герою-эмигранту о потерянной России, о прошлом:

*...Похожие на
петергофских львов,
Во тьму уходят
теплые холмы,
И понимаешь, что
хватает слов
Не горечи, но,
боже мой, любви.*

*Подмена эта —
жалящий обман:
Смотреть, не видя
ничего почти,
И каждый куст
похоже на фонтан
Шумит...*

В «Погашенной лампе» логично возникает мотив памяти. Память эта одновременно светла и в то же время ранит лирического героя. Постоянное, непреодолимое возвращение героев второй части к мыс-

лям о Родине вызывает постепенно нарастающее, но безвыходное чувство отчаяния; мощный ассоциативный шлейф, связанный с реалиями Петербурга, в чужой стране вызывает даже едва ощутимое дуновение ветра, шум листвы на деревьях.

На страницах «Погашенной лампы» читатель встречается с поэтами и писателями русской эмиграции, болезненно воспринявшими отъезд из России и утрату культурного контекста: Бунин, Ходасевич, Берберова, Поплавский, Иванов, Одоевцева, Вертинский. В текстах второй очень чувствуется влияние Бориса Поплавского (в то время как первая половина книги навеяна, вне сомнения, стихами Михаила Кузмина, что вполне логично укладывается в общий концепт книги), а образы Иванова/Одоевцевой и Бунина/Кузнецовой становятся ключом к пониманию эмоциональной доминанты всей второй части.

Прованс, изображенный Екатериной Симоновой, великолепен:

*все изгороди розами
увиты...
прозрачный парус —
бабочки крыло...*

*Английской набережной
выбелена лента.*

Но героем осмысляется только внешняя сторона пейзажа Прованса. Взгляд

лирического героя скользит по поверхности, выхватывая только самые яркие, бросающиеся в глаза приметы Прованса, не проникая в их суть. Но в этой красоте есть некая пустота, безвоздушность:

*здесь жизнь как бы
стеклом облита,
но так хрупка, что —
в вату завернуть.*

Внимание, уделяемое Симоновой пейзажным описаниям Лазурного побережья, не случайно, поскольку природа Прованса выполняет определенную идейно-композиционную функцию: только в контрасте с цветущей, праздничной, полной красок и запахов природой Франции осознается сдержанное величие северной столицы, красота которой кроется не столько в роскошной природе, сколько в особой литературной ауре, которой пронизан весь Петербург. Оказывается, что жить и дышать полной грудью можно только на Родине, поэтому герои, вырванные из контекста культуры Петербурга (становящегося для автора метафорой России) перестают осознавать себя теми, кем они были в России, дома:

*ах, боже мой, какой же
это ужас:
себя не разглядеть
в родном лице
И на волнах качаясь,
Ты понимаешь это:
Чувствовать столько
горя —
Будто глядеть на небо.*

Красота Франции, как ни странно, не только восхищает, но и утомляет, заставляет с усиленной болью вспоминать Петербург, с которым связана для лирического героя и любовь. Если первая часть книги пронизана ощущением надежды, единения с любимым человеком, веришь, что можно случайно встретиться и заглянуть в его глаза или взять за руку, то в «Погашенной лампе» эта надежда рассеивается, утрачивается, поскольку непреодолимым препятствием на пути к любви становится жизнь вдали не столько от близкого человека, сколько — вырванность героя из знакомой обстановки, которая и наполняла душу желанием жить и любить. Лирическому герою остается только тоска, снова и снова он переживает, вспоминая счастливое прошлое:

*жить стало проще,
мучайся и ликуй.
пей вино, но не радуйся,
что обманул
старой любви тоску.*

В разделе «Погашенная лампа», наряду с мотивами одиночества, тоски по Родине, неразделенной безнадёжной любви возникает еще один очень важный мотив: мотив смерти, конца пути на чужбине. В стихотворении «На Сен-Женевьев дю Буа» говорится о том, что со смертью русских эмигрантов заканчивается и эпоха Серебряного века.

Конец Серебряного века в России совпадает с годом смерти Блока и Гумилева (1921 г.), а русские эмигранты продлили эту эпоху за границей до 1950 годов, пусть и в законсервированном виде — по причине отчужденности от живого и меняющегося русского языка, в частности, и родной культуры, в целом.

В стихотворении «На Сен-Женевьев дю Буа» вновь возникает образ игрушки, который так или иначе воплощался в текстах стихотворений из первой части. Да, нельзя не согласиться с тем, что человек в руках судьбы лишь игрушка, но в этой слабости кроется сила: сила созидать, сила творить до последнего вздоха.

В книге стихов «Гербарий» Екатерина Симонова декларирует идею бессмертности искусства и культуры, а обращение к творчеству поэтов Серебряного века есть путь погружения в идеальный Петербург, который продолжает жить своей особой, дивной жизнью в душе человека.

Ольга Ловцова

«Одно из трех — второго не дано»

Евгений Туренко. Предисловие к снегопаду (из пяти книг и двух тетрадей). — М.: Русский Гулливер/Центр современной литературы, 2011.

Книга Евгения Туренко «Предисловие к снегопаду» представляет собой ретроспективу творчества поэта за ни много ни мало — четверть века, разворачивающуюся перед читателем в обратном порядке: от текстов, написанных в городе Венёв в Тульской области (где автор книги проживает на данный момент) до тагильских стихов, включающих в себя период расцвета явления,

названного филологами «нижнетагильская школа поэзии», и период его существования нижегородской литературной студии «Ступени», одним из создателей которой был Туренко.

Очевидно, что без Евгения Туренко не было бы и поэзии в Нижнем Тагиле конца прошлого — начала нынешнего века. Точнее, и была бы, и есть сейчас, но именно благодаря Туренко этот город обрел свое индивидуальное поэтическое лицо — иногда прекрасное и тонкое, как фаумская фреска, иногда грубоватое и непристойное, как рисунки на стенах Древнего Рима. Эта двойственность прослеживается уже в названиях сборников, составивших том «Предисловия к снегопаду»: «Вода и вода», «Заблуждение

инстинкта», «Сопроводительное письмо», «Повторение», «Ключ к песочным часам», «Вторые светы»... Так читателю дается намек не на диалог автора и бытия, но на согласие поэта с двойственностью бытия, его двуликостью: согласие, не опровергающее самое себя, но подтверждающее свою действительность — своей отраженной прозрачностью:

*Не зачерпнуть
повторений, и страшно —
как до Рождества.
Маленькая Рахиль
не знает своей стези,
И забывают отзвук и
облик пальцы — возьми!
Разность цветет
во сне, как будто
там глубина.*

Эта отраженность жизни столь же проста в своей

миротворящей обыденности, сколь и умиротворенно абсурдна:

*Печально не то,
что печаль,
а то, что прелестно
— прелестно.*

Текучесть бытия в стихах Евгения Туренко есть не просто почти зрением ощущаемая эфемерность времени (очередной абсурд), но точно уловленное ощущение вневременности человеческой души, находящейся вне времени, и именно поэтому — по времени тоскующей:

*Но смерти нет —
как сказано тебе...
И, млечно и
пожизненно
витая
по мысленному свету
своему,
как будто в насекомой
слепоте,
и блин-душа твоя
глухонемая
мерещится недолго
наяву.*

По времени тоскующей — и пытающейся время воспринять как физическую субстанцию: воду. Субстанцию столь же осязаемую, сколь и неудержимую:

*Жизнь уходит, как
сквозь пальцы
чистая вода.*

Но, овеществляя время, поэт, следуя все той же необъяснимой и алогичной логике своего стихотворного пространства, в итоге сам же отказывает времени в вещественности, поскольку прекрасно не то, что рядом, что — твое и осязаемо, а только то, что остается без ответа, что неточно и непостижимо:

*Истекут пылинки лет
или — неолит.
Относительно до нет
небо не болит*

*Выйдет эхо по грибы —
Ни себе зима!
Неужели жили мы?
Ни «ау», ни «а»...*

Может быть, именно поэтому основным образом книги Евгения Туренко является смерть — одинаково точный и одинаково легкий символ как жизни, так и смерти самой, в неразрывном единстве воспринимаемых как первоначальный образ рождения:

*Свойство света —
исчезать,
а у смерти свойств нет.*

Но, оставаясь верным самому себе, Евгений Туренко делает совершенно неожиданный вывод:

*Не надыхаться
голосом —
воздух сужен*

*ли? Однородный
свет — ни о чём
и — нем.*

То есть, свет рождает не что иное, как молчание — то, что совершенно противоположно речи и тексту. В этом случае слепота становится синонимом звука и слова.

*А продолжай
по памяти
первый взгляд,
и слепота изыскана —
наугад.*

То, что лишает нас какой-то части мира/жизни/полного восприятия, дает — одновременно — и нечто новое: не в обмен на забранное, а так, просто так, потому что смысл имеет только то, что, по сути дела, бессмысленно:

*А живёшь, конечно, плохо,
то есть — хорошо.*

Для света не нужно большого пространства, а достаточно маленькой комнатки. Один голос может быть услышан — везде. Времени нет, потому что оно уже есть — внутри нас. А тишина — это не беззвучие, но скрип шагов по снегу. И поэтому Туренко оказывается, как всегда, прав:

*не бывает мелочей,
а бывает всё.*

Екатерина Симонова

Точка хрупкого равновесия

Анна Бердичевская. Масхара. Частные грузинские хроники. — М.: Арсис Букс, 2011

Мир книги «Масхара» возникает тогда, когда на пути ее автора появляется символическая фигура журавля — представителя другого пространства, о котором героиня пока ничего не знает, но скоро в нем окажется — надолго, если не навсегда. Но книга — не о тех счастливых годах, проведенных в теплых и гостеприимных тбилисских домах и не о той творческой атмосфере, которой автору тогда удалось приобщиться.

Книга — о моменте крушения. О том, как все развалилось. От первых митингов «за» и «против» на площади до пятидневной войны: «не было ни радио, ни телевизора, не было газет, так что моя страна рушилась на огромных пространствах совершенно бесшумно». Повествование того, кто выжил. Кто оказался внутри сошедшего с ума пространства, сохранил себя и сумел оттуда вернуться. О том,

как это происходило, можно почитать в автобиографическом рассказе «Горячая точка». Автору книги довелось побывать в ту пору военным фото-корреспондентом.

Много лет назад, сразу после начала распада, Анна Бердичевская задумала писать «Масхару», и только спустя двадцать лет книга оказалась готова: восемь рассказов, шесть из них — емкие истории времен гражданской войны в Грузии, седьмой — описание возвращения туда, где все изменилось, где рассыпались семьи, исчезли друзья, и восьмой — последний — о преодолении закрытых границ. На этом автор не ставит точку — а начинает говорить стихами-посвящениями. Каждое стихотворение — радость встречи с живым, дышащим, думающим человеческим существом. И горечь — оттого, что не знаешь, что случилось дальше — а что там, после войны?

*Ты помнишь о городе
том,
Где радость вскипала
— внезапно,
Внезапно! —
в пространстве пустом
На стыке Востока
и Запада?
Ты помнишь о доме,
о том*

*Ничьем, разоренном,
и нашем?
О людях, заполнивших
дом,
Чужих и случайных,
и спасших? (...)
И я не забуду, и ты,
Как жизнь возникла
и пела
Из самой простой
чистоты,
Из крайней — из
горсточки пепла...*

Масхара — это клоун, шут по-грузински. Впрочем, название не сугубо грузинское. Его можно встретить и в Средней Азии — видоизмененное до масхарабиз. Также среди версий происхождения слова «масхара» есть и такая: историк литературы А.Н. Веселовский сначала объяснял его глаголом «скомати», что означало производить шум, но позже он предположил в названии перестановку от арабского слова «масхара», означающего — замаскированный шут.

В книге — это герой самого большого по объему рассказа, клоун по профессии и, главное, по призванию. С первых страниц он предстает перед читателем так: «неподвижное лицо, массивное и бледное, на глаза надвинута кепочка, нос распух, бровь расщеплена». Пустое вроде бы дело — драка в ресторане.

Но с первых минут этого почти сценария (по стилю) возникает фигура «окровавленного клоуна», а вынесенная в название книги, она и вовсе становится неким обобщенным образом. Георгий Масхарашвили возвращается в свою тбилисскую квартиру, а под окном уже ходят танки, на площади сидят в бессрочной голодовке 17-летние, разменная монета для политических игр. Среди них — племянница Масхары. И вот уже сам Масхара выходит на площадь, чтобы остановить всеобщее лицедейство — когда весь мир театр, только шут может перестать играть. Финал — трагический для него и открытый для тех, кто стряхнул с себя матрицу и ушел домой.

Следующее потрясение — рассказ «Не все дома». Важно, что в «Масхаре» Георгий возвращает людей «к себе», используя символ ключей от дома, которые лежат у каждого в кармане, и напоминает о тех, кто не смог вернуться домой в 1953, когда умер Сталин и в давке на улицах погибло много людей. У Георгия есть в этих словах и своя боль: его мать увлекла в те дни за собой на улицу его сестру, сестра стала инвалидом и вскоре умерла.

Образ матери, ослепленной или одурманенной политиками, появляется в рассказе «Не все дома» — но уже в других, современных декорациях. Журналистка, в школе отличница,

комсорг, полюбила нового президента — и вот она, вся охваченная новым чувством, бежит из дома, чтобы взять у него интервью. Перед нами разворачивается цепь роковых случайностей: муж закрыл ее дома на ключ, но приходит сын, чтобы поделиться радостной новостью, что он скоро станет отцом, и выпускает мать. Она увлекает сына за собой — прямо к дому правительства — он же, занятый своими новыми переживаниями, не замечает, куда и зачем идет. Президента они не находят, интервью взять не удается, зато на пути встают люди с автоматами — и сын, погибает, защищая мать. Мать сходит с ума и все спрашивает: «Куда ушел мой мальчик? И что он хотел мне сказать?»

Конструкция книги вольно или невольно возведена по законам психологического восприятия. Неумолимость военной прозы сменяется комическими зарисовками. Юмор у Анны Бердичевской меткий — и иногда очень скупыми средствами — буквально одним словом, вовремя употребленным — она переводит повествование из одного эмоционального пласта в другой, как в рассказе «Кошка с собакой». «Трагическое веселье», так свойственное грузинскому народу, по словам философа Мераба Мамардашвили, проникает в самую ткань повествования.

А сражения политические перетекают то в сражения мужского и женского — как в «Сверхпроводимости», то в баталии характеров человека и зверя, как в уже упомянутой «Кошке с собакой». А вот и первый вестник мира: когда в душе лирической героини происходит борьба заканчивается примирением: «Вот я не понимаю, а понимаю лучше, чем если бы они ругались по-русски. Они другие, из другого, не кислого, теста. Как горячие шота-пури из круглой каменной печи. Но нет хлеба вкуснее для нас, для русских, для чужих...» — думает Августа из «Сверхпроводимости» и тут же ловит себя на мысли: «Да отчего же чужих? Как могло случиться все, что случилось? Ведь была же настоящая связь между Россией и Грузией, пылкий роман, явный и тайный, со страстным переглядыванием через Кавказский хребет.. Роман сделали законным браком, вот что... (...) Ну, а развод... это всегда, что ни говори, дело кровавое...» Так объясняет она самой себе происходящее, внутри себя восстанавливая мир, который, несмотря на ее внешнюю солидарность с пострадавшими, все-таки зашатался и норовил рухнуть. И вот уже в последнем рассказе «Контрабандный товар» начальник смены с гидроэлектростанции выбирает худой мир ради сохранения жизни — и пускает русских военных на ГЭС. За это он попадает

на несколько дней в кутузку. Уже на свободе, едучи в автобусе, он объясняет свой поступок случайной попутчице: «Один подлец, или дурак, псих — принесет на Ингури-ГЭС одну картонную коробку из-под обуви с взрывчаткой вместо башмаков. Вот и все. И не будет всей Грузии вниз по течению.

Не будет Мцхета, Тбилиси, даже крепость Нарекалу, что высоко на горе — смоеет к чертовой матери! Огромная волна унесет нас с детьми и с предками в Турцию. И Вардзию заодно смоеет, где Руставели родился. Какая война?!»

Вот на этой вопросительно-восклицательной

точке хрупкого равновесия и остается балансировать вся книга. И чтобы что-то переменялось в мире, в котором мы сейчас все с вами находимся, нужно принять в собственные руки то, что Анна Бердичевская пытается нам передать.

Ольга Роленгоф

«Книга историческая и заодно веселая»

Василий Каменский. *Путь энтузиаста: автобиографическая книга.* — Пермь: Пушка, 2011

2011 год оказался в Перми годом Василия Каменского. В полувековую годовщину его смерти в городе прошли авиационный фестиваль имени поэта-авиатора и выставка в частной галерее, городские власти открыли на «аллее славы» памятный знак в его честь. А в декабре на поэтическом фестивале «СловоNova» обещают показать анимационный фильм Александра Горнона по мотивам «железобетонных поэм» Каменского. В ряду этих мероприятий — мемуарная книга «Путь энтузиаста», которая была

издана усилиями летчиков военной части «Сокол» и продюсерского центра «Траектория», организатора авиационного фестиваля «Крылья Пармы».

Книгу приятно держать в руках — она вышла добротной и нарядной. Твердый шитый переплет, более 30 цветных иллюстраций. Оформление выполнено соглядкой на первое издание «Пути энтузиаста» 1931 года — в том же «карманном» размере и с веселой, динамичной обложкой. Это вполне отвечает содержанию книги — текст мемуаров также восстановлен по первому изданию. При переиздании книги в 1968 году в Пермском книжном издательстве были вырезаны некоторые оценки революции 1905 года и, вероятно, по мнению редактора, излишне колоритные реплики Каменского. Восстановленные купюры не много добавляют к изображению

провинциальной и столичной жизни начала XX века, но ярче рисуют образ самого Каменского. Так, мы снова можем прочесть, что нижнетагильские рабочие шутя называли революционера Каменского «президентом Урала», а актер Каменский «отчаянно нравился еврейкам-гимназисткам».

Содержание мемуаров лучше всего передает реплика самого автора: «книга историческая и заодно веселая». Здесь есть и живая дореволюционная Пермь, и авантурные актерские скитания героя, и отчаянность первых авиаторов, и атмосфера столичной литературно-художественной жизни 1910-х годов. Совершенно фантастически выглядит в книге количество «звездных» имен: от Мариуса Петипа и лейтенанта Шмидта до Ильи Репина и Сергея Прокофьева. И это кроме полусотни всем из-

вестных поэтов, писателей и журналистов начала XX века (А. Чехова, А. Блока, А. Куприна, Л. Андреева, В. Маяковского, А. Ахматовой, Б. Пастернака А. Аверченко, и прочая, и прочая...). Повествование от начала до конца пронизано такой легкой веселостью и самоиронией, что читатель вряд ли задержится на мысли о том, как на самом деле горько из-за бедности жить на складе у гробовщика, как страшно под угрозой казни сидеть в одиночной тюремной камере, ждать неминуемой смерти в падающем самолете или идти под перекрестным огнем по московским улицам в октябре 1917 года...

Мемуарное повествование Каменского обрамлено двумя сопроводительными статьями. Биографический очерк И. Ежикова открывает книгу, а завершает ее публицистическое размышление В. Ивашкевича о роли Каменского в пермском культурном пространстве. Оба автора сосредоточены более на фигуре самого поэта, нежели на его книге. В описании творческих и жизненных успехов поэта, настойчивых отсылках к литературным автори-

тетам (от В. Маяковского до В. Шаламова) сквозит — возможно, ненамеренное, — стремление убедить читателя в значительности фигуры Каменского. Тогда как хочется большего внимания к событиям, проливающим свет на личность поэта, на ту социальную и культурную обстановку, в которой создавались эти мемуары. Только одна деталь: на наше восприятие воспоминаний Каменского может повлиять знание того факта, что рукопись «Пути энтузиаста» была закончена автором и сдана в печать (т. е. сначала в цензуру, а потом в печать) в апреле 1930 года, накануне самоубийства В. Маяковского. Следовательно, в ней — последний взгляд Каменского на своего товарища, еще живого и не забронзовевшего от государственных титулов «поэта-трибуна» и «талантливейшего поэта советской эпохи».

Новое, красивое пермское переиздание «Пути энтузиаста» еще более выиграло бы от участия редактора. Это позволило бы, в частности, продуманно подобрать иллюстрации

и избежать неточностей в их описании. Так, даже неискушенного читателя может сбить с толку указание на «Первый журнал русских футуристов» 1914 года под опубликованным «Моим журналом» 1922 года. А опубликованный в качестве самостоятельной фотографии коллаж (его утраченный оригинал хранится как раз у нашего поэта) с изображением группы литераторов и художников в мастерской Н. И. Кульбина является свидетельством отдельной истории, связанной с соперничеством разных творческих групп 1910-х гг.

Среди всех мероприятий этого года, посвященных Василию Каменскому, заявленным и нереализованным осталось только одно — создание памятника поэту. По-видимому, Пермь должна еще что-то понять в его незаурядной человеческой и творческой судьбе. Тогда у нас появятся и памятник Каменскому, и серьезные издания его произведений, подготовленные не только энтузиастами, а и представителями научного и творческого сообщества.

Зоя Антипина

Авторы номера

Юрий Асланьян — поэт, прозаик, журналист. Родился в 1955 году в городе Красновишерске Пермского края. Публиковался в журналах и альманахах «Юность», «Огонек», «Смена», «Урал», «Дети Ра», «Пермь третья», «Лабиринт». Участник антологии «Приют неизвестных поэтов (Дикоросы)». Автор книг прозы «Сибирский верлибр» (1990), «Территория Бога» (2006), «Последний побег» (2007) и поэтического сборника «Печорский тракт» (2010). Живет в Перми.

Нина Горланова — писатель. Родилась в 1947 году в деревне Верх-Юг Чернушинского района Пермской области. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета (1970). Пишет со второй половины 70-х годов, первая публикация состоялась в 1980 году в журнале «Урал». Публиковалась в журналах «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Уральская новь» и других. Автор десяти книг прозы: «Радуга каждый день» (1987), «Родные люди» (1990), «Вся Пермь» (1997) «Любовь в резиновых перчатках» (1999), «Дом со всеми неудобствами» (2000), «Подсолнухи на балконе» (2002), «Светлая проза» (2005), «Чужая душа» (2005), «Линия обрыва любви» (2008), «Тургенев, сын Ахматовой» (2011). Произведения переводились на английский, испанский, немецкий, польский, французский языки. В 1992 году рассказ «Любовь в резиновых перчатках» был удостоен первой премии в конкурсе на лучший рассказ на русском языке, организованном Колумбийским университетом. «Роман воспитания» (в соавторстве с Вячеславом Букуром) был назван лучшей публикацией журнала «Новый мир» за 1995 год и стал финалистом Букеровской премии. Живет в Перми.

Сергей Дюкин — ученый, журналист, музыкант. Родился в 1975 году. Окончил историко-политологический факультет Пермского государственного университета (1997). Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. Руководитель пермского общества российско-венгерской дружбы. Лидер группы «Ганс Пфалль». Живет в Перми.

Александр Корамыслов — литератор, журналист. Родился в 1969 году в Воткинске. Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Соло», «Футурум АРТ», «Мир музея», «Урал», «День и ночь», «Крещатик», а также альманахах «Дирижабль», «Молодой Гений», «Перелом ангела», «Тритон», «Солнце без объяснений», «Черновик». Лауреат Первого Всесоюзного Международного Фестиваля молодой поэзии (Москва, 1991). Участник Второго московского международного фестиваля поэтов (Москва, 2001). Участник 12-17 фестивалей свободного стиха (2005-2010, Москва, Санкт-Петербург, Тверь). Участник фестиваля современного искусства «Живая Пермь» (2009-2010, Пермь). Автор книги «Имя глагольное» (2003). Публиковался в сборниках «Современная литература народов России» (2003), «И рекевима медь...» (2007), «Танкетки. Теперь на бумаге» (2008). Живет в Воткинске.

Арина Маслакова — филолог, преподаватель ПГУ. Родилась в 1990 году в Перми. Учится на филологическом факультете Пермского государственного университета. Лауреат Премии Президента РФ для поддержки талантливой молодежи. Публиковалась в научных сборниках студентов-филологов и журнале «Вещь» (№ 2).

Елена Сунцова — поэт, литературтрегер, издатель. Родилась в 1976 году в Нижнем Тагиле. Публикуется с 1994 г. Книги стихов: «Давай поженимся» (2006), «Голоса на воде» (2009), «Лето, полное дирижаблей» (2010), «После лета» (2011). Главный редактор издательства «Айлурос». Координатор Всероссийской поэтической премии «ЛитератураРентген». Жила в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, с 2008 г. живет в Нью-Йорке.

Марта Шарлай — критик, редактор. Родилась в 1980 году. Окончила филологический факультет УрГУ им. А. М. Горького, кафедра русской литературы XX века (2005). В периодике опубликованы фрагменты дипломной работы «Творчество Бориса Рыжего: позиция и поэзия». Работала корректором и редактором в издательстве «У-Фактория». В настоящее время — книжный редактор научной и научно-популярной литературы в небольшом коммерческом екатеринбургском издательстве. Как критик публиковалась в журнале «Урал» и литературно-художественном альманахе «Чаша круговая». Живет в Екатеринбурге.

Александр Югов — драматург. Родился в 1977 году. Окончил Пермский государственный институт искусств и культуры по специальности «Режиссура театра» (2001) и Екатеринбургский государственный театральный институт по специальности «Литературное творчество» (семинар Николая Коляды, 2010). Преподает в Пермском краевом колледже искусств и культуры на режиссерском курсе. Здесь была написана и поставлена в качестве выпускной работы его первая пьеса «Рисунки на асфальте». Лауреат Международного конкурса драматургов «Евразия — 2006» и независимого конкурса молодой драматургии «Любимовка — 2006» с пьесой «Другое небо». Лауреат фестиваля современной пьесы «Новая драма — 2009» с пьесой «Акварели», участник Форума молодых писателей России в Липках (2008) с пьесой «Птицы», лауреат конкурса «Факел памяти — 2010» с пьесой «Машинист». Печатался в журнале «Урал», «Современная драматургия», сборнике пьес уральских драматургов «Театр в бойлерной», «За линией». Постановки: «Акварели», «Маршрутка» (2008, 2009), «Посмотри, как сейчас упадет небо!» (2010). Живет в Перми.

Поддержка проекта была осуществлена Министерством культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2011. — 128 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Издатель:
Борис Эренбург

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Дарья Блажко

Корректор:
Анна Лукьянова

Фото:
Борис Эренбург (стр. 76)
Из архива С. Соснина (стр. 85-93)
Роман Минин (стр. 100)
Александр Жунёв (стр. 101)

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу: senator@permplanet.ru

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator@permplanet.ru

© «Вещь», 2011

© Авторы, 2011

© Издательство «Сенатор», 2011

полечка с моршкой **ЧТО-ТО** и его
противоположенное **АНТОЛОГИЯ**
современной уральской **ПОЭЗИИ** **ДЕТИ** победителей
КОНТАКТ будь тише **вечность** не будет
злопамятна вирус **одекал** рифмы на заборе **игра** всерьез
опрокинутое **Небо** я не боюсь **ПОТЕРЬ**
знак бесконечности она листает **выцветший**
альбом с гербарием **БЕЗВИННЫМ**
и чудесным одно **из трех** второго не дано **точка** хрупкого
равновесия книга **историческая**
и заодно **веселая**